

пять премий Nebula • две премии Hugo

ГРЕГ БИР

ПСЫ ВОЙНЫ: ПРОБУЖДЕНИЕ АРЕСА

Стоило землянам заступиться за своих покровителей, инопланетную расу гуру, как началась полномасштабная война... И враг — убийцы-антаги — уже вышел на орбиту Марса.

Майкл Венн, космодесантник, переживший несколько яростных атак, вынужден скрываться на поверхности Красной планеты. Без оружия, без пищи и воды, без малейшей надежды.

Заброшенная шахта с разветвленными ходами стала временным убежищем горстки храбрецов, со всех сторон окруженных превосходящими силами противника.

Это конец?

Но Майкл внезапно обретает в шахте знания, которые могут изменить ход войны и заставить землян взглянуть по-новому на инопланетных врагов и друзей.

Грег Бир

Псы войны: пробуждение Ареса

Эта книга посвящается ветеранам ВМС США, прошедшим путь от рядовых до офицеров:

лейтенанту-командеру в отставке Дейлу Ф. Биру;

лейтенанту-командеру в отставке Ричмонду Д. Гаррету;

а также всем, кто воевал вместе с ними во Второй мировой, в Корее и Вьетнаме.

Кроме того, я выражаю глубокую благодарность моим друзьям, помогавшим мне в работе над книгой, и с удовольствием привожу ниже их собственные высказывания:

Девид Кларк (Вьетнам): «Я хотел бы перечислить военных, с которых я брал пример. Это мой отец, Кен Кларк, сигнальщик ВМС, Вторая мировая; Сесил «Дьюк» Кроуэлл, водолаз ВМС, Вторая мировая; мой дедушка Эрнест Шульц, пионер авиации ВМС США, Первая мировая; и мой прапрадядя Джордж Бус, первый сержант роты D 155-го Пенсильванского пехотного полка, Потомакская армия, Гражданская война в США».

Дональд Э. Макквин (Корея, Вьетнам): «Я благодарен всем морпехам из моего прошлого, настоящего и будущего. Уверен, они не ударят в грязь лицом и еще больше прославят наш замечательный корпус. Semper Fidelis»^[1].

Ден О'Брайен (Ирак): «Посвящается погибшим морякам и морпехам из батареи «Кило» 3/12: доктору Ноублу, капралу Макрею, капралу Зиндерсу, капралу Линку, а также всем павшим на полях Ирака и Афганистана. И не надо упоминать моего имени, потому что оно слишком незначительно в сравнении с их именами».

Но я не могу не упомянуть Дена, ведь он помогал мне и был рядом.

Огромное спасибо вам всем!

Грег Бир

Назад, на Землю

Мне надо вернуться домой. Как сказал поэт, если ты не знаешь где ты, ты не знаешь кто ты^[2]. Дома я приду в себя.

Я выхожу из космической базы «Льюис-Маккорд» и шагаю вдоль Тихоокеанского шоссе. Я вполне уверен, что нахожусь в штате Вашингтон, что на дворе двадцать первый век, и весь это звездеч происходит наяву, а не в каком-нибудь дурацком кино.

Но тут тишину пронзает жалобный вой, гигантская тень накрывает тротуары, кафе и ломбарды, а через пару секунд в небе появляется ослепительный инверсионный след. Я с трудом поворачиваюсь на ноющих ступнях и поднимаю глаза, чтобы увидеть, как в небе над «Маккордом» черепаха-и-двойное-яйцо прочерчивает огненную кривую.

Удивительно.

Я и сам недавно вернулся на одной из таких «черепах» после восьмимесячного космического путешествия. Четыре туда, три обратно — итого семь счастливейших месяцев тайм-аута, которые я провел в узком и темном отсеке, с головы до ног обмазанный космолином. Все ради трех недель на Марсе — трех дерьмовых, изнурительных, сводящих с ума недель.

Кружится голова. Я останавливаюсь и смотрю вниз, чтобы прийти в себя. Проморгавшись, иду дальше. С моим организмом творится полный звездеч. Последствия космолина.

С некоторых пор на Земле мы заменяем все матерные слова на «звездеч» — это приказ гуру и часть цены, уплаченной за свободу. Зато на Красной Планете можно гнуть трехэтажным сколько влезет — ангелы отредактируют слова и удалят всю матерщину.

ВШПОЗ.

Джо знает матерный анекдот, чертовски смешной, я вам обязательно как-нибудь перескажу. Но сейчас я очень за него волнуюсь. Мы вернулись на разных кораблях, и он так и не появился в мобилизационном центре. Мой «кугуар» остался на парковке возле космопорта «Виргиния». Можно, конечно, сесть на автобус до Сиэтла, но ведь Джо советовал не высовываться. Кроме того, мне хочется побыть одному — потихоньку размять ноги, полюбоваться голубым небом — пока я не могу смотреть вверх без приступов головокружения, но, надеюсь, они скоро пройдут — и насладиться свежим воздухом без примеси ракетной гари. Какое счастье, когда на тебе нет шлема, и можно дышать полной грудью! Впрочем, через пару километров я выбиваюсь из сил — икры ноют, каждый шаг дается с трудом. После долгих месяцев в космосе трудно заново привыкать к земному притяжению. Я распрямляю спину, сжимаю челюсти, с трудом заставляю себя оторвать взгляд от неба и смотреть только вниз.

Ясно, что не обязательно идти пешком всю дорогу до Сиэтла. Поднимаю вверх палец и наклеиваю на физиономию дурацкую улыбку, однако все машины несутся мимо. Так проходит полчаса. Я уже собираюсь попытаться счастья у кафе, как вдруг за моей спиной останавливается голубой электромобиль — абсолютно бесшумно, словно кто-то пернул втихую. Ненавижу, когда вот так подкрадываются.

Я оборачиваюсь и пытаюсь унять дрожь. Стекло опускается, и я вижу за рулем пожилую женщину. Она явно уже разменяла шестой десяток, волосы выкрашены в рыжий, но корни с проседью. К горлу подступает тошнота — что если она из Мадигана, из СНЗВ? Джо вед

предупреждал: «Ради бога, после всего случившегося, держись подальше от докторов!» СЗВ — сокращение от «Служба надзора за здоровьем военнослужащих». Но нет, водители не из Мадигана. Женщина спрашивает, куда мне надо.

— В Сиэтл.

— Тогда залезай.

Она работает секретаршей у какого-то полковника в «Льюисе», ничем не примечательная с виду бабулька, но таинственный блеск ее серых глаз подсказывает мне, что в былые времена насмешки этой красавицы убивали мужчин наповал.

Не довезет ли она меня до «Пайк-плейс»?

— Без проблем.

Я залезаю в машину. Какое-то время мы едем молча, потом она говорит, что я похож на ее сына, павшего смертью храбрых на Титане. Интересно, откуда такие сведения? Ведь наши войска никогда не высаживались на Титан.

Вслух я говорю «примите мои соболезнования», но про себя радуюсь, что убили его, а не меня.

— Как там, на войне?

— Трудно сказать, мэм. Я только что вернулся, еще не успел прийти в себя.

Нам не рассказывают всего, только самое необходимое. Боятся, что мы начнем размышлять и отвлечемся от дела.

Титан... древний и звезда какой холодный. Интересно, что за скафандры носят на этой планете? При таких морозах все жидкости должны застывать моментально. Марс, конечно, тоже не сахар, но к нему мы почти привыкли. Задача проста — смотри в оба и не забивай голову всяким дерьмом, а думать за тебя будут генералы и гуру.

Это всего лишь часть сделки. Очень большой и важной сделки.

Чертов Титан!

Бесшумный электромобиль везет меня сначала на север к Спринг-стрит, потом на запад, к «Пайк-плейс» и Первой. Я вылезая из машины. Бабуля тепло улыбается, и от ее глаз лучиками разбегаются морщинки. Слегка пожимает мне руку на прощанье. Мгновением позже она исчезает из моих мыслей. А вот и рынок, он ничуть не изменился с тех пор, как мы проходили космотренинг на КЛУ — Курсах по лидерству и управлению. Помню, как мы надирались в местных барах, а потом шли искать приключений. Рынок — обязательный пункт в маршруте. Нам нравились большие круглые часы, и огромная неоновая вывеска, и то, что здесь яблоку негде упасть из-за туристов. И конечно, знаменитая бронзовая свинья перед входом.

Какая-то девочка в розовом платице оседлала статую и с улыбкой хлопает по ее отполированным бокам. Вот за что — за кого — мы сражаемся.

Я в штатском, но космолин придает коже специфический аромат, который стоит несколько дней, пока остатки препарата не выведутся из организма. Ни для кого не секрет, что я недавно вернулся из тайм-аута. Гражданским не положено приставать к нам с расспросами, поэтому они провожают меня молчаливыми взглядами и лыбятся как бараны: «Добро пожаловать домой, космонавт! Расскажи, как оно там?»

Все понятно без слов.

Я останавливаюсь перед прилавком с овощами, фруктами и цветами. Торговка — миловидная женщина из Лаоса, ей помогают сыновья и дочка. Вокруг них горы перца, крупного и мелкого, острого и сладкого, желтого, зеленого и красного, россыпи сладких

луковиц валла-валла, репчатого и зеленого лука, и всевозможные сорта картошки — деревенская, красная, желтая, и даже синяя, ямс и батат, зеленый и желтый стручковый горох и бобовая фасоль, лакомство для детей и взрослых. Из ящиков с репой торчат хрустящие зеленые листья, а в углу примостилась коробка со странного вида грибами. От такого буйства красок рябит в глазах, ведь на Марсе меня окружали совсем другие цвета — коричневый и розовый, темно-синий и разбавленный звездными точками черный.

Прямо передо мной высится горка из кочанов капусты — пнуть бы их хорошенько, чтобы разлетелись по прилавку, а потом вгрызться в густые зеленые листья, вдохнуть в себя их яркие, кричащие цвета. Вместо этого я покупаю пучок сельдерея и отхожу в сторону от потока туристов. Опираюсь спиной на какую-то железную дверь. Икры все еще сводит судорогой, поэтому я неловко переминаюсь с ноги на ногу, а потом и вовсе сажусь на корточки, прислонившись к прохладному рифленому железу. Жадно объедаю листья и впиваюсь зубами в грязные хрустящие стебли. Съедаю пучок до самой сердцевинки. Обожаю сельдерей. Самое то для измученного тайм-аутом желудка.

Подкрепившись, я чувствую себя намного лучше. Пора прогуляться милую-другую перед сном.

Вряд ли я просплю всю ночь.

Космодесантники, как правило, живут вместе по несколько человек во временных квартирах типа ночлежках, расположенных неподалеку от крупных космопортов. Чаще всего я останавливаюсь в Вирджиния-Бич. Я и сейчас мог бы сесть в свой «кугуар» и поехать по мосту через Чесапикский залив, наслаждаясь теплым морским бризом. Но после всего, что случилось (и учитывая советы Джо), лучше туда не соваться. По крайней мере, пока. Может, вообще никогда.

Я поднимаюсь на ноги и протискиваюсь сквозь толпу, но колени предательски дрожат — сил на еще одну прогулку явно не хватит. Ловлю такси. За рулем белый техасец средних лет. Раньше здесь таксовали по большей части ливанцы, эфиопы и сикхи, но сейчас их почти не осталось — все кто помоложе ушли на войну. Темнокожие на удивление легко переносят тайм-аут, намного лучше, чем белые техасцы. Недаром их прозвали «королями космоса». Кого только не увидишь в космодесанте — западные и восточные индийцы, выходцы из Кении, Нигерии и Сомали, мексиканцы, малазийцы и филиппинцы, ямайцы и пуэрториканцы и, конечно же, азиаты всех мастей. Фасции отстыковываются от фрейма, ты выскальзываешь из капсулы, раскрываешь парашют-«одуванчик» и приземляешься на Красную планету. Не опаснее, чем водить такси, а платят в разы лучше.

Сам я ни разу не темнокожий. Ко мне даже загар не липнет. Самый что ни на есть белый парень из Москвы, штат Айдахо, бывший сисадмин, которому до чертиков надоело просиживать штаны в душном офисе среди таких же ботаников, как он сам. Вот я и записался в космодесантники, прошел предварительный отбор, учения в казарме и в пустыне, пережил выход на орбиту и первый бросок на Марс и вернулся домой целым и невредимым, даже умом почти не тронулся. Теперь зашибаю кучу денег: надбавки за перелет и за участие в военных действиях, так называемый боевой бонус, плюс компенсации за космолин.

Космолин многократно замедляет все клеточные процессы, и некоторые ученые полагают, что он сокращает жизнь не меньше, чем солнечные вспышки или гамма-излучение. Военные врачи, напротив, считают тайм-аут совершенно безвредным, но можно ли им верить? Незадолго до моего последнего вылета вокруг Мадигана разгорелся

скандал — сразу нескольких докторов обвинили в халатности. Военные врачи уверены, что все космодесантники спят и видят, как бы откосить от службы. Лишний повод избегать СНЗВ. Мы падем в разы больше, чем они, и все равно слышем нытиками. В Мадигане нас ненавидят. Пусть-ка поработают с наземными войсками. Для сравнения.

— Сколько бросков? — спрашивает таксист.

— Больше чем надо.

С тех пор, как я поступил на службу, прошло уже шесть лет.

Таксист разглядывает меня в зеркало. Ему не обязательно следить за дорогой, машину ведет автопилот.

— Ты когда-нибудь задавался вопросом — зачем? *Ради кого* стараетесь? Они ведь даже не люди.

Тут, на Земле, многие считают нашу войну ошибкой. Наверное, мой таксист как раз из таких.

— Спрашивал себя об этом? — не унимается он.

— Много раз.

Водитель раздраженно отворачивается.

Такси привозит меня в Беллтаун и останавливается возле небоскреба под названием «Первая космическая башня». Я расплачиваюсь наличными, даю щедрые чаевые, но придурок-таксист все равно косится на меня с неприязнью. Я забываю о нем, как только выхожу из машины.

Сажусь в панорамный лифт — из стеклянной кабины открывается великолепный вид на город — и поднимаюсь на свой этаж. Захожу в круглый холл с альковами по периметру — в это время дня все они пусты. Ввожу шифр, и кодовый замок открывается со щелчком. Квартира приветствует меня веселым перезвоном. Ретро-стиль, классический Сиэтл, без всяких новомодных гуру-штучек. Так обставляли дома еще до моего рождения.

«Заляг на дно. Не высывайся».

Господи, ну разве я гожусь в шпионы?

Квартира в точности такая, как я ее запомнил — уютная и прохладная, серые обои, ковер и мебель им в тон, нержавеющей сталь перемежается вставками из дерева и белой эмали. Диван, стол и стулья из пятидесятых. Прошлогодня елка все еще стоит, хотя вода высохла, а иголки осыпались. Пол при этом идеально чистый, спасибо «Румбе», люблю его, хоть он и устарел. Пылесос выползает из щели под лестницей и тычется мне в ноги, словно веселый серый трилобит.

По привычке я дважды обхожу все комнаты и убеждаюсь, что кроме меня в квартире никого нет.

Придвигаю кресло с подголовником к панорамному окну и любуюсь видом на залив Пьюджет-Саунд. Мне по-прежнему нельзя смотреть в небо — кружится голова, — поэтому я перевожу взгляд вниз, к веренице снующих туда-сюда паромов и к уходящей за горизонт цепочке танкеров и грузовых судов. Приятно знать, что транспортные компании вроде «Маерска» все еще перевозят товары в разноцветных железных контейнерах. Каждый контейнер примерно в семь раз меньше космо-фрейма. И каждый, без сомнения, доверху напичкан хитроумными гуру-изобретениями. Наша экономика плотно сидит на этом наркотике.

Вот за что — *за кого* — мы воюем на самом деле.

Историческая справка, часть первая

АПД. Абсолютно правдивое дерьмо. Так, по крайней мере, нам говорят.

Их настоящее имя — если они не врут — столь непривычно для человеческого уха, что ни один землянин не сможет его повторить, поэтому мы зовем их гуру. Они обнаружили свое присутствие тринадцать лет назад, когда их корабль-разведчик приземлился в сердце йеменской пустыни. Место было выбрано не случайно — гуру боялись, что люди найдут их базу и сотрут ее с лица Земли.

Первыми их увидели бедуины. Кочевники, пасшие верблюдов, подумали, что наткнулись на джиннов, и лишь много позже гуру решились предстать перед остальным человечеством.

Говорят, они взломали телекоммуникационные и спутниковые сети, открыли анонимные торговые счета и подняли кучу денег на фондовой бирже, а потом опубликовали в Интернете несколько загадочных статей, взбудораживших пытливые умы. Гуру завоевали своих первых сторонников, сочинив легенду о таинственном мозговом тресте, который хочет основать филиалы в мегаполисах по всему свету и посылает волонтеров в разные страны.

Потом гуру провернули еще одну онлайн-махинацию и подцепили на крючок вторую группу избранных — военных, офицеров разведки и политиков — всячески намекая, что национальная безопасность дала трещину, и над миром висит чудовищная угроза. Последнее, впрочем, оказалось чистой правдой.

Угрозой были сами гуру.

Сначала земляне верили, что имеют дело с эксцентричным и богатым отшельником, не жалеющим денег на свои причуды, но постепенно те, кто посмышленей, докопались до правды. К тому времени гуру уже подкинули нам несколько драгоценных пасхальных яиц с сюрпризом внутри. Разбрасывая намеки тут и там, гуру подвели людей к целому ряду блестящих математических и научных открытий. Одним из них стало квантовое чередование, позволившее увеличить пропускную способность компьютерных сетей в миллионы раз.

Только после этого гуру раскрыли правду о себе, и то не сами, а через специально обученных посредников. Разумеется, они пришли с миром и хотят нам добра. Гуру осторожничали, выдавали информацию малыми дозами. Боялись, что спешка перечеркнет все их планы.

Со временем мировым лидерам тактично дали понять, что правила игры поменялись. Простые граждане узнали об этом еще позже, после нескольких месяцев тщательной подготовки. Как выяснилось, гуру не только обладали безошибочным политическим чутьем, но и великолепно разбирались в нашей психологии. Они знали, что действовать надо постепенно.

Спустя шесть месяцев гуру окончательно вышли из тени. Один за другим они покидали Хадрамаут и перебирались в столицы, экономические центры и научно-исследовательские институты, превращаясь в заложников и бесценных советчиков одновременно.

Пришельцы объяснили, что они прибыли крохотной группой, потому что межзвездные путешествия невероятно сложны технически и затратны даже при высочайшем уровне развития техники. Так, по крайней мере, утверждают наши ученые. Мы не знаем, сколько пришельцев было на Земле изначально, но, если верить правительству, сейчас их не больше

тридцати. Примечательно, что гуру ни капли не нуждаются в обществе себе подобных, но с людьми контактируют постоянно. Не со всеми, разумеется, а с несколькими десятками избранных. С чьей-то легкой руки этих эмиссаров прозвали Эскортом.

Гуру долго не решались сделать очередное признание, и вы скоро поймете почему. От этого признания за километр разило собачьим дерьмом.

Когда человечество потихоньку привыкло к новому миропорядку, а гуру окончательно убедились в нашей лояльности, выяснилось, что они — не единственные разумные существа во мраке световых лет. У гуру есть смертельные враги, которые преследуют их, гонят от солнца к солнцу, от планеты к планете. Гуру измотаны этой борьбой, слабы, почти беззащитны.

Подарив землянам новые технологии, они ожидают ответной услуги. Мы должны помочь им отбиться от неприятеля, который уже вторгся в Солнечную систему и пытается основать там военную базу. Не на Земле, конечно.

На Марсе.

Кто-то из ученых придумал врагам имя — антагонисты. Антаги. Кличка прижилась. Антаги — крайне злобные существа, и это все, что нам о них известно.

Итак, пришло время платить по счетам, и космодесантники, как водится, оказались на передовой. Ничего нового.

Закат окрашивает дымку над Сиэтлом в нежно-желтые тона. Ночь падает на город, и сквозь пелену слез я вижу, как корабельные огни кружатся в причудливом танце. Мое тело по-прежнему источает противную склизкую жижу. Космонавтам запрещено принимать таблетки в первые дни после тайм-аута, потому что их печень и так перегружена, удаляя из организма остатки космолина. Он каплями выступает на коже и придает дыханию ни с чем не сравнимый аромат дешевого джина и застарелого пота. Девушки на гражданке брезгливо морщат носы, и только внушительная пачка денег может примирить их с этой вонью.

В квартире тишина. Кроме меня здесь ни души. Космодесантник редко остается наедине с самим собой. Если ты не в тайм-ауте, в ухе постоянно жужжит чей-нибудь голос — либо напарник, либо ангел. Одиночество мне по душе. К тому же, оно продлится всего несколько часов. Скоро вернется Джо и расскажет, чем все закончилось. Откроет мне секреты — про маскианцев и про штольню, про кремниевую отраву и алмазную башню.

Про Тил.

И про форов, алчных, сварливых людишек, которые в одночасье лишились практически всего. И поделом — сами заслужили. Но даже такие негодяи, как они, не заслуживают *нас*.

Я сворачиваюсь в кресле калачиком и натягиваю одеяло повыше. Я чертовски устал, но голова гудит от мыслей. Скоро я заново переживу все это дерьмо.

Прошлое встает перед глазами.

Ненавижу физику

Законы физики смертельно опасны, но биология гораздо кровожадней.

Мы находимся в воздушном цилиндре в самом центре космо-фрейма, только что проснулись после тайм-аута. Каждый получает дозу энерготоника, а вращающаяся щетка смахивает с нас остатки космолина. Похоже на автомойку в невесомости.

В этот раз с орбиты должны быть сброшены шесть фреймов. В четырех из них находятся фасции — вращающиеся цилиндры, в каждый из которых, точно пули в барабан револьвера, вставлены три капсулы. Мы окрестили эту конструкцию «грилем». В каждой капсуле — отряд космодесантников, в общей сложности — двести сорок человек. В пятый и шестой фреймы загружены транспортные платформы, тяжелое вооружение, машины и фонтаны. Какое именно оборудование нам сбросят, неизвестно. Увидим, когда приземлимся.

Очистившись от космолина, мы натягиваем гермоскафы, проверяем их, цепляем к поясу пистолеты и получаем кассеты с отработанной материей. Надеваем парашюты-«одуванчики» и расходимся по своим капсулам. Быстро, уверенно, без раздумий.

В капсуле темно и тесно. Давит на психику. Наши ангелы включают расслабляющую музыку, но от нее лишь хуже.

Меня бьет дрожь.

Почему так долго?

Внезапно отовсюду — *со всех сторон!* — раздается вой, шипение, визг. Меня припечатывает к одной стенке, к другой, швыряет о потолок, кидает на пол. Слава богу, оторвались!

Фасции, вращаясь, отделяются от фрейма, в цилиндрах запускаются тормозные установки. Когда скорость падения снизится, начнется отстыковка капсул.

Я ничего не вижу, но мой ангел проецирует на экран шлема цветную диаграмму. Яркая, радостная картинка. Все по плану.

Бросок начался.

Я не чувствую, как мы входим в атмосферу, хотя должен бы. Непорядок. Внезапно меня оглушает звериный рык — ага, началось-таки. И тут, как раз когда шум становится непереносимым, капсулы раскрываются, мы с тридцатью товарищами выскальзываем наружу и отчаянно цепляемся за аэроциты.

Щиты встают дыбом. Мы в верхних слоях атмосферы.

Над Марсом.

Красная планета заполняет собой все небо.

Мы вдесятером прилипаем к щиту и на несколько минут зависаем в свободном падении, а потом скатываемся вниз.

Ослепляющая вспышка и палящий жар. Ткань моего гермоскафа хлопает под порывами ветра, потом прилипает к коже, теплая и приятная.

Парашют раскрывается, выпуская в атмосферу миллион тонких, почти невидимых паутинок. Мы прозвали его «одуванчиком». Нити сплетаются в круглый шар диаметром около пятидесяти метров. Мой «одуванчик» дергается в разреженном марсианском воздухе, потом приклеивается к другим таким же нитяным шарам, внутри которых словно в коконе бултыхаются другие космодесантники.

Снаружи кокон объят пламенем, мы похожи на насекомых, барахтающихся в горячей

сахарной вате. Восхитительное зрелище — словно над Марсом всходит алое огненное солнце. Я дышу как скаковая лошадь после забега. Экран запотел, мне почти ничего не видно, но и так понятно, что у нас проблемы. Большой огненный шар распался на части слишком рано, сквозь багровую дымку я вижу только двух товарищей, остальных унесло прочь. Можно лишь гадать, куда они приземлятся.

А огонь все ближе, все ярче. Трясет так, что меня едва не выворачивает наизнанку. Скорость падения замедляется с четырех километров в секунду до одного, затем до километра в минуту. «Одуванчики» догорают, а мгновением позже наши рюкзаки отрываются и уносятся прочь, оставляя за собой унылые клубы дыма.

Сгибаем колени. Удар о поверхность. Не очень-то мягкая посадка!

Встаю на ноги. А мне повезло. После неудачных бросков выживших, как правило, не бывает. Озираюсь. Вокруг, сколько хватает глаз, простирается равнина.

Ну, здравствуй, Марс.

Красная планета.

Непосредственной угрозы не обнаружено.

Самое время матюкнуться от души и выяснить, что же, черт возьми, пошло не так.

Со мной Тек и Казах. Сквозь пелену огненного рассвета мне удалось разглядеть еще нескольких: Диджея, Ви-Дефа и, по-моему, Мишлена. Быть может, они совсем близко от нас, в километре или двух. Скорее всего, капсулы отделились от фасций в верхней, а не в нижней точке орбиты, и теперь наш взвод разбросан по равнине в радиусе сотни километров. Мы оторваны от остальных и понятия не имеем, в какую сторону двигаться.

На поиски может уйти не один день.

Я не вижу ни одной транспортной платформы, а значит, мы остались без машин — ни «скеллов», ни «тонок», ни «дьюсов».

Придется топтать пешком.

И без тяжелого вооружения.

Остатки наших рюкзаков дымятся в паре сотен метров к северу от нас. Стороны света я определяю по GPS-навигатору, ведь магнитного поля на Марсе нет. К счастью, спутники не вышли из строя, а значит, мы сможем получить свежие тактические данные и перегруппироваться. Внезапно сигнал пропадает. Теперь я ориентируюсь только по гироскопу.

Антаги регулярно сбивают наши навигационные и разведывательные спутники. Каждый прибывший на Марс космо-фрейм запускает на орбиту новые, но чаще всего после приземления мы понятия не имеем, где очутились и что от нас требуется. Тогда мы просто чешем вперед — в движущуюся мишень попасть труднее. Мы окрестили эти походы «пьяными прогулками», но в душе каждый из «пьяниц» горячо молится, чтобы мы поскорее нашли свою роту, транспортную платформу или фонтан, или, на худой конец, набрали на случайную палатку.

Четырехмесячный космический перелет не проходит для организма даром, поэтому перед броском мы принимаем энерго-тоник — смесь эпинефрина с гистаминными. После него я горы готов свернуть. Казах и Тек тоже. Они сержанты, как и я, и уже не раз воевали на Красной планете. Наши ангелы обмениваются информацией, их писк слышен в радиусе нескольких десятков метров. Итог плачевен — ни плана, ни свежих разведанных. В кои-то веки сержантами никто не командует.

Мы собрали всю доступную информацию, но все равно понятия не имеем, куда нас занесло.

Соприкасаемся шлемами.

— Сколько нас? — спрашивает Тек.

— Не больше одного подразделения — в этом секторе, — отвечаю я.

— А какой это, на хрен, сектор? — интересуется Казах.

— Северные равнины. Давление в пределах нормы.

Я указываю носком ботинка на север, прочерчивая в пыли неровный след.

— Диджей и остальные должны быть где-то там.

Диджеем мы называем сержанта-инженера Дена Джонсона.

— Пойдем поищем их, — предлагает Тек.

— Тут ловить нечего, — соглашается Казах. — Для боя место — хуже не придумать, ни одной возвышенности, а почва как камень, даже окоп не выроешь. Что это? Эллада? Какого хрена нас сбросили в этой сраной глуши?

Его вопросы остаются без ответов.

Мы отправляемся в путь. Запасов воды и воздуха хватит меньше чем на пять часов, из оружия — только пистолеты, стреляющие пулями и болтами, толстым стволом напоминающие 45-й калибр. Тек Фуджимори родом из Окленда, на его каске оранжевая маркировка. Мы вместе проходили космотренинг и прыжковое обучение на КЛУ и в Хоторне. Тек небольшого роста, хорошо сложен и очень силен. Он горячо верит в бога, но я до сих пор не выяснил, какую религию он исповедует. Может, все сразу.

Тимур Набиев по прозвищу Казах носит каску с голубой полоской. Он из Евразийских вооруженных сил, приехал к нам на стажировку. Сначала Тимур обучался вместе с китайцами и уйгурами в холодной пустыне Такла-Макан (его специализация — боевые действия во время песчаной бури), а после тренировался с итальянцами и французами в окрестностях Везувия и на Канарских островах.

Казах — атеист, но на Красной планете становится убежденным баптистом, а может, православным.

Здесь, на Марсе, мы все молимся, кто чаще, кто реже. Советские космонавты заявили как-то, что они в космос летали, а бога не видели. Очевидно, им никогда не приходилось падать из верхних слоев атмосферы внутри горящего кокона.

Марс — бескрайняя оранжевая пустыня с вкраплениями серого и пурпура. Горизонт чист — не считая маленького круглого пригорка на северо-западе. Гнетущее однообразие.

Наши костюмы покрыты многослойной кинетической броней, отражающей пули диаметром 9 мм и меньше, но антаги куда чаще используют болты и другое дерьмо, против которого гермоскаф бессилен. Наши машины тоже снабжены весьма примитивной защитой. Слишком тяжелые. Производитель — «Джип», естественно. Больше всего у нас складных «скеллов» с большими колесами, но есть и «тонки», и «дьюсы», и тяжеловооруженные грузовики «генерал Пуллер»^[3] (мы любовно зовем их «Чести»).

А когда становится жарко, к месту боевых действий доставляются крупные орудия. Мы перевозим их на платформах под названием «трандл».

Если их сбрасывают. И если мы их находим.

Сейчас в небе тихо и пусто.

Никого и ничего.

Нам запрещено пользоваться рацией, запрещено даже посылать лазерный сигнал на

орбиту, до тех пор пока новые спутники (если повезет!) не разведают местность и не пришлют нам обновленные данные и карты. Когда в воздухе много пыли, сигнал не проходит. Ультракороткие волны могут пробиться даже через самую густую пыль, но командование предпочитает лазерный сигнал. Теоретически на любом пригорке может быть установлен датчик антагов, и если пыль рассеет нацеленный луч, то враги влегкую вычислят наше местоположение по методу Фурье и поджарят нас как мух. Поэтому мы переговариваемся через ангелов либо соприкасаемся шлемами.

Если поблизости и есть фонтан, то он наверняка тщательно замаскирован и не активирован — ждет нашего волшебного прикосновения. Отыскать его — та еще работенка, зато если найдем, то пополним запасы воды и воздуха, а может, и вздремнем час-другой, прежде чем угодить в мясорубку.

Хотя не факт, что мы в нее угодим.

Трудно сказать наперед.

Мы до сих пор толком не представляем, против кого воюем. Антаги примерно с нас ростом, у них две длинные руки со свисающими кожными карманами и три ноги (или пара ног и хвост), и они явно не из нашей галактики. Я только раз видел их трупы вблизи.

Если фортуна на нашей стороне, от врагов даже мокрого места не остается. Если удача от нас отворачивается...

В действие вступают законы физики.

Я снова и снова оглядываю окрестности. Нервная привычка. Тонкая атмосфера окутывает горизонт розовато-коричневой дымкой. Все чисто, если не считать рыжеватого облака пыли, неподвижно застывшего возле отдаленного пригорка. Оно было здесь и раньше или появилось только сейчас? Я показываю облако товарищам. Это пятно может оказаться чем угодно — колонной машин, фонтаном или антагами.

Сначала найдем Диджея и остальных, а уж потом разберемся с таинственной дымкой. Спешить некуда.

Ангел, вмонтированный в шлем над левым ухом, с тихим жужжанием следует за моим взглядом, сканируя местность, и сравнивает полученные результаты с имеющейся базой данных. Я смотрю на Тека, потом на Казаха. Их ангелы приходят к выводу, что мы находимся в южной части Элизия, над Марте Валлис, в нескольких солах ходьбы от кратера EM2543a, более известного как Бриджер. Подозреваю, что колонисты назвали впадину в честь какого-нибудь сгинувшего в ней маскианца.

Мелкая марсианская пыль, лесс, вьется по равнине причудливыми зигзагами. Мы пересекаем песчаные волны в форме «X», и «Y», и «W». С орбиты и с воздуха видно, что они тянутся на много километров. Миллионы песчаных дьяволов накарябали на плоскогорье свои зашифрованные послания.

Ангелы сообщают, что под нами плато из древнего оливина. В нескольких десятках километров к югу оно перекрывается базальтовым слоем. Отважесь мы прогуляться в том направлении, обнаружили бы, что базальт нависает над оливином на десять метров и круто обрывается вниз, а у основания плато лежат булыжники и обломки скал. Совсем молодые — не старше пятидесяти миллионов лет.

Встроенный в ботинок сенсор в кои-то веки исправен и сообщает, что пыль рН-нейтральная. Воды на поверхности не обнаружено, но глубоко под слоями базальта залегают растрескавшиеся пласты песчаника. Возможно, в Нойскую эру они были морским дном. Этс

означает, что в недрах Красной планеты могут течь подземные реки, но без выхода на поверхность. Обычная история — вода есть, но для нас — ни глотка. Марс не отличается щедростью.

Гермоскаф подпитывает мой энтузиазм очередной дозой тоника. Как хорошо, как чудесно складывается наш первый сол на Красной планете! Мне хочется петь от восторга.

Сол — это марсианские сутки, немногим длиннее земных. Пройдет не меньше семи-восьми солов, прежде чем за нами прилетит фрейм. А если нас не смогут найти, что более чем вероятно, то мы застрянем здесь очень надолго. Похоже, мы вляпались по уши.

Но сейчас это мало нас заботит.

Мы почти не разговариваем по дороге.

Редкому космодесантнику удастся пережить больше четырех бросков. Я на Марсе уже в пятый раз. В голове по-прежнему ясно, словно морозным зимним вечером, но мир уже не видится мне в радужных тонах.

Ненавижу переходы.

Когда действие тоника ослабевает, в голову лезут дурные мысли. Злобные крылатые монстры копошатся в черепе и терзают мне мозг. Можете считать меня психом, но я знаю, что эта боль в затылке не сулит ничего хорошего. Я предчувствую беду.

Тек первым замечает тело — после того, как ему вернули зрение, он видит лучше, чем мы все вместе взятые. Он машет мне рукой, я, в свою очередь, даю знак Казаху. Мы рассредоточиваемся и проверяем, заряжено ли оружие.

Мы идем размеренным шагом — спешить некуда — и добираемся до тела через несколько минут. В десяти метрах от него лежит еще один покойник, еще в двадцати метрах — третий.

На всех — русская униформа. Снаряжение похоже на французское. Тек склоняется над распухшим трупом и переворачивает его лицом вверх. Мертвец настолько обезображен, что невозможно понять, мужчина это или женщина.

Тек тыкает себя пальцем в шлем и растопыренными ладонями изображает взрыв. Бактериальные иглы! Прежде чем стать разложившимся трупом, этот несчастный бился в агонии несколько секунд, а после впал в кровавое безумие, может быть, даже перестрелял своих товарищей. Тек показывает нам иглу, торчащую из раны, но не пытается ее выдернуть — любому космодесантнику известно, что оперение дротика не менее опасно, чем наконечник. Иногда антаги сбрасывают бактериальные иглы с огромных воздушных шаров — аэростатов, а иногда начинают ими взрывающиеся коконы. В обоих случаях смертоносный дождь проливается над несколькими квадратными километрами. Четырехсантиметровые иглы самостоятельно корректируют курс, находят тебя и превращают в орущий кусок искореженного мяса.

Оживший ночной кошмар.

Наши ангелы сканируют распухший гермоскаф в надежде выйти на взвод убитого бойца. Безуспешно. Мы не связывались со спутником с тех самых пор, как нас сбросили на Марс, не получали сводок о последних боях и понятия не имеем, кто эти ребята и какое у них было задание. Очевидно, они прилетели за много солов до нас. Может даже, за много недель. Но зачем? Командование не планировало масштабных операций до нашего прибытия. Значит, кто-то передумал, и этих парней отправили в скоростных фреймах, способных долететь до Марса за месяц-два вместо обычных четырех. Они оказались тут задолго до нас и погибли все до единого, а мы даже не знаем, ради чего.

Мне все сложнее и сложнее не терять концентрацию.

Мы решаем, что глупо и дальше соблюдать режим радиомолчания. Наш единственный шанс — выйти на связь с другими космодесантниками и узнать, не нашли ли они чего-нибудь полезного.

Расходимся в разные стороны.

И тут я вижу сержанта-инженера Дена Джонсона. Диджей спускается с усыпанного

щепнем холма и машет мне рукой. Ему чудом удается не пропахать склон носом. Но вот Диджей уже внизу, показывает жестом, что нашел палатку. Мы искренне радуемся встрече и хлопаем друг друга по плечам. Его ангел сканирует наших. Ура, теперь нас четверо!

— Кто-нибудь видел зарево? — спрашивает Диджей. — Я заметил какое-то мерцание сверху, когда спускался.

Зарево — плохой знак. Мы называем так отблески космических сражений, заметные с большого расстояния. След, который оставляют в небе сбитые космо-фреймы и капсулы.

— Ты падал с неба в огненном шаре, мать твою за ногу. И при этом разглядел зарево? — раздраженно спрашивает Казах.

— Ну... я видел *что-то*...

Диджей не рвется доказывать свою правоту, а нам не хочется ломать голову над его словами. Он нашел палатку и ведет нас к ней. Точка. Мы идем к пьедесталу Бриджера. Марсианские кратеры часто располагаются на возвышениях, образовавшихся под влиянием ударной волны. Реголит вокруг места падения метеорита затвердевает и становится устойчивым к эрозии. Ученые называют эти геологические образования пьедесталами. Тот, на котором мы стоим сейчас, достигает двух метров в высоту.

К тому времени как мы добираемся до цели и осматриваемся, наши силы уже на исходе. Палатка, судя по всему, принадлежала русским или французам. Сброшена не меньше месяца назад. Пурпурная полоса говорит о том, что герметичность не нарушена: ни ловушек, ни бактериальных игл. Мы проверяем очень внимательно. Безопасность прежде всего. Пусть судьба забросила нас хрен знает куда и наши шансы выжить стремятся к нулю, сейчас мы просто радуемся, что нашли крышу над головой. Темнота стремительно сгущается. Ночь обещает быть сухой и морозной.

Хреново, конечно, что палатка перешла к нам по наследству от мертвецов, но ничего не поделаешь. Во время прошлого двухнедельного броска мне тоже пришлось пользоваться вещами погибших товарищей, и тогда мы не только выжили, но и положили шестьдесят антагов. Палили в них с нескольких сотен метров. Первый раз, когда мне удалось рассмотреть врагов вблизи.

Собственно, после прямого попадания болта смотреть уже не на что. Осколки шлема, заполненные серовой кашцей, крошево зубов, ключья гермоскафа, обрывки рукавов и штанин с обугленными фрагментами костей внутри — вот и все останки. Наш комендор-сержант не проявил интереса к трупам, зато собрал для исследования обрывки униформы и осколки приборов. О результатах нам, разумеется, не рассказали. Считается, что чем меньше мы знаем о враге, тем лучше. Солдат не должен воспринимать противника как живого человека. Идиотизм, конечно, но ведь чертовы антаги и в самом деле не люди.

Диджей и Тек срывают печать, полоска становится оранжево-розовой, а потом приобретает бурый оттенок — «пригодна к использованию». Палатка надувается. Кислорода хватит на всю ночь, а если учесть, что нас всего четверо, а запасы воздуха рассчитаны на пятерых, то, может, и на несколько часов с утра. К палатке пристегнут мешок с сухпайком — внутри мы обнаруживаем запасы воды и шесть пузырьков водки, а кроме того, консервированные сосиски (если я правильно понял надпись на этикетке, это финская оленина) и тубики с какой-то жижей, напоминающей борщ. Настоящий пир. Мы прячем водку в набедренные рюкзаки, провожаем глазами уходящее за черный горизонт солнце и смотрим, как растет наша палатка.

Мы разговариваем не соприкасаясь шлемами, но с трудом слышим друг друга —

разреженный воздух приглушает звуки. Да и сказать-то особо нечего. Пятно на горизонте приобрело фиолетовый оттенок. Песчаный дьявол, не иначе. Если моя догадка верна, то ветер бушует там уже много часов кряду.

Я задираю голову. Звезды видны с Марса лучше, чем с Земли, и светят ярче, но я разочаровался в их красоте. Мне кажется, звезды осуждают меня. Хуже того, посылают вниз полчища антагов и ждут, когда же я сдохну.

Мы включаем и настраиваем сигнализацию — последние приготовления перед входом. Пригоршнями зачерпываем пыль и осторожно высыпаем ее на плексаниловую крышу палатки. Теперь наше убежище сольется с ландшафтом. Потом становимся в кружок, достаем метелки и отряхиваем друг друга. Подмышки и складки ремня — зоны особого внимания. Никому не хочется чесаться всю ночь напролет, а от марсианского лесса тело зудит так, что хоть на стенку лезь. Мы могли не замечать этого поначалу, потому что космолин притупляет ощущения, и первые шесть-восемь часов после броски все на свете кажется тебе гладким, прохладным и сладким, точно детская присыпка. Странное чувство — как будто ты ходячий мертвец или бесплотный призрак. Но рано или поздно действие препарата закончится, и тогда марсианская пыль превратит заурядную ночевку в незабываемый кошмар.

Мы, насколько возможно, приводим себя в порядок и один за другим протискиваемся через узкий вход, словно младенцы, заползающие обратно в чрево матери. Я проверяю герметичность двери и, убедившись, что все хорошо, откидываю экран шлема. Проверяющий всегда снимает шлем первым. Воздух в палатке превосходный, холодный и чистый, словно в русской степи.

Мне удастся задремать, я вижу какой-то бредовый сон, в котором за мной охотятся злобные дети. Внезапно срабатывает сигнализация, мы вскакиваем, и в тот же миг на пол между нами плюхается чье-то тело. Вспышка света. Казах сыплет проклятиями на своем родном языке. Луч фонарика выхватывает из темноты лицо незваного гостя — слава богу, человеческое! — сквозь экран шлема я могу различить кустистые сросшиеся брови, запавшие глаза и сурово сжатый рот. Мы явно видели эту бандитскую рожу и прежде.

— Твою мать, это ж Ви-Деф! — восклицает Тек.

Мы устраиваемся поудобней, а Диджей передает комендор-сержанту Леонарду Медведеву флягу с водой и сухой паек.

Одним сержантом больше в нашей компании.

— У кого-нибудь есть свежие тактические установки? — спрашивает Медведев, он же Ви-Деф.

Мы приглушаем свет фонариков и замечаем, что воздух в палатке подернут странной пеленой. Марсианская пыль. Ви-Деф забыл отряхнуться перед входом — грубейшее нарушение.

— Держи карман шире, — ухмыляется Казах.

— Сводок нет, — подтверждает Тек.

— А транспортную платформу поблизости не находили?

Дурацкий вопрос. Стали бы мы ютиться в русской палатке, будь у нас что получше!

— Сколько у вас палаток? — не унимается Ви-Деф.

— А сколько ты здесь видишь?

Мы замолкаем.

— Капсулам пришел капец, — бормочет Ви-Деф, прикладываясь к фляге с водой.

В его широко раскрытых глазах застыл испуг.

— Я потерял остальных, пока спускался. Все небо было в огне!

— «Одуванчики» всегда загораются в атмосфере, — замечает Диджей.

— Я не о том. Я про зарево от сбитых капсул и фреймов. Может, мы единственные, кому удалось выжить!

В палатке повисает тишина.

— Глупости, — говорит наконец Тек.

— Я тоже видел зарево, — обиженно напоминает Диджей.

На Красной планете тебе требуется время, чтобы переварить плохие новости, потому что любая мелкая неприятность может оказаться твоим смертным приговором, а с этим непросто смириться. Ви-Дефу неуютно в роли гонца, принесшего дурные вести, и он пытается сменить тему.

— Не люблю оленину. Никто не хочет доесть? — Ви-Деф протягивает нам финскую сосиску, зажав ее двумя пальцами.

Желающих не находится. Все остервенело чешутся.

Внезапно Казах начинает хихикать.

— Я понимаю, ты рад нас видеть, но, может, спрячешь своего дружка обратно в штаны?

Шутка, по правде сказать, так себе, но она приходится к месту. Нам тепло, мы отчаянно чешемся и мы все еще живы, и к Ви-Дефу возвращается хорошее настроение, и он дурачится, прикладывает сосиску к носу, неожиданно чихает, и сосиска взлетает вверх вместе с фонтаном соплей. Теперь она годится разве что на собачий корм, хотя я сомневаюсь, чтобы кому-то из нас хватило легкомыслия оставить дома собаку.

Мы начинаем ржать. Это ненормальный, нервный смех, но он дает выход нашей усталости и злости. Кто знает, может, мы смеемся в последний раз. Эта мысль витает в воздухе, но никто не произносит ее вслух. Даже у Ви-Дефа хватает ума промолчать.

Мы сидим в старой палатке, доставшейся нам в наследство от мертвого взвода, наши капсулы разметало по всей равнине, поблизости нет ни одной транспортной платформы, и фреймы, на которых мы прилетели, скорее всего уничтожены. Ни информации о местоположении врага, ни связи с командованием. Даже наши ангелы притихли.

Мы вполне можем оказаться героями игры «Потерянный патруль»^[5].

Утро покажет.

Марс станет раем — когда-нибудь

Мы по уши в дерьме. Мысль об этом не дает мне уснуть.

Выжить на Марсе нелегко. Здесь очень низкое давление, не больше одного миллибара, и чертовски холодно. На Красной планете есть запасы воды, но в большинстве случаев до них не добраться — это либо ледяные полярные шапки, либо подземные озера, либо залегающие на большой глубине водоносные слои почвы. Вода — наш важнейший стратегический ресурс. Марсианский воздух содержит влагу, и иногда на небе можно увидеть высокие льдистые облака. Весной, когда тают ледники на полюсах, их довольно много. Один раз я даже стал свидетелем снегопада, но снежинки таяли прямо на лету. И на Земле, и на Марсе это называется одинаково — «вирга».

Марсианскую погоду принято считать предсказуемой, но с военной точки зрения не все так просто. Песчаные дьяволы — ветра, вздымающие в воздух тучи пыли, — могут закрывать солнце непроницаемой коричневой пеленой, такой плотной, что не разглядеть ничего на расстоянии вытянутой руки. Песчаные бури длятся иногда месяцами. Разреженный воздух, почти вакуум, сквозь который ни черта не видно, — такое даже представить трудно. Зато становится ощутимо теплее — содержащаяся в воздухе пыль поглощает солнечный свет.

Добыча кислорода — задача не из легких. Расщепление воды — гидролиз — относительно простая процедура, а вот с углекислым газом и окислами в пыли приходится повозиться. Для этого мы используем фонтаны — массивные технические установки, напоминающие по размерам грузовик с полуприцепом. Ни один бросок не обходится без пары-тройки фонтанов, но нередко их доставляют на Красную планету и до нашего прибытия — сбрасывают с фреймов, привязав к огромным парашютам. Обычно это происходит по ночам. Достигнув поверхности Марса, фонтан тут же зарывается в землю (если, конечно, под ним не оказывается непробиваемый ортштейн) и практически сразу разворачивает солнечные коллекторы и влагонакопители, улавливающие из воздуха летучие частицы воды.

Запасов, накопленных среднестатистическим фонтаном за пару недель, хватает роте солдат на два-три месяца. Особо большие экземпляры могут подзаряжать наши гермоскафы водой и кислородом на протяжении полугода.

Кроме того, фонтаны умеют перерабатывать водород и кислород в ракетное топливо. Бывали случаи, когда командование использовало эти ресурсы для того, чтобы срочно отправить на Землю нескольких солдат, обрекая оставшихся на мучительную смерть от удушья. Что важнее — обратный билет домой или еще несколько часов жизни? Чудовищный выбор. Стоит ли говорить, что космодесантники испытывают к фонтанам смешанное чувство любви и ненависти.

Логично, что чем дальше фонтан находится на поверхности Марса, тем упорнее антаги пытаются его уничтожить. Иногда они умышленно позволяют фонтану работать неделями, ждут, пока он будет обнаружен космодесантниками, и только после этого взрывают его. У наших врагов извращенное чувство юмора. Нашел запасы воды и кислорода? Рано радуешься, на, получи!

Бывает, что фонтану удастся отыскать слой водоносной почвы, залегающий близко от поверхности, или запасы пресного льда. Тогда он превращается в бесценный стратегический ресурс и маскируется даже от своих, пока командование на Земле не решит, как его лучше

использовать. Такие сокровища не для простых смертных.

Снаружи — холод и крошечная тьма. Конечно, не так морозно, как на южных взгорьях, но температура все равно довольно низкая — около минус восьмидесяти по Цельсию. Мы лежим в палатке, свернувшись клубком, точно новорожденные щенки, и изо всех сил жмемся друг к другу, пытаюсь согреться. Что бы сказал на это Фрейд? Впрочем, большинство из наших о фрейдизме ни сном ни духом, поэтому обычно шутки сводятся к тому, что мы снимаемся в дешевом порно. Если у нас вообще хватает сил шутить. С недавнего времени на большом голубом шаре, который мы оставили позади, вошли в моду фильмы про секс с инопланетянами. Никто из нас не видел гуру, а внешность антагов мы представляем лишь очень смутно — так почему бы не дать волю фантазии? Вы удивитесь, до чего могут додуматься некоторые извращенцы. И что любопытно, гуру не имеют ничего против.

В тусклом оранжевом свете одинокого фонарика, подвешенного к потолку палатки, едва различимы лица моих товарищей. Кажется, все они спят. Счастливики.

Тек — мой друг, мы немало пережили вместе, но мне до сих пор тревожно рядом с ним. Он красивый, как кинозвезда, молчаливый и суровый, гораздо сильнее и умнее, чем я. Мы вместе проходили тренинг в Хоторне, а потом не раз воевали плечом к плечу, и меня все время мучило зловещее предчувствие, что однажды он выживет, а я нет. Впрочем, пока мы оба целы и невредимы, и во многом это заслуга Тека. На Красной планете ему нет равных, а дерется он как зверь.

Казах — тот совсем другой. Неотесанный деревенщина, коренастый парень с восточным разрезом глаз и треугольником иссиня-черных волос на лбу. Он приехал к нам на стажировку и получил повышение, прежде чем начальство успело раскусить его и сплавить обратно в деревню. Белоснежные зубы, слегка удлиненные клыки. Настоящий *canis lupus*^[6] с хищной ухмылкой.

Может, не самый умный, зато надежный и хладнокровный — ни разу не потерял присутствия духа в бою или в другой экстремальной ситуации. Казах неплохо разбирается в людях, хоть и ошибается порой. Он по-восточному коварен — никогда не знаешь, что у него на уме. Я легко представляю, как он уносится от врагов на своем низкорослом коне, как мечет назад стрелы из кривого азиатского лука, успевая в промежутках отщипнуть кусок от лежащего под седлом сырого мяса. Во мне есть польская и немецкая кровь, а значит, несколько столетий назад предки Казаха резали и насиловали моих. Казах яростно опровергает эту версию: «Монголы — они ж красавчики, ваши женщины сами на них вешались». Что ж, чувства юмора ему не занимать. Иногда он откалывает такие убойные шутки, что помрешь со смеху, а за некоторые из его жестоких розыгрышей вполне могут отправить за решетку. Рядовым лучше держаться от него подальше.

Как ни странно, большинство наших товарищей относится к Казаху с симпатией — он, конечно, засранец, но ведь свой, к тому же, как и полагается засранцам, не лишен обаяния. Мне уже дважды доводилось воевать бок о бок с Казахом. Иногда он смотрит на нас так, что становится ясно: наш хитрый азиат намерен позаботиться о том, чтобы мы все вернулись домой в целостности и сохранности, и глядя на свирепые огоньки в его глазах, я начинаю понимать тех женщин, которые вешались на шею монголам.

Во сне Казах насупился как обиженный мальчишка, видно, что-то его тревожит. И все-таки он спит и даже похрапывает. Завидую ему.

Я никогда не умел очаровывать окружающих. При желании я могу пустить пыль в глаза,

но каждый раз после этого чувствую себя обманщиком. Люди должны знать, кто я на самом деле — просто хороший парень, напрочь лишенный обаяния. Впрочем, хороший ли? Скорее, заурядный. Большинство знакомых считает меня ничем не примечательным малым, но я не огорчаюсь по этому поводу. Только Джо, Тек, да еще, может, Казах видят во мне что-то особенное. Они мои лучшие друзья на этой пыльной, охваченной войной планете.

Проходит час или два. Я по-прежнему лежу без сна, хотя, может, я все-таки задремал, и мне только кажется, что я бодрствую. Снова срабатывает сигнализация. Теперь я абсолютно уверен, что не сплю. Тек становится на колени у мембраны, готовый задушить любого, кто сунется внутрь. Но из входного клапана показывается шлем с голубой полоской, и на красивом лице Тека отражается разочарование. Через мгновение в палатку вваливается посиневший от холода и недостатка кислорода капрал Линдсей Митч, или попросту Мишлен.

Тек воздевает руки к небу. Младший по званию! Наконец-то есть кем командовать. Впрочем, покладистым Мишлена не назовешь. Он с трудом вытаскивает застрявший в мембране ботинок. Воздух закупоривает вход с таким громким хлопком, что у нас закладывает уши. Мишлен валится на спину между Диджеем и Казахом, отбрасывает экран шлема и сгибается пополам в припадке кашля. Проходит несколько минут, прежде чем он может говорить.

— Связь отказала! — хрипит он. — Чуть не подох!

— Мы тоже рады тебя видеть, — приветствует его Казах.

— Кто это «мы»? — Мишлен обводит нас налитыми кровью глазами. Видит, что вокруг него только старшие по званию, но ничуть не смущается. Тек передает ему тубик с борщом и пару сосисок, потом, неохотно, флягу с водой. Эта палатка не рассчитана на шестерых, а другой у нас нет, но что поделаться?

Красные глаза Мишлена останавливаются на Теке.

— Хвала небесам, я в раю! Сам сержант Фуджимори прислуживает мне. А где непорочные девы? — шепчет он, едва разлепляя лиловые губы.

Ему, видно, совсем плохо, но он быстро приходит в себя. Мишлен подносит к глазам тубик с борщом.

— Что это за дерьмо? Похоже на кимчи^[7], только жидкое, — и он с оглушительным звуком пускает газы.

— А снаружи не мог пропердеться? — брезгливо спрашивает Тек.

У Мишлена нет сил извиняться. Он бормочет наши имена и звания и впадает в дремоту, точнее, ненадолго теряет сознание. Через двадцать минут он испуганно вскакивает. Садится на пол. Его бьет дрожь, глаза выпучены.

К этому моменту никто уже не спит.

— Чертовы капсулы, наверное, открылись слишком рано, — говорит Мишлен.

Он перекачивается на живот и спрашивает, успели ли мы получить тактические установки.

— Нет, — отвечает Диджей.

И тогда наш скромный капрал застенчиво улыбается и признается, что у него, *кажется*, кое-что есть.

Выясняется, что Мишлен единственный, кому удалось засечь лазерный сигнал спутника, прежде чем зарево превратило небо в выжженную пустыню. Он делится информацией с нашими ангелами, те анализируют ее, попутно удаляя обрывки записей с

прошлых бросков.

— Картина, как ни крути, неполная, — резюмирует Тек.

— Ни один из фонтанов не подает сигнал, — объявляет Диджей. — Может, получили повреждения во время броска, а может, уничтожены. Так или иначе, все молчат.

Есть о чем призадуматься.

— Запаса воздуха в палатке хватит только на восемь часов.

Мы злобно косимся на Диджея. Зачем озвучивать то, что и так всем известно? Нам нужны хорошие новости, а если их нет, то лучше помалкивать.

Диджей опускает голову, словно защищаясь от наших безмолвных нападков, и в его глазах появляется сонное выражение.

Тек продолжает разбирать тактические установки, полученные от Мишлена.

— Отличные новости! — объявляет он. — У роты европейцев, которые приземлились до нас, — Тек имеет в виду тех ребят, чьи сосиски и борщ наполняют наши желудки приятной тяжестью, — случился какой-то форсмажор, и они не воспользовались палатками. Шесть или семь штук должны лежать где-то поблизости...

Наши ангелы заканчивают передачу данных. Тек объявляет, что палатки разбросаны в радиусе десяти километров от пьедестала, на котором мы находимся. Если мы не хотим задохнуться, нам предстоит долгая прогулка.

Редкий космодесантник не ударяется в панику, когда заканчивается кислород. Неважно, насколько тщательно нас отбирают и тренируют, человек остается человеком, и когда в легких начинается пожар, то клаустрофобия берет свое, и мы откидываем экраны шлемов. Предпочитаем умереть быстро, а не корчиться в агонии лишние несколько минут. Такой вот парадокс.

— Пока отдыхаем, — командует Тек, и мы затихаем примерно на полчаса.

Я лежу в полудреме. Моя голова гудит словно растревоженный улей. Сигнализация звенит в третий раз, и в палатку протискивается Ними — штаб-сержант Неемия Бенчли из второго боевого расчета, круглолицый серфер с копной рыжеватых волос и татуировками в виде азиатских узоров, покрывающих его шею и руки. Ними сообщает, что небо на востоке уже светлеет, а по дороге он не встретил ни одной живой души. Ними и сам не понимает, как ему удалось продержаться так долго, а мы не пристаем с расспросами. Может, мы все уже на том свете. На Красной планете эта мысль приходит в голову так часто, что превращается в навязчивую идею.

Мы допиваем оставшуюся воду и с наслаждением отливаем в приемники регенераторов. В нос бьет резкий запах мочи. Вполне терпимый, когда принимаешься. Наша палатка воняет как сортир в русском борделе. Впрочем, не надо плохо о русских. Они спасли нам жизнь этой ночью.

Холодный механический голос, раздающийся из динамиков, говорит что-то по-русски. Казах переводит. Нас предупреждают, что запасы воздуха подходят к концу.

Снаружи уже светает.

Пора в путь.

Бог любит дураков и пьяниц

К утру сильно похолодало.

Мы надеваем шлемы и опускаем экраны. Один за другим изумленно приподнимаем брови — никто из ангелов не подает голос. Лазерная связь отсутствует — очевидно, в небе над Марсом просто не осталось наших спутников, поэтому у ангелов нет новостей — ни хороших, ни плохих. Никаких. Им нечего сказать, и они молчат.

Мы по очереди протискиваемся наружу и совещаемся, что делать с бесполезной теперь палаткой. Решаем бросить ее как есть. Зарывать палатку в землю бессмысленно — ортштейн слишком твердый, а сжечь ее мы не сможем, ведь для горения нужен кислород. К тому же палатка пролежала тут целый месяц, и если бы кому-то было до нее дело, ее бы уже десять раз обнаружили. Похоже, всем плевать.

Потерянный, мать его, патруль.

— Мы по другую сторону от сражения, — предполагает Ними.

— Так и есть, — соглашается Диджей. — Скажи нам что-нибудь клевое, мастер-сержант Венн. Обнадежь нас.

— Было б чем, — хмыкаю я. — Мы остались без командира, все что мы можем — слоняться по округе в поисках воздуха, еды и питья. Хотя лично я пока не голодный.

Я наблюдаю за реакцией Мишлена, затем перевожу взгляд на Ви-Дефа. Сквозь экран лица толком не разглядеть, но могу поспорить, он расплылся в своей обычной идиотской ухмылке.

Мы снова и снова обшариваем глазами небо. Космо-фреймы и другие орбитальные объекты превосходно видны из любой точки Марса, особенно в предрассветных или закатных сумерках, когда углы и контрастность оптимальные. Но этим утром на небе нет ничего кроме алмазной россыпи звезд. В воздухе ни пылинки — на потепление можно не надеяться.

Я смотрю на запад, потому что у меня чешется левая рука, а это как раз западное направление. Коричневое пятно по-прежнему маячит к северу от нас. Слишком далеко, чтобы добраться до него, но нужна же нам хоть какая-то цель.

Я касаюсь шлема Тека.

— Ты у нас глазастый, посмотри-ка, что там?

— Песчаный дьявол.

— Со вчерашнего дня?

— Если не он, тогда что? — спрашивает Диджей.

— Красотка на «фиате». Везет нам холодного пивка, — дурачится Казах.

— Да все что угодно: обломки сбитого фрейма, «спящий» фонтан... Мало ли вариантов.

— Муравьишки, — убежденно говорит Ви-Деф, подразумевая антагов — антов.

Солдаты всегда дают врагу кучу прозвищ. Ребятам вроде Ви-Дефа за радость придумать кому-то кличку.

— Очень может быть, — соглашается Казах, — но почему они до сих пор не заявили сюда и не раскатали нас под орех? Лень, наверное, топать в такую даль ради того, чтоб нас прикончить...

— Выясним, — Тек обрубает его на полуслове.

Тек привык, что все его слушаются — скажет, как отрежет. Ними и Мишлен идут

первыми, мы следом. Я оглядываюсь на палатку. Вчера — бесценное сокровище, сегодня — груда хлама. Тонны ненужного барахла по всей планете изо дня в день покрываются марсианской пылью. Когда-нибудь его отроют и продадут с аукциона. А уж мы позаботимся, чтобы это был «Сотбис», а не антаговский интернет-сайт. Ха-ха.

Настроение хуже некуда. Предел мечтаний — найти еще одну палатку. Глупо надеяться на лучшее, еще глупее — верить, что скоро нас подберет космо-фрейм.

Вероятно, воздух и вода закончатся прежде, чем мы дойдем до бурого пятна на горизонте. Но может быть, на эту равнину регулярно сбрасывают припасы для свежеприбывших десантников, тогда мы сможем по цепочке перебираться от одной палатки к другой. Таинственный путь пилигримов, дарующий несколько дней жизни, — уже слишком щедро для нас, и мы не смеем молить бога о большем.

Встречать рассвет на Марсе — удовольствие сомнительное, и я охотно променял бы его на горячий душ, если бы, конечно, нашелся безумный мечтатель, согласившийся на эту сделку.

Несколько десятков лет назад группа таких идеалистов прилетела на Марс и начала обустраивать Красную планету: строить «хомячьи лабиринты», рыть цепочки «кроличьих нор». Отныне Марс — их дом и принадлежит только им, заявили они. Их прозвали маскианцами — в честь легендарного изобретателя и инвестора Илона Маска. Я знаю о нем немного, читал только, что Маск — убежденный вегетарианец, создал систему электронных платежей, проектировал машины и космические корабли и десятилетиями боролся за космическое лидерство с компаниями «Blue Origin» Джеффри Безоса и «Virgin» Ричарда Брэнсона. Хотя мечта о колонизации Красной планеты воплощалась в жизнь совместными усилиями, история сохранила только имя Маска. На протяжении двадцати лет колонизаторы пересекали космическое пространство и высаживались на Марс, а потом миграция резко прекратилась — процветающие поселения не могли вместить всех желающих, а в остальных свирепствовал голод, приводивший порой к ужасным последствиям — как некогда в Джеймстауне^[8].

Несколько сотен смельчаков все же выжило. Поначалу земляне восхищались отважными пионерами и почитали их как героев, но колонии не приносили прибыли и требовали постоянных вложений...

Землянам надоело выбрасывать деньги на ветер, и поток инвестиций иссяк.

А потом к нам прибыли гуру, и оказалось, что Марс — растревоженное гнездо, которое надо зачистить, прежде чем злые личинки превратятся в смертоносных ос. Колонисты стали обузой, и начальство рассудило, что мы не сможем защитить их, когда битва за Красную планету начнется всерьез. Я ни разу в жизни не видел маскианца, даже издали. Может, на Марсе и осталось несколько тысяч переселенцев, но мы уже много лет не имеем с ними никаких дел. Антаги, насколько известно, тоже.

Каждый колонист заплатил от десяти до ста миллионов долларов за право почувствовать себя первопроходцем. Наш профессор стратегии на КЛУ сравнил их с тем чудачком, который в тридцатых годах двадцатого века решил сбежать от мирской суеты на Соломоновы острова, бросил все и обосновался на Гуадалканале.

Все космодесантники — чье-то отродье

Мы продолжаем свой марш-бросок. Хотя режим радиомолчания отменен, мы лишь изредка перекидываемся парой слов. На небе пусто — если бы нам хотели скинуть дополнительные припасы, давно бы уже скинули.

Равнина покрыта слоем пыли, и кое-где ее пересекают извилистые борозды — следы песчаного дьявола, но внизу — твердый ортштейн, поэтому ноги не увязают и шагаться легко. Кроме того, мы весим в четыре раза меньше, чем на Земле — запросто могли бы скакать как Джон Картер или прыгать на два метра вверх точно астронавты на Луне, но нам запрещено. Мы и сами не горим желанием: вокруг до хрена камней, не успеешь оглянуться, как вывихнешь лодыжку.

В научных кругах до сих пор спорят, как и почему Красная планета приняла свой нынешний вид. Некоторые участки Марса — настоящий ребус для геолога. Пересохшие русла рек и многочисленные следы озер и даже океанов говорят о том, что когда-то Марс был полноводной планетой, но сейчас от этого богатства остались лишь воспоминания. А как объяснить разительные отличия между холмистым югом и низинным севером? Плюс равнина Эллада — крупнейший метеоритный кратер во всей Солнечной системе, окруженный вперемешку слоями почвы, образовавшимися как до, так и после удара... Есть над чем поломать голову.

Это, конечно, дело ученых, но и у меня есть своя теория. Думаю, все эти камни когда-то лежали в кармане у мальчишки-великана. Сотни и тысячи лет он шлепал по округе в своих грязных кроссовках, подбирал приглянувшиеся булыжники и совал себе в комбинезон. Карман провисал, растягивался и в конце концов порвался, и с тех пор куда бы ни пошел мальчик-великан, за ним везде тянется извилистый каменный след. Вот откуда на Марсе столько булыжников и валунов.

Мы с надеждой смотрим на горизонт — не появится ли хоть малюсенькое облако пыли, но небо глухо к нашим мольбам. Марсианская пыль накапливает тепло, температура повышается, и батарейки «живут» дольше. Поток солнечных лучей, разумеется, падает, но мы все равно не раскладываем солнечные батареи, а наши гермоскафы плохо аккумулируют фотоэлектрическую энергию.

Диджей — настоящий профи по обнаружению русских палаток — замечает вдали еще одну. Мы знали примерно, где ее искать, но он вскарабкался на пьедестал и объявил, что палатка лежит на дне старого рва. Однако ее цвет сигнализирует об опасности.

— Бактериальные иглы, — говорит Диджей.

Палатка доверху набита этим смертоносным дерьмом.

Кислорода осталось на два часа.

Я первым из нашего отряда стал сержантом, поэтому считаю старшим по званию, но пока не отдаю приказы — без свежих разведанных в этом нет никакого смысла. Впрочем, даже если я начну строить из себя главного и говорить: «Так, ребятки, слушай мою команду», никто и глазом не моргнет. Решения здесь принимает Тек.

Я не возражаю.

Нашей ротой командует подполковник Гарри Руст по прозвищу Бойцовый Петух. Я не в восторге от Руста — он такой буквоед, что даже в сортир сходить не может, не сверившись с уставом, но я его уважаю. Будь полковник сейчас здесь, он не стал бы нас обнадеживать. Но

нам и не надо, чтобы с нами сюсюкали. Нам нужен сильный и уверенный командир, который вытащит нас из дерьма.

Поводов для радости не прибавляется. Прежде чем мы находим еще одну палатку, Тек замечает в нескольких сотнях метров от нас какие-то обломки. Подходим ближе. Тут и там валяются обугленные остатки космо-фрейма. Осколки покрупнее оставили в земле глубокие воронки, более мелкие пропахали в ортштейне длинные борозды.

Мы сгрудились в кучу и осматриваем место крушения. Фрейм сбили до того, как от него отделились капсулы и фасции. Кругом тела мертвых космодесантников. Разбитая транспортная платформа. Джипы «скелл» торчат из искореженных капсул, словно кости наполовину рожденного младенца. Все непригодно для нас, даже опасно. Казах велит держаться подальше от всего, что напоминает реактор.

Мы осторожно осматриваем обломки, ищем кислородные генераторы, канистры с водой, рюкзаки — все, что поможет продержаться еще пару часов. Никто не произносит ни слова. Трупы мы не обыскиваем. Падение с огромной высоты превратило их в кошмарное месиво — обрывки ткани, разможенные шлемы, примерзшая к земле кровь. Они, наверное, еще не успели прийти в себя после тайм-аута, неспешно отряхивались от космолина, одевались, натягивали рюкзаки с парашютами. Готовились к броску. Фрейм был сбит лазером либо болтом класса земля-воздух. Или воздух-воздух, точно не скажу. То самое зарево, которое видели Мишлен и Ви-Деф. Вспышка, уничтожившая все наши фреймы и орбитальные спутники, а может — судя по тому, что мы не нашли ни одного, — и все фонтаны.

Бегло обыскиваем внутренности фрейма в надежде найти какой-нибудь ценный груз. Ничего. Лишь обломки и тела. Надо уходить.

Воздуха хватит на полчаса — до коричневого пятна мы не дотянем. Остается только двигаться в том направлении, где предположительно лежит палатка. Казах предлагает расширить зону поиска, мы делимся на три группы и веером расходимся в разные стороны.

— И все-таки, что это за столб пыли там, на горизонте? — Тек в десяти метрах от меня, обходит пьедестал по кругу.

— Кто бы это ни был, он здорово подставляется. Видать, голова у него совсем не варит, — замечает Диджей.

— Может, ему насрать, заметят его или нет, — возражает Ви-Деф.

Скорее всего он прав, но мне даже думать об этом не хочется. Если кто-то силен и самоуверен настолько, что не считает нужным маскироваться, он наверняка не на нашей стороне. Сегодня мы вчистую проигрываем антагам.

— А может, это секретный лагерь маскианцев? — предполагает Ними, приближаясь ко мне.

— Заткнись и держи дистанцию.

Мы снова рассредоточиваемся. Кислорода хватит примерно на пятнадцать минут. Скоро ангелы начнут предупреждать о грозящей нам гибели. Их голоса — последнее, что мы услышим перед смертью. Может, поэтому их и прозвали ангелами?

«Веселей, солдат, тебе все равно умирать, так почему не сегодня?» — Они этого, конечно, не скажут. А жаль. Было бы круто.

Пришло время описать гермоскафы. Пусть сейчас они разряжены, а нехватка воды и

кислорода может стоить нам жизни, они все равно остаются важнейшей деталью нашего обмундирования. Стандартный гермоскаф класса «Марс» представляет собой эластичный бесшовный комбинезон из мономолекулярного углеродного койлфлекса. Чтобы гермоскаф не раздражал кожу, его покрывают изнутри двойным слоем биогеля. В зависимости от ситуации жидкость циркулирует внутри костюма или расщепляется для получения кислорода. Когда мы находимся на Марсе, гермоскаф впитывает все кожные выделения, по крохотным микротрубкам вода идет в накопитель, расположенный в районе бедра. Вот почему у космодесантников такой толстозадый профиль. Частички масла, соли и омертвевшей кожи скапливаются в специальном фильтре, который очищается раз в несколько дней.

Шлем и ангел обрабатывают видеоданные и тактические установки. В ткань гермоскафа встроены сенсоры, оценивающие физическое состояние бойца. Ангел отсылает эту информацию небесным пташкам, а спутники, в свою очередь, докладывают о нашем самочувствии командованию.

Гермоскафы выполняют множество функций, разве что не ходят самостоятельно и не дерутся вместо нас. И заметьте, никогда не жалуются. Их не без оснований сравнивают с дистикомбами, описанными в «Дюне», но у Фрэнка Герберта костюмы только фильтровали и перерабатывали воду, а у наших столько разных умений, что рехнуться можно.

Каждый космодесантник одновременно любит и люто ненавидит свой гермоскаф. Ты вроде мечтаешь от него избавиться, но без него чувствуешь себя голым — словно лишился верного товарища. Кроме того, на Земле тебе досаждают пот, моча и другие выделения организма, а на Марсе ты о них просто забываешь. Некоторым ветеранам приходится заново учиться контролировать свой мочевой пузырь по возвращении домой. Если бы костюмы нас еще и сексуально удовлетворяли, можно было бы из них вообще не вылезать.

Точняк.

Но сейчас гермоскафы почти разряжены, кислород на исходе, а вода протухла. Из преданных друзей они превращаются в гигантские банки с прокисшим рассолом.

А мы камнем идем ко дну.

Предполагается, что во время спуска либо сразу после него мы должны получить обновленные тактические установки и карты, на которых обозначены места скопления антагов или другие важные для нас объекты — в зависимости от стоящих перед отрядом задач.

При идеальном раскладе в паре минут ходьбы нас должен ждать фонтан или, на худой конец, несколько палаток. Транспортные платформы тоже должны находиться неподалеку от зоны броска — обычно их спускают на парашютах-невидимках, — но эти громадины — превосходные мишени и часто уничтожаются врагом еще в воздухе.

Космодесантники приучены обходиться малым. Но когда нет почти ничего...

Наше основное оружие, как я уже упоминал, похоже на пистолет 45-го калибра с толстым стволом. Называется «Илла» — не знаю, с какого перепугу, стреляет-то оно не пчелами. Заряжается пулями или болтами. Болт имеет точность попадания девяносто девять процентов и стирает с лица Земли все живое в радиусе полукилометра. За тридцать секунд до начала боя нужно зарядить кассету с отработанной материей. Одной кассеты хватает примерно на шестьдесят болтов. Перед каждым броском в отряде назначается оружейник, который должен собирать после боя использованные кассеты. Отработанная материя — нереально токсичное дерьмо, а нам надо заботиться об экологии. Хотя, если по правде, на Марсе уже целые горы этого ядовитого хлама — в пыли битвы кассеты подбирать некогда, и если оружейника убивают, они так и остаются лежать на земле. Сейчас наш оружейник — Ви-Деф.

Само собой, кинетические патроны приспособлены для безвоздушной среды — порох сам вырабатывает необходимый для горения кислород. Но марсианский холод сказывается на дальнобойности. На Красной планете приходится учиться стрелять заново — сопротивление воздуха почти отсутствует, сила тяготения слабее земной, предметы падают медленнее. Лазерами и слабопольными расщепителями мы тоже пользуемся, но реже — они боятся марсианской пыли и могут отказать в любой момент.

Космодесантников обучают сражаться в любых условиях. Цель тренировок на Земле — дать тебе шанс выжить в первом настоящем бою, а потом научишься воевать как надо. Симуляторы и месячный курс стрельбы на земных полигонах не дают практически ничего, поэтому новички прилетают к нам полными неумехами. По-настоящему опыта набираешься только на Красной планете.

Мы знаем об антагах совсем мало. Если верить гуру, их враги родом не из Солнечной системы, а из иной, далекой галактики. Антаги прилетели на огромном космическом корабле неизвестной конструкции, но явно очень мощном, ведь межзвездное путешествие — это вам не шутки. Человеческому мозгу трудно осознать, как велико расстояние между звездами. Вообразите огромное уходящее вдаль пространство и умножьте его в триллионы раз, пока не почувствуете себя жалкой и ничтожной букашкой. Пронизывающий холод и пустота световых лет.

Мы так и не нашли этот громадный космический корабль, не знаем, где его прячут, и можем лишь гадать, каким образом враги высаживаются на Марс. Или на другие планеты. Пока, впрочем, у антагов только одна военная база — в Красной пустыне.

Но та бабулька сказала...

Титан!

Твою ж мать.

Заявка на победу

Наверное, у меня галлюцинации.

В небе рядом с Фобосом проплывают огни. Может, это наши фреймы, а может, вражеские «кузнечики» — герметичные капсулы, доверху набитые транспортом, оружием и бойцами.

Тек поднимает руку. Мишлен повторяет его жест и орет, что засек сигнал спутника. Тонкая голубая линия бьет в песок в двух шагах от Ви-Дефа. Мимо! Еще одна попытка. Со второго раза луч попадает в Ви-Дефа, потом перебирается к Теку.

— Лазерный сигнал! — Тек кричит изо всей силы, его голос слышно за пять метров.

Нас нашли.

Голубой луч касается меня. Мой ангел сразу оживает и радостно сообщает, где мы находимся, где расположены припасы и оружие и как до них быстрее всего добраться. Мы вдвоем единственные, кто получил сигнал, поэтому следующие несколько секунд наши ангелы активно обмениваются информацией. Мы тем временем болтаем как ученики в ожидании школьного автобуса.

— Что-то приближается, — говорит Тек.

Он только что на скорую руку просмотрел все данные и отметил самые важные. К моему удивлению, это не координаты палатки или транспортной платформы.

Это предупреждение.

— Какая-то громадина летит прямо на нас, — Тек так сосредоточен, что у него глаза чуть не вылезают из орбит.

Мишлен вытягивает шею и щурится на небо. Потом закрывает голову руками и припадает к земле. Инстинкт самосохранения. Мы потрясенно смотрим на него.

— Что именно? — спрашивает Ви-Деф. — Вражеский десант? Большой Моджо?

Большой Моджо — легендарный корабль антагов, если верить слухам, его видели только один раз, четыре года назад. Говорят, Большой Моджо настолько огромен, что в него помещается целый батальон антагов. Но огни не настолько яркие, и, если верить спутникам, угроза исходит не от них. Что бы ни приближалось к нам, оно громадных размеров. Ангелы докладывают, что объектов несколько, от девяти до двенадцати. Может, больше. Мы получаем эту ценную информацию за несколько минут до того, как задохнемся. Весьма своевременно.

Диджей вычленяет главные цифры:

— Самый большой весит около ста миллионов тонн. Другие поменьше, пять-шесть миллионов.

— Боже, — хрипит Ними.

Его воздух на исходе. Как и мой.

— На хрена нам это знать? — кричит Мишлен, приподнимая голову.

— Мы в пятистах километрах от предполагаемого места удара, — говорю я. — Двигаясь со скоростью сорок километров в секунду, они будут здесь через... Думаю, совсем скоро... Но откуда они? Из-за пределов марсианской орбиты? С солнечной орбиты? Из облака Оорта?

Какого черта здесь творится? Почему антаги не сбрасывают скорость? Или они хотят чиркнуть по верхнему слою атмосферы и зайти на второй круг?

— Твою мать! Че делать-то? — орет Мишлен.

— Сколько у нас времени? — спрашивает Ними.

— Не знаю.

Светящиеся объекты уже видны невооруженным глазом. Летят с западной стороны — громадные, ослепительно яркие, один в форме полумесяца. Несутся нам навстречу с чудовищной скоростью.

Мы уже собираемся рухнуть на колени. Пара секунд — и светящиеся глыбы просвистят мимо либо расплющат нас в блин. И тут Ви-Деф, который все это время изучал спутниковые данные, издает торжествующий вопль:

— Три русские палатки! На паллете, в ста метрах от нас!

Мы бежим туда, куда показывает Ви-Деф. Без вопросов и обсуждений. Воздуха осталось минут на десять.

Я оборачиваюсь, спотыкаюсь и чуть не лечу вверх тормашками, но умудряюсь сохранить равновесие — хорошо, что на Марсе сила тяжести меньше, чем на Земле.

Огни вот-вот настигнут нас. Я успеваю сосчитать их: чудовищных размеров полумесяц, темный, дрожащий и мерцающий, с виду больше, чем Фобос, но я не уверен, ведь спутник Марса я видел лишь издали, а этот лунный серп — пугающе близко. Девять или десять глыб поменьше перекатываются рядом точно стайка игривых тюленей на волнах.

Тек и Казах находят паллету, Ви-Деф и Мишлен разрезают пластиковые стяжки, мы сгрудились рядом. Проверяем защитные полосы — чисто! Срываем пломбы. Две палатки выскакивают из коробок, чуть не сбивая меня и Мишлена с ног, распрямляются и начинают наполняться воздухом. Восхитительное зрелище. В третьей нет кислорода — только фляги с водой. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

У нас в запасе не больше четырех минут. Если хотя бы одна из палаток не надуется за это время...

Первый объект входит в атмосферу, оставляя за собой сверкающий огненный хвост, врезается в равнину где-то на северо-западе и *исчезает*. Могло быть и хуже. Ослепительный белый след выцветает до нежно-сиреневого. Удар. Вспышка. Бриллиантовое сияние растекается по небу и увядает, оставляя за собой лиловую дымку, а над местом падения распускается гигантский розовый бутон. Вокруг клубятся белые барашки облаков. Розовый купол разрастается, напоминая огромный гриб без ножки. Невероятно! Должен же он где-то брать начало, соединяться с землей! Постепенно воздух над местом удара сгущается, плотнеет, и у цветка появляется сероватый дымный стебель, от которого разлетаются в разные стороны лиловые и белые полосы.

Мы глазеем разинув рты. Я судорожно пытаюсь вздохнуть, но легкие словно обручем сдавило.

Первая палатка почти надулась.

И тут равнина сотрясается, становится на дыбы, и мы как кегли разлетаемся в разные стороны. Мы приземляемся на задницы и цепляемся за ортштейн, пока все вокруг — пыль, щебень, камни — трясется в безумной пляске.

Марс разверзается и проглатывает паллету вместе с нераскрывшейся палаткой. Диджея едва не затягивает следом, но он проворно отползает прочь. Трещина останавливается на расстоянии вытянутой руки от моего лица. Ужасный скрежет эхом отдается в каждой клетке тела, гермоскафы трещат по швам. Грохот такой, словно в двух шагах от нас кто-то со всей мочи колотит в японский барабан. Моя голова пульсирует в такт ударам. Внезапно звуковая

волна натывается на невидимую преграду, отскакивает от нее, разворачивается и идет обратно. Что за хрень?

Мы поворачиваемся на запад.

Невидимая воздушная стена проходит сквозь нас, и мир погружается в зловещую, гнетущую тишину.

— Конус молчания! — кричит распластавшийся возле меня Тек.

— Что?

— Мы попали в конус молчания! Ударная волна срикошетила от верхних слоев атмосферы и накрыла нас колпаком.

Понятия не имею, про что он.

— Это только первый! Будут еще! — кричит Мишлен.

Мы поднимаем глаза к небу и застываем от ужаса. Мир по-прежнему погружен в пугающее безмолвие. От шляпки гриба расходятся в разные стороны серые полосы дыма. Постепенно они окутывают ее целиком.

Самый большой удар позади. Надеюсь. Если нет — пиши пропало, второго такого мы не переживем. Еще с полдюжины гигантских глыб проносятся через облака, подпрыгивая, точно кто-то пускает «блинчики» по воде. Врезаются в марсианскую равнину.

Почва уходит из-под ног.

Меня подкидывает на пять метров, переворачивает и швыряет навзничь. Я едва не теряю сознание. Ловлю ртом воздух. Все болит. Наверное, сломал несколько ребер. Если гермоскаф порвался, то я покойник, кусок замороженного мяса. А впрочем, плевать. Почему я не вижу звезд? На меня давит потолок — серый, плотный, непроницаемый. Но белые хлопья каким-то образом проходят сквозь него.

Я один большой комок боли. С трудом удастся сфокусировать зрение, и в моем истерзанном мозгу всплывают детские воспоминания. Рождество! Мама, гляди какие снежинки! Комья снега и льда — какие размером с градину, какие с кулак, — падают с небес и отскакивают от ортштейна и от моего тела. Мне в лом вставать, да я, наверное, и не смог бы. Проверять неохота.

Снежная пелена укрывает меня с головой.

Черт, мы почти добрались до палатки.

И тут начинается камнепад.

Рановато для героической смерти

Я прихожу в сознание и вижу лицо склонившегося надо мной Тека.

Он показывает пальцы.

Да, вижу.

Воздух вокруг теплый и плотный — не думал, что на Марсе такое возможно! Мой ангел непрерывно подает сигнал тревоги. Я приподнимаюсь на локте и оглядываюсь. Снежное одеяло, покрывающее равнину, усеяно черными крапинками камней — где булыжники размером с мой кулак, а где и валуны с человеческую голову. Прилетели за сотни километров отсюда.

Некоторые до сих пор дымятся после удара.

Тут и там пузырятся лужицы воды. Бурлят словно гейзеры в Йеллоустоунском парке. Обалдеть!

Мы на планете Перье!

Я пытаюсь сказать это вслух, дать понять Теку, что мне не отшибло мозги и я в состоянии шутить. Но я прикусил язык, пока падал, и когда открываю рот, то забрызгиваю экран кровью.

Тек мотает головой и показывает мне два пальца. Я поднимаюсь на ноги — надо искать остальных. Диджей застрял в сугробе, мы разгребаем снег и лед и помогаем ему выбраться. Он заметно хромает, но присоединяется к поискам. Следующим мы находим Казаха. Тот полон энергии, как после освежающего сна, бодро выскакивает из расщелины в камнях и отряхивается от снега и пыли.

Мишлен жив, но ударился головой о камень, и его шлем треснул. К счастью, герметичность не нарушена. Никто из нас не порвал гермоскаф — вот уж чудо из чудес!

Цель номер один — разыскать палатки. Надеюсь, хотя бы одна уже надулась. Если же нет, или если обе из них провалились в трещину или пробиты камнями, то нам крышка. Удивительно, как это мы продержались до сих пор! Должно быть, включился автопилот, и мы машинально, словно роботы или дрессированные собаки выполняли все необходимое, чтобы наши души не покинули свои бранные оболочки прежде времени.

Вот и палатка. Надута, но продырявлена камнями в нескольких местах. Мы вынимаем из нее воздухонакопители и заряжаем от них гермоскафы. Теперь кислорода хватит еще на несколько минут.

Где же Ви-Деф? Где Ними?

Находим вторую палатку. Перед глазами сгущается пелена, словно кто-то подкрался сзади и закрыл мне лицо ладонями. В легких бушует пожар.

Тек надувает палатку. Звуки вокруг слышны с прежней силой. Марс скулит как космическая сука: шипит, вздыхает и стонет на все лады, а потом и вовсе раздражается пронзительным хриплым воем.

Ждать ли падения еще какой-нибудь громадины? Без понятия. Серая завеса облаков выглядит непроницаемой, лужи пузырятся и выплевывают фонтаны грязи. Воздух по-прежнему кажется густым, но все стремительно остывает, вода превращается в хрустящий испаряющийся лед, впитывается в пыль или уходит в почву.

Внезапно на равнине сгущается туман, словно диснеевский мультипликатор растушевал все вокруг волшебной кистью. Видимость нулевая. Я ощупываю свой шлем, размазывая пыль

и воду по экрану. Вода испаряется с кончиков пальцев так быстро, что не успевает даже смешаться с пылью и превратиться в грязь.

Я проталкиваюсь вперед сквозь сугробы. Снег испаряется, не успев растаять. Это не вода! Сухой лед или вроде того. Странное вещество.

Какая-то часть моего сознания вспоминает, где я видел Мишлена в последний раз, я разворачиваюсь и прихожу напрямик к нему. Мишлен пытается встать. В меня врзается Тек, вместе мы ощупываем гермоскаф Мишлена. В глазах нашего товарища застыл испуг.

Тек показывает пять пальцев.

Я гримасничаю так, что скулы сводит.

Призрачные клубы тумана начинают рассеиваться, и кое-где сквозь них проглядывают черные заплатки неба. Странно, что я не замечал этого звука до сих пор, но со всех сторон раздается мерный рокот, сопровождающийся иногда громкими хлопками. От гула у меня болят уши.

А потом на равнину опускается тишина. По мне, так от этого ничуть не легче. Мы стоим обнявшись за плечи, поддерживая друг друга, поддерживая Мишлена. Тот постепенно приходит в себя, обретая вновь чувство равновесия и силу, и недоуменно ощупывает свой экран. Удивляется, почему он до сих пор жив.

Из тумана выходят Ви-Деф и Ними, замечают нас и неловко ковыляют в нашу сторону. Тек показывает семь пальцев. Хвала небесам! Мы собираемся вокруг уцелевшей палатки, отряхиваемся и по одному заползаем внутрь. У нас нет инструкций. Некуда идти. Мы словно измученные, заплутавшие, побитые щенки. Механический голос предупреждает, что палатка не рассчитана на такое количество людей. Плевать. Главное, у нас есть воздух и вода.

Равнина все еще вибрирует, но мне кое-как удается заснуть. Через пять минут нас будит свет фонарика. Мишлен сидит посреди палатки, волосы дыбом, и видно, что его распирает от совершенного открытия.

— Этот лед — смесь двуокиси углерода, метана и аммония. Он охрененно древний!

— И что с того? — раздраженно спрашивает Казах.

— Долбаные антаги сбросили на нас *комету*! — заключает Мишлен, по очереди обводя нас взглядом.

Он так поражен собственной догадливостью, что у него аж челюсть отвисла.

Мы пялимся на Мишлена в ответ. А ведь он прав, черт возьми!

— Во дают, — восхищенно бормочет Ви-Деф. — Ну прям заявка на победу.

Остаться в живых

Заря расцветивает пустыню неземными красками. Проснувшись, мы садимся и по очереди выглядываем через прозрачные панели. Лицо Тека в лучах восходящего солнца светится как раскаленная бронза.

До сегодняшнего утра я не представлял, что рассвет на Марсе может быть настолько красив.

Небо пылает яркими красками, точно на открытке с тихоокеанского острова, а песчаная равнина переливается всеми оттенками оранжевого, красного и золотого. Запасы воздуха и воды на исходе, плюс чертовски хочется есть. Мы не жалуемся, но пустые желудки дают о себе знать.

Надеваем костюмы и выбираемся из палатки. Мир снаружи ничуть не изменился после вчерашних событий, даже коричневое пятно по-прежнему маячит на горизонте. Разве что небо чуть посветлело. Снег испарился, а от шипящих луж не осталось и следа. Перед нами до боли знакомый пейзаж — сухая безликая пустыня.

На Марсе пыль оседает мгновенно, стоит ветру утихнуть.

Мы приплясываем от холода, обхватываем себя руками, хлопаем по плечам. Когда уже нас спасут? Когда произойдет хоть что-то хорошее? Космодесантников трудно удивить. Хотя... если бы сейчас передо мной открылся портал в кафешку — пиво, бургеры, картошка фри! — я бы конкретно охренел. Как же хочется есть...

Казах наострил уши.

— Слышите, как будто комар пищит?

— Это «скелл», — говорит Ви-Деф.

У него самый тонкий слух из нашего отряда. Самый глазастый — Тек, с тех пор как ему вернули зрение. Но я замечаю машину первым — тарахтящая букашка маячит на горизонте. К джипу привязан яркий флаг. Цвет спелого лайма — зеленый с желтым — бросается в глаза на фоне унылого марсианского пейзажа.

«Скелл» петляет, объезжая ямы, и тормозит прямо перед нами. Хвала небесам! Заместитель командира дивизии собственной персоной! Машиной управляет подполковник Гарри Руст, также известный как Бойцовый Петух, рядом сидит соянг — генерал-майор Объединенной корейской армии, на груди — нашивка с двумя звездами, в руках — гранатомет «Фасилитатор». На поясе у генерала два пистолета «Чикой», стреляющие металлическими дротиками, оба замотаны в прозрачную полиэтиленовую пленку с дырками для пальцев. Последний писк моды в Красной пустыне.

Парочка приветствует нас — угрюмо, сухо, без лишних эмоций.

— Режим радиомолчания никто не отменял, — замечает Руст.

Виноваты! Но в сложившихся обстоятельствах нам все-таки разрешено общаться через ангелов и просто кричать погромче, авось услышат и через шлем. Бойцовый Петух прибегает ко второму варианту и сообщает, что наши войска временно находятся в беспорядке.

— Все корабли уничтожены, вы, наверное, видели зарево. Чертовы антаги звезданули в нас ракетами класса земля-орбита.

Теперь понятно, почему капсулы отделились от фреймов слишком рано.

— Рад видеть вас живыми, ребята. Остальные погибли, — продолжает Бойцовый Петух. — Нужно выработать новый план действий. Видите пятно вон там, на горизонте? Эйс

козырь антагов... Меняет всю расстановку сил... Что-то вроде фабрики. Мы только не знаем, откуда она взялась. Может, антаги сбросили ее вместе с глыбой грязного льда, а может, построили раньше и ждали, пока им подвезут сырье.

— Мастер-сержант Венн видел это пятно еще до удара, — докладывает Тек.

Бойцовый Петух кивает.

— Так или иначе, теперь у них есть все, чтобы запустить производство.

А мы-то, дураки, собирались идти напрямиком к пятну. Так перепуганный олень выскакивает навстречу фарам джипа.

Все косятся на генерала — не добавит ли он что-нибудь к словам Руста? Изможденное лицо корейца едва различимо за грязным экраном, гермоскаф усеян пятнами. Видно, соянг не первый день торчит в марсианской пустыне.

— Прошу прощения, забыл представить вам генерала Ву Джин Квака. Он высадился со своим взводом к востоку от нас, где-то за неделю до нашего прибытия. Потерял почти всех людей. Те немногие, что уцелели, разбили лагерь к югу отсюда. Хорошие новости — они нашли старый китайский фонтан и надеются активировать его. Коды у них есть... Мы отправимся туда для перегруппировки, а после будем пытаться выйти на связь и получить свежие разведданные. Узнать, что происходит. Каких действий ждут от нас. Так что пока наш пункт назначения — китайский фонтан. Вон там, — Бойцовый Петух показывает на юг.

— Самовольно в разведку не пойдем, будем ждать приказа, — продолжает Руст. — Сейчас перед нами одна задача — выжить и запасти как можно больше ресурсов.

— Поехали! — машет рукой Квак.

Предполагается, что армии союзных государств должны тесно взаимодействовать друг с другом и работать слаженно, точно единый организм. На деле все немного не так. Корейский генерал может раздавать приказы сколько угодно, но подчиняемся-то мы Русту. Без команды Бойцового Петуха мы даже с места не сдвинемся.

— Залезайте в машину, бродяги, — говорит подполковник.

Места в «скелле» не хватает на всех, поэтому троим — мне, Теку и Ви-Дефу — приходится стать на заднюю дугу, уцепившись за поручни. Бойцовый Петух берет курс на юг. Наш джип явно знал лучшие времена — погнутая рама и перекошенное колесо свидетельствуют о том, что он не раз переворачивался на Красной планете. Массивные колеса, стальной каркас — классический пляжный багги.

Тут и там виднеются свежие кратеры и куски рыхлого льда. Перед тем как врезаться в атмосферу, комета раскололась на части. По моим прикидкам ее осколки разметало по площади в десять-двадцать квадратных километров. Но это, как говорится, пальцем в небо, исходя из того, где живут кометы.

Я недоумеваю — здесь, на Красной планете, мы все немного астрономы — как антаги умудрились спрятать свою управляемую комету, ведь прилегающее к Марсу космическое пространство сканируется с Земли и Луны каждые несколько часов. Может, покрыли ее сажей, прежде чем увести с орбиты? По большому счету, какая разница. Не мое дело задаваться такими глобальными вопросами. Но загадка интересная. Мысленно я ставлю себе галочку — вернусь к ней позже, перед тайм-аутом.

Я люблю ломать голову над всякими причудливыми и непонятными вещами, пока космолин впитывается в кожу. Моя любимая тема для размышлений — что, если Галуйе прав, и весь мир вокруг нас — не более чем компьютерная симуляция? Один английский философ, Тадеус Кронкл, утверждает, что ему удалось математически доказать этот факт.

Якобы раскладывая функцию в бесконечную сумму степенных функций — ученые называют их рядами Тейлора — можно вычислить операционную систему, которая нами управляет. Найти кукловода, дергающего за ниточки. Каждый из нас по-своему Нео. Нереально крутая задумка. Успокаивающая. Гораздо лучше, чем рай, куда, как нам обещают, попадут все космодесантники. Если туда пускают кого попало — черт возьми, даже нас! — сомневаюсь, что мне там понравится. Рай, как и Марс, не оправдывает ожиданий.

«Скелл» везет нас на юг. С обеих сторон открывается страшное зрелище. Бивуак, уничтоженный ударом с воздуха — лазеры, или болты, или торпеды. Мы почтительно замолкаем. Вокруг тела. Груды тел. Возможно, эти космодесантники погибли, выполняя приказ соянга.

Корейский генерал смотрит прямо перед собой.

На земле бивуаком называется временный военный лагерь, когда солдаты не разбивают палаток и не возводят никаких сооружений. На Марсе такое практически невозможно — без крыши не обойтись. Мы крадем слова из прошлого и извращаем их смысл.

Бойцовый Петух не дает никаких тактических установок — скорее всего, он знает не больше нас. Генерал сидит неподвижно, пальцы впились в поручни с такой силой, что кажется, вот-вот раздавят их. Видно, хлебнул дерьма по полной. По тому, как старательно он отводит взгляд от остатков бивуака, я понимаю — это случилось здесь.

Тек, висящий на поручнях возле меня, разглядывает поле битвы и кривит рот с таким видом, точно у него запор. Ними укачало от тряски — того и гляди проблюется. Только Ви-Деф мужественно устремил взгляд к неведомой и далекой цели — воплощение стойкости и героизма. Не похоже на него.

Перегруженный «скелл» карабкается вверх по склону бархана — пятнадцатиметровой горы из нанесенного ветром песка — едет какое-то время вдоль его гребня, поворачивает так резко, что у нас тошнота подкатывает к горлу, и боком скользит вниз. Джип едва не опрокидывается, но Бойцовый Петух успевает выровняться за секунду до того, как машина врежется в ортштейн.

Едва спустившись с песчаного бархана, Руст так резко выкручивает руль, что я чуть не падаю. Теперь «скелл» несется напрямик по канавам и застывшей грязи. Еще один опасный крен, и мы съезжаем в глубокую траншею. Бойцовый Петух бьет по тормозам, и машина резко останавливается. В пяти шагах от нас огромная палатка — командный шатер, над ним — ветхий, сколоченный на скорую руку навес из обломков капсул и фреймов.

Сразу за навесом траншея раздваивается, образуя Y-образное углубление в плоском ландшафте. Бойцовый Петух выпрыгивает из машины. Навстречу выходят несколько офицеров. Мы быстро становимся центром всеобщего внимания. В палатке полно высокого начальства из Азии и России — два китайских генерала, три русских полковника. Они разве что руки не потирают от радости — низшие по званию! Будет теперь кем командовать! Сержанты, капрал, да еще и Бойцовый Петух впридачу.

Квак медленно вылезает из «скелла», передает свое оружие русскому полковнику и поворачивается к нам. Кореец бледен как смерть, воплощенная апатия и покорность судьбе. Однако он находит в себе силы объявить общий сбор в командном шатре. Интересно, куда подевалась генеральская свита? Каждого из этих офицеров должна окружать целая толпа ординарцев и телохранителей. Не лучшие времена для начальства, однозначно.

Я переглядываюсь с Бойцовым Петухом, потом перевожу взгляд на Тека. Тот немного

расслабился — гримаса страдающего от запора уступила место сосредоточенному удивлению. Мы понимаем друг друга без слов — на этом ранчо чересчур много ковбоев и слишком мало индейцев. Страшновато.

Тек касается моего шлема.

— Откуда столько генералов?

— Кто-то планировал большую операцию и облажался по полной, — предполагаю я.

Горькая правда

Сколоченный из того, что под руку попало, навес служит скорее для маскировки, нежели для защиты. Командный шатер под ним напоминает старый, наполовину сдувшийся аэростат — ткань натянута неплотно и местами обвисла, а алюминиевый каркас растрескался и погнулся. Вместо узкого входа, напоминающего родовые пути, одноместная шлюзовая камера, но принцип действия тот же: заходишь, заворачиваешься в мембрану, ждешь, пока воздух затянется в шатер, расстегиваешь молнию на внутренней панели, разворачиваешься и вуаля — ты внутри. Все следят за тем, чтобы Диджей, и Ви-Деф отряхнулись как следует — не ровен час опозорят нас перед начальством.

Мы с Теком оцениваем обстановку. Шатер — не убежище и не укрытие, а всего лишь место для переговоров. Давление не выше, чем на склонах Эвереста. В нос бьет сладковатый запах разложения — запах смерти. Все офицеры в плачевном состоянии, большинство из них травмированы. Низкое давление не идет им на пользу — для очищения и заживления ран необходим приток кислорода и нормальное давление, а то и до гангрены недалеко. Мне хочется защелкнуть экран шлема и бежать отсюда куда глаза глядят. Подозреваю, не мне одному.

Бойцовый Петух представляет нас этому оборванному собранию. Хоть меня и тошнит от вони, я испытываю что-то вроде благоговения: подумать только, мы, простые рядовые, дышим одним воздухом — пусть и затхлым — с высшими чинами, представителями трех союзных регионов и пяти государств. Эти ребята вхожи в кабинеты мировых лидеров. Важные птицы — наверняка их будут спасать всеми силами. Нам это на руку.

Генерал-майор Квак прекрасно владеет английским. Держится он получше, чем остальные. Сдавленным, искаженным от боли голосом кореец сообщает, что воды осталось немного, запасов кислорода хватит на день-два, а на северной ветке траншеи находится китайский фонтан — к сожалению, неработающий, а то цены бы ему не было. Фонтан почти целиком занесен песком и пылью, не в целях маскировки, а под влиянием марсианских ветров. Лежит здесь вот уже два года.

— Сможете починить? — кореец с надеждой поднимает бровь.

Бойцовый Петух и Диджей совещаются шепотом. Слов не разобрать. Я знаю, что Диджей когда-то проходил обучение по фонтанам, но диплом так и не получил.

Русский по фамилии Ефремов поправляет обвисший потолок палатки. Квак медленно выходит вперед, к складному столику, на котором стоит маленький проектор.

— Вам, должно быть, интересно, откуда здесь столько генералов? Так вот: начальство обязано лично изучить местность, прежде чем бросать солдат в бой. Мы прибыли не одни: множество космо-фреймов, орбитальная управляющая станция, спутники. Целый батальон. Семьдесят пять транспортных платформ, сотни машин. Почти все уничтожены. Остатки разбросаны по равнине. После вынужденной посадки мы оказались здесь.

Эта масштабная операция не включала нас. Бросок, о котором рассказывает Квак, состоялся за несколько недель до нашего прибытия.

— Мы не смогли выйти на связь с другими подразделениями. У нас нет информации, где они и сколько осталось в живых. Плохо, что... — тут у генерал-майора перехватывает дыхание.

Его грудь судорожно вздымается, когда он пытается набрать в легкие воздуха. Кислород

в шатре на исходе, но Квак явно не тяготеет к лаконичности. Генералов хлебом не корми, дай толкнуть речь.

— На орбите наши корабли столкнулись с вооруженными силами противника. По меньшей мере сорок... змееходов... — Квак вопросительно смотрит на русского полковника, и тот переводит:

— Генерал имеет в виду караваны из космических кораблей, которые подвозят противнику припасы: оружие, солдат, воду и кислород.

— А также кометы? — спрашивает Бойцовый Петух.

— Да. Очевидно, их тоже, — отвечает Ефремов.

Русский в изнеможении опускается на колени. Эти несколько слов лишили его последних сил.

— Может, и не кометы, но что-то громадное. Это факт, — подводит итог корейский генерал.

Он кривится от боли, но намерен закончить свой неутешительный доклад.

— Все спутники сбиты. Кроме одного... Хотя, может, его тоже уничтожили. До тех пор, пока мы не поймем, как рассредоточены наши силы и сколько у нас осталось людей, мы не более чем наблюдатели. Есть возражения, джентльмены?

Возражений нет. Особой радости, впрочем, тоже.

Полковник Орлов выходит вперед, чтобы внести свою лепту.

— Китайский фонтан... он вышел из строя. Все наши инженеры погибли во время броска. Но я думаю, его можно переделать... В смысле, починить.

— Среди нас есть инженер, — говорит Бойцовый Петух.

Диджей заметно напуган.

— Как насчет инструментов?

— Найдутся, — отвечает Квак. — Но с запчастями беда.

Офицеры совещаются на китайском и русском. В шатер входит индус с изможденным опухшим лицом. Щеки обветрены, губы потрескались, правая рука сломана и болтается на самодельной повязке из кабельного шнура. У всех офицеров повреждения в основном с правой стороны — очевидно, получили их одновременно, при посадке. Которая оказалась не самой мягкой.

— Мы обсуждаем ремонт фонтана, — объясняет Квак.

— Превосходно.

Индус подает Русту левую руку, но тут же отдергивает ее — кто знает, вдруг перед ним мусульманин? Обводит собравшихся запавшими глазами.

— Я — бригадный генерал Джавахар Лал Бхагати. Кто тут вызвался нас всех спасти?

Судя по всему, сломанный фонтан — наша последняя надежда.

Бойцовый Петух кладет руку на плечо Диджею.

— Вот этот парень, сэр. Наш лучший инженер.

Да поможет нам господь.

— Превосходно! — повторяет Бхагати. — Нам удалось найти кое-какие инструменты и коды активации, которые, будем надеяться, подойдут. Приступим к делу.

Проблеск надежды

На протяжении следующих нескольких часов я исполняю обязанности квартирмейстера и ношу в зад-вперед с инструментами и флягами с водой. Еды нет и не предвидится, но без нее мы можем продержаться долго.

Кажется, Диджею удалось продвинуться с починкой фонтана, но с приходом темноты температура упала до минус ста по Цельсию, а значит, снаружи делать нечего. На обогрев гермоскафа уходит слишком много энергии, а мы должны экономить батарейки. При резком похолодании нам предписано немедленно залезть в палатку, а при отсутствии таковой спрятаться в траншее или канаве и укрыться слоем пыли. Кто остался последним, закапывает всех, а потом и сам зарывается рядом, как сможет. На Рейнире мы проходили специальный курс по выживанию в походных условиях, тренировались до посинения. Как я уже говорил, весь фокус в том, чтобы как можно теснее, по-щенячьи, прижаться друг к другу. Щенки умеют согреваться в холода.

На КЛЮ Тек учился на санитаря, и хотя ему самому изрядно досталось — многочисленные ушибы и пара сломанных ребер — он пытается оказать медицинскую помощь офицерам. Взгляд его ясных голубых глаз может успокоить кого угодно — хоть раненого генерала, хоть испуганную лошадь.

Кодовое название нашего отряда — «Трюкач», он состоит из двух огневых команд. Мы с Теком входим в состав первой — слабопольный расщепитель, скорострельные винтовки-болтеры и ракетомет. Если мы приземляемся во всеоружии, конечно. Понятия не имею, зачем нам кодовые названия, скорее всего, враги не понимают наш язык. Мы их, по крайней мере, не понимаем. Насколько я знаю, нам ни разу не удалось перехватить переговоры между кораблями или боевыми подразделениями антагов. Ни малейшего шанса расшифровать их язык. Если он у них вообще есть.

Вот почему я не люблю, когда антагов называют антами — муравьишками. Настоящие муравьи передают информацию самыми разными способами. Муравейник — цельный организм, единый мозг, где отдельная особь выполняет одновременно роль мускула и нейрона. Каждый член колонии — и разведчик, и строитель, и чуть-чуть генерал. Когда муравьиная колония настраивается на решение какой-либо задачи, информация собирается из десятка разных мест по принципу распределенной сети. Насекомые общаются, соприкасаясь усиками-антеннами, а химические ферменты, которые они выделяют, — природный GPS-навигатор, не дающий сбиться с пути. Я ни за какие коврижки не согласился бы воевать с ними. Бойцовый Петух и Ви-Деф раз и навсегда окрестили наших врагов муравьишками и отказываются называть их иначе. Джо, кстати, тоже. Как-нибудь я перескажу вам свой ночной кошмар, в котором меня жалят сотни гигантских муравьев.

Боже, как холодно! Я едва борюсь с желанием прикорнуть где-нибудь в уголке. Чтобы не заснуть, брожу туда-сюда между полусдвинутым командным шатром, куда забилось все начальство за исключением Руста, и северной веткой траншеи, где лежит сломанный фонтан. Ноги заплетаются, я едва ковыляю, но это далеко не самое плохое. В шлеме воняет тухлятиной. Надеюсь, у меня не началась гангрена. Мой гермоскаф давно превратился в банку с прокисшим рассолом, но в остальном работает — и на том спасибо. Переполненные фильтры не справляются с очищением воды, она протухает и поглощает кислород. Все нуждается в замене, в подзарядке. Все, включая меня.

В конце концов я выбиваюсь из сил и сажусь возле фонтана. Сон манит все сильнее. Тихая, мирная смерть. Прямо перед моим носом дыра, из которой торчат ноги Диджея. Он выкопал из песка основание фонтана, снял крышку люка и нырнул туда с головой. Наш инженер почти не подает признаков жизни, лишь время от времени подергивает ступнями и упирается коленками в песок. Фонтаны — внушительные сооружения, когда-то их сбрасывали, привязав к огромным аэростатам, но со временем фонтаны сделались больше и дороже и стали более хрупкими, поэтому их начали спускать на парашютах-невидимках, а в отдельных случаях — с реактивными двигателями для торможения. Китайский фонтан — маленький, допотопный и, судя по всему, как следует шмякнулся о равнину. Может, был неправильно запакован. Полковник Орлов, с трудом приковылявший в траншею из командного шатра, объяснил, что несколько водонакопительных цистерн расколосось, а программа самодиагностики не запускается — очевидно, в уверенности, что обследование не покажет ничего хорошего. Фонтан-неврастеник.

Диджей время от времени дрыгает ногами и елозит коленями по песку. Только так мы и понимаем, что он еще жив.

Внезапно верхняя часть фонтана оживает, и из нее выпрыгивают лопасти водонакопителя. Мы с Орловым ликуем. Обнадеженные, к нам присоединяются Казах, Мишлен и Ефремов. Но лопасть не раскрывается полностью и не крутится — дурной знак.

Наконец, Диджей вылезает из своей норы и качает головой.

— Слишком сильные повреждения внутри, — кричит он.

Ничего не слышно. Тогда мы с Кахазом, Мишленом и Диджеем сбиваемся в кучу, словно футболисты во время совещания на поле, и соприкасаемся шлемами.

— Система не запускается. Можно сделать перемаршрутизацию шины, но тогда сломанные компоненты тут же высосут всю энергию. Посадят батарейки в один момент. Ума не приложу, как быть. Если найдете какие-нибудь запчасти, тащите сразу ко мне, хорошо?

Пошатываясь, бредем к командному шатру. Гермоскафы воняют так, что одуреть можно. Нам неохота проводить ночь, прижавшись к полковникам и генералам, но выбор прост: урви у офицеров глоток воздуха и тепла или подохни снаружи.

Блондинка и ее багги

Дела идут хуже некуда. Дожить до утра — уже достижение. Я неподвижно лежу в куче мала и ворочаюсь, только когда Казах пинает меня. Он брыкается похлеще мула.

Генерал Бхагати совсем плох — заражение крови, не иначе. Дружественные организму бактерии решили, что он труп, и обратились против него. На Красной планете такое бывает сплошь и рядом. Наверное, для бактерий мы все — просто ходячие мертвецы.

С первыми лучами зари мы захлопываем экраны шлемов и выбираемся из шатра. Уныло розовеющий рассвет и близко не похож на вчерашнее волшебное зрелище. Но нам по барабану. Когда доходишь до черты, тебе плевать на красоты природы. Голова кружится, а в шлеме воняет так, словно кто-то решил разморозить холодильник и забыл про него на несколько дней. Все тело зудит. Я борюсь с желанием откинуть экран шлема и покончить со всем одним махом. Судя по всему, не я один. Бесславный конец для отряда «Трюкач».

Что мы сделали не так? Подумаю об этом после, когда гермоскаф окончательно разрядится и я начну замерзать. В теплой предсмертной дремоте легче размышлять о всяких неприятных вещах. Хоть чесаться перестану. Наверное.

Я сижу на краю канавы. Из шатра доносятся обрывки фраз на корейском и китайском, но мне не удастся разобрать ни слова. Я учил китайский в старших классах школы и немного в колледже, но уже успел позабыть. Мечтал поехать на стажировку в Шанхай, но мою кандидатуру забраковали. Придрались к «криминальному» прошлому — в тринадцать лет я угнал у своего дяди грузовик. Космодесантникам, напротив, плевать, кто как чудил по молодости, они живо выбьют из тебя всю дурь и мигом превратят вчерашнего воришку в хладнокровного убийцу. Сначала нас готовят по программе морских пехотинцев, а потом везут в горы и в пустыню для дополнительных тренировок. Мучают так, что астронавтам из фильма «Парни что надо»^[9] и не снилось.

Один только тест на определение личностного психотипа, во время которого тебя накачивают LSD, тянет на Нюрнбергский трибунал. Его я помню отчетливо, а вот многодневная пытка, названная по какому-то недоразумению Курсом Развития Силы и Выносливости в Космосе — КРСВК, почти стерлась из моей памяти. База Хоторн, горы Рейнир, Бейкер, Адамс, вулкан Мауна-Кеа... Военная медицина не просто приблизилась к границам дозволенного — она их перешагнула. Допинг и стимулирующие вещества под запретом всю дорогу, но если выйдешь в финал, доктора оторвутся по полной. Я накачал упругие мышцы и поправился на семь килограмм, а потом сбросил столько же на жесткой диете. Пропорции жира и...

Да какая на хрен разница! Лучше буду думать о женщинах. О женщинах в общем, а не о ком-то конкретно. Уж точно не о своей старенькой маме. По священной армейской традиции все умирающие космодесантники зовут маму в последние минуты жизни, но Красная пустыня глуха к их мольбам.

Мишлен садится рядом и касается моего шлема.

— Они там словно с цепи сорвались, орут на Диджея, — хрипит он. — Ненавижу офицеров! Он по-китайски ни в зуб ногой, но я-то понимаю каждое слово. Несут чушь, якобы Диджей нас всех угробил.

— А он что?

— С техникой Диджей на «ты», зато с людьми — тот еще тормоз. По большей части

отмалчивается.

Голова идет кругом. Перед глазами сгущается пелена. Такое чувство, что я гляжу в длинную черную трубу.

Но я еще не ослеп.

— Ты видишь? — я показываю на север.

— Где?

— Вон там.

Мишлену не сразу удастся сфокусировать зрение. Он резко хватает меня за руку.

— Да это машина!

— Но не «скелл», — присматриваюсь я.

— Явно не наша.

— Здоровенная... Антаги?

— Без понятия. На «гусеницу» не похоже.

«Гусеницы» — вражеские машины, состоящие из множества стальных сегментов, с большими колесами.

— Надо рассказать остальным.

Но мы не двигаемся с места и словно зачарованные наблюдаем за приближающимся автомобилем. Длинный — не меньше десяти метров — цилиндр, водруженный на огромные колеса. Ни у нас, ни у антагов нет таких машин.

В памяти всплывают кадры из старой видеосъемки.

— Да это же маскианский автобус! — удивленно кричит Мишлен.

Благодаря встроенным в шлем радиоантеннам новость мигом разлетается по нашему маленькому отряду, и скоро все космодесантники за исключением Диджея и Бойцового Петуха взбираются на гребень холма и садятся на корточки рядом с нами.

— Чего вы ржете? — спрашивает Казах.

Никто и не думал смеяться, но, очевидно, Казах действительно слышит смех.

— Это автобус колонистов-маскианцев, — говорит Мишлен.

Бойцовый Петух приходит последним, мы уступаем ему место в центре ряда.

— Все, звездеч, — докладывает он. — Диджей сказал, не видать нам счастья с фонтаном. Я уже готовлюсь к встрече с костлявой старухой.

Под костлявой старухой он подразумевает смерть. Внезапно Руст подается вперед, щурится, садится ровнее и расправляет плечи.

— Ты тоже это видишь? — спрашивает он.

— Все видят, сэр.

— Я уж думал, у меня глюки начались. Вам удалось идентифицировать объект?

— Это маскианский автобус.

— А точно не антаги, которые притворяются колонистами?

Голос подполковника звучит устало и отрешенно. Конец близок. Мой ангел каждые пять минут напоминает о необходимости заменить фильтры. Может, отключить его и умереть в тишине?

Но автомобиль... Его видят все, даже Бойцовый Петух, а Мишлен утверждает, что это маскианский автобус. Хоть бы он оказался прав!

Мы сидим рядом на гребне холма точно стая облезлых ворон и таращимся на машину, но никто, включая Руста, не торопится встречать гостей. Тек и Казах спорят на каменно-ножницы-бумага. Оба раз за разом выкидывают камень. Неудивительно. Попробуй разожми

пальцы на таком морозе.

— Судьба велит идти вдвоем, — резюмирует Казах. — Сэр, мы с Теком собираемся заглянуть к соседке за солью.

Подполковник кивает. Едва ли в знак согласия. Он надыхался углекислого газа, вот-вот провалится в сон и умрет. Тек тормозит его за руку.

— Сэр!

Бойцовый Петух вздрагивает, смотрит по сторонам, окидывает взглядом канаву, сломанный фонтан и сдувшийся шатер.

— Я что, главный здесь? — сонно спрашивает он.

— Да, сэр, — отвечает Мишлен. — Больше никого не осталось. Русские мертвы, индус одной ногой в могиле. Китайцы и корейцы задыхаются в шатре.

Как ни крути, вариантов немного. Автобус меж тем все ближе. Похоже, едет прямо к нам. Кто-то выследил нас и решил вмешаться в нашу судьбу. Да здравствуют маскианцы, покорители пустыни! Ни от кого не зависят, сидят тише воды, ниже травы... но появляются как раз вовремя.

Бойцовый Петух последним усилием воли стряхивает с себя апатию и касается шлема Тека.

— Ни с места, вы оба. Пусть сами подойдут. Диджей, сбегай в шатер, подними генералов и скажи, что у нас гости. Чтобы не вздумали открывать огонь.

Диджей на заплетающихся ногах ковыляет к шатру. Спрыгивает в траншею и озирается — не может сообразить, куда дальше. Наконец, до него доходит, что идти можно только в одном направлении — по дну траншеи, и он пошатываясь берет курс на командную палатку.

Мое внимание возвращается к равнине. Каким ветром сюда занесло маскианцев? Счастлирое совпадение? Их ближайший лагерь не меньше чем в шестистах километрах к северо-западу отсюда, как раз там, куда упала комета.

Автобус уже в пятидесяти метрах.

Бойцовый Петух поднимает руку. Медленно машет. Машина тормозит и останавливается. Я почти ослеп. Темнота сжимается вокруг меня черным кольцом, но мне все же удастся кое-как рассмотреть автобус. Латанный-перелатанный кузов усеян вмятинами, металлические диски на колесах поцарапаны и явно из разных комплектов: серо-оранжевый титан соседствует с ржавой сталью. Видно, машина намотала не одну тысячу километров по пустыне. Одинокий рудокоп? Звучит странно, но почему среди маскианцев не может быть отшельника, который сторонится людского общества? Обидно, если за рулем окажется одинокий старикашка с табачной жвачкой в бороде.

Диджей возвращается, не проходит и минуты. Возможно, я сам не понял, как задремал. Тек трясет меня за руку, а Казах тщетно пытается разбудить Мишлена.

— Что с генералами? — спрашивает Бойцовый Петух.

— Спят или мертвы, — отвечает Диджей. — Этот фонтан и правда был нашей последней надеждой. Простите, ребята.

— Ты ни в чем не виноват, — выдавливаю из себя я.

Мне прекрасно слышно, что говорят товарищи, но не уверен, что они могут разобрать мои слова. На Марсе такая смешная акустика. Все вокруг смешное, а скоро станет еще веселее. Мне не хватает кислорода. Кто-то идет навстречу, но я этого даже не замечаю, пока высокая худощавая фигура в ярко-зеленом гермоскафе не склоняется прямо над нами.

Гигантского роста, метра под два.

Несет походные цистерны и наддувный шланг.

— Дать з'ряд? Или ко мне в багги п'йдете?

Мы пытаемся идти за ней, но валимся на землю и чуть не кубарем скатываемся со склона. Я говорю «за ней», потому что мне так больше нравится. Я представляю, что это моя мама или прекрасная ангельская дева. Меня устроили бы оба варианта. Мишлен указывает на Бойцового Петуха. Наша гостья подсоединяет шланг к гермоскафу Руста и пускает кислород. Как только подполковник открывает глаза, она шагает к следующему космодесантнику. Обходит всех. Сознание проясняется, но голова болит адски. Тьма отступает, однако в глазах по-прежнему двоится. Кроме того, я беспрерывно моргаю.

Наша спасительница идет по второму кругу, закачивая в гермоскафы примерно часовой запас воздуха. Управившись с нами, она спускается по насыпи и скрывается в траншее. Мы садимся, наслаждаясь возможностью дышать, и ждем, когда туман в наших головах рассеется. Вряд ли это произойдет скоро.

Маскианка возвращается с корейским генералом. Тек идет следом. Наши глаза встречаются, и он качает головой.

— Пр'стите, — говорит девушка.

Судя по голосу, она совсем юная.

— Слишк'м поздно явилась. А т'перь зал'зайте в багги и прочь п'едем. Как бы др'гие сюда не п'жаловали.

Голос высокий, говорит отрывисто и проглатывает половину звуков. Я когда-то читал про особое произношение, адаптированное под разреженный воздух, но понятия не имел, как оно звучит. Плюс маскианский акцент. Экзотическая штучка. Сквозь экран шлема мне удастся разглядеть светлый локон и большие зелено-голубые глаза. Я уже упоминал, что она очень высокая?

— Мы — последние, кто остался? — спрашивает Бойцовый Петух. — Я имею в виду наша рота...

— Не видела ник'во кроме. Кто'о п'стил радиосигнал час на'д. Я откликнулась и вас н'шла.

Диджей случайно активировал рацию в фонтане и, сам того не зная, спас нам жизнь. Известил о нашем присутствии всех в радиусе ста километров.

Мы плетемся к автобусу, цепляясь друг за друга. Диджей и Мишлен ведут под руки генерала Квака.

— Второе поколение? — интересуется Диджей у фермерской женушки, когда та возвращается, чтобы помочь.

Мы общаемся по рации.

— Не хаами, — одергивает его Тек.

— На Марсе р'жденная, — подтверждает она. — То'ко парни? Д'вушек нет?

— Ни одной, — отвечает Бойцовый Петух.

— Скверно! Т'да ведите с'бя х'рошо.

Она по очереди помогает нам забраться в шлюзовую камеру.

— П'местимся все, т'плива в самый раз до штольни д'ехать.

Ну и чудесно. Что бы ни скрывалось за этим странным названием.

Наша спасительница втаскивает в машину генерала и протягивает руку мне. Наши глаза встречаются. А она сильная — для такой-то худышки.

— Д'бро п'жаловать на борт, мастер-сержант Майкл Венн.

Маскианка читает имя на моей нагрудной нашивке, старательно выговаривая каждый звук.

Я расплываюсь в улыбке.

— Спасибо.

— З'лезай шустрее, — уже менее любезно добавляет она.

Я пробираюсь в тесную шлюзовую камеру последним. Девушка задраивает входной люк и раздает нам щетки странной формы. Никогда не видел таких. Фирма «Дайсон». Пыль исчезает словно по мановению волшебной палочки, всего несколько минут — и на нас ни соринки. Маскианка швыряет щетки обратно в ящик.

— Техн'логия «Геккон», — ухмыляется она и открывает люк во внутреннюю кабину.

Мы протискиваемся вслед за девушкой. Салон довольно просторный, два на четыре метра, сквозь лобовое стекло видны ров, насыпь и скорбно застывшие в воздухе лопасти китайского фонтана.

Уходящая вдаль полоска горизонта.

Девушка — по земным меркам ей не дашь больше двадцати трех, по марсианским — в два раза меньше — садится за руль и заводит машину. Автобус отзывается жалобным стоном и электрическим урчанием мотора. Мы оставляем ров позади, поворачиваем на север, а немного погодя на юго-восток.

Устраиваемся как можем — кто примостился на лавку, кто на подвесные сиденья. Салон заставлен всевозможными ящиками и сундуками до такой степени, что развернуться негде, но мы не жалуемся.

— Трясти б'дет, — предупреждает маскианка. — Пр'стегнитесь или за петли п'двесные х'тайтесь.

— Пристегните ремни, джентльмены, нас ожидает ухабистая поездка!

Ви-Деф пытается изобразить хриловатый женский голос. С хрипотцой проблем не возникает, но в остальном — полный провал. Копирует, как обычно, какую-нибудь кинозвезду. Не могу понять, кого именно, но мне все равно нравится. Сейчас мне нравится все на свете.

Тек и Мишлен хлопчут возле корейского генерала. Края его ран потемнели, стали багрово-фиолетовыми. Дело дрянь. Едва ли Квак протянет дольше нескольких часов. Он поминутно теряет сознание и бессвязно лепечет что-то по-корейски.

Девушка полностью сосредоточена на дороге. Я озираюсь по сторонам. Багги оснащен очень примитивной системой навигации. В потолок автобуса встроено нечто, напоминающее визирную трубу. Очевидно, для наблюдения за звездами. Нижняя половина лобового стекла защищена антипылевыми сетками. Боковых окон нет, и нам не видны проносящиеся мимо марсианские пейзажи.

Мы отхлебываем из переходящей по кругу бутылки. Вода безвкусная, но никто не отказывается, даже Квак делает пару глотков.

Я снова начинаю чувствовать себя человеком.

— Сбросьте эрмоскафы, — велит маскианка.

— Будет сделано, мэ! — браво отзывается Диджей.

На его лице играет бандитская ухмылка.

— Вытряхните лишнее, а к'стюмы на подзарядку п'ставьте, — продолжает она.

На обучении нам рассказывали, что каждая марсианская колония говорит на

собственном наречии, а в некоторых лагерях изобрели даже новые языки, но их изучение не входило в нашу программу.

— Вытряхните сор из эрмоскафов в в'дро. Д'маю, у м'ня п'дходящие фильтры н'дутся. Сзади, правый верхний ящик. Как п'чиститесь, обратно н'деньте. Сразу как пр'будем, н'ружу п'дем.

Те из нас, кто в состоянии подняться, выполняют ее указания. Фермерская женушка, видно, любит покомандовать, но мы совсем не против. Наш инструктор в Хоторне обобщенно называл так женщин-маскианок. Помню, как он наставлял нас: «Не воображайте, что спасете всех этих фермерских женушек... Даже не лезьте к ним. Им на вас насрать, вот и относитесь к ним так же». И все в таком духе.

Но сейчас меня распирает от благодарности. Так, наверное, чувствует себя приютская дворняжка, спасенная за миг до того, как ее швырнут в газовую камеру.

Мы всего лишь псы войны, которых приютила высокая и сильная фермерская женушка.

Мы едва успеваем снять гермоскафы, как грузовик съезжает с ровного плато, и начинается болтанка. Девушка не преувеличила — трясет так, будто мы бороздим стиральную доску. Интересно, что представляет собой восточная шгольня?

— Ну как тут не вспомнить Райсули?^[10] «Счастлив тот, кто знает, куда лежит его путь», — декламирую я.

Космодесантники обожают кино про войну в пустыне, даже если смысла в этих фильмах как кот наплакал. Ви-Деф озадаченно хмурится. К моему удивлению, он не узнает цитату.

Нас то и дело подкидывает на колдобинах, но Тек и Казах как-то ухитряются почистить и заменить фильтры. Они снова натягивают гермоскафы и возвращаются в переднюю часть кабины. На очереди Мишлен. Я решаю, что торопиться некуда. Сейчас я на седьмом небе просто от того, что я выжил, что я дышу. Смакую это чувство.

Во мне снова просыпается вкус к жизни, а вместе с ним и желание закадрить фермерскую женушку. Спросить, тяжело ли ей живется в Красной пустыне, и что я могу сделать для нее, и всякую другую чушь, которую несут мужики, когда гормоны зашкаливают. Но Мишлен, разумеется, встречается первым. Он настолько уверен в собственной неотразимости, что даже Тека не воспринимает как конкурента.

Наш Казанова пытается завязать разговор, но фермерская женушка лишь молча качает головой — болтовня отвлекает ее от дороги. Мишлен ни чуточки не смущается и трещит как заведенный, пока маскианка не закрывает ему рот своей по-паучьи длинной и тонкой рукой.

— Сделай од'лжение, заткнись. Ты же не хочешь, чтоб мы п'ревернулись?

Волшебный изгиб ее локтя приковывает к себе взгляды. Мы в восхищении.

— Никак нет, мэ, — рапортует Мишлен с идиотской улыбкой.

После этих слов он садится на корточки за водительским креслом и мгновенно засыпает.

Генерал-майор Квак сильно мучается, но стойко переносит боль. Сломанная рука мешает снять с него гермоскаф. Мне удастся отыскать аптечку. Помеченная красным крестом коробка лежит в ящике рядом с фильтрами. Мы с Теком даем корейцу морфин. Вчерашний день, конечно, но сейчас любое обезболивающее сойдет. Я оглядываюсь в поисках кислородного мешка или гермоскотча. Костюм генерала порван в нескольких местах — либо латаем гермоскаф подручными средствами, либо заворачиваем корейца в

кислородный мешок целиком, либо Квак остается в автобусе. Что скажет фермерская женушка, когда увидит, что мы не только поживились запасами воздуха и воды, но и растащили ее ремонтный набор?

В голову лезут мрачные мысли. Как маскианка оказалась в пустыне, одна-одинешенька? Зачем помогает нам? Чего доброго, передумает и вышвырнет нас точно ссаных котят. В самом деле, какой ей прок от космодесантников? Колонисты всегда соблюдали нейтралитет, но вдруг сейчас им выгоднее переметнуться на сторону антагов? У них одна цель — выжить. Может, я поступил бы так же на их месте. Удивительная штука: как только радость от чудесного спасения притупляется, мир снова видится тебе в черном цвете.

Дорога идет почти вертикально в гору. Автобус кренится в стороны, подвеска стонет и визжит, и колеса гремят как стальной барабан.

Вряд ли я смогу уснуть.

Я просыпаюсь от того, что маскианка останавливает автобус, вылезает из водительского кресла и осторожно пробирается мимо нас по салону. Замечает, что у меня открыты глаза.

— Нужно пересчитать, ско'ко пр'пасов п'трачено, ско'ко остал'сь.

— Помочь тебе?

— Обойдусь.

Она осторожно тормозит генерала, но тот без сознания.

— К'таец?

— Он из Кореи.

Я с трудом выбираюсь из кучи спящих вповалку товарищей, встаю во весь рост и тут же бьюсь головой о потолок. Как маскианка умудряется двигаться с такой грацией, даже согнувшись в три погибели? Боже, до чего хороша! Во всем мире не найдется девушки красивей!

Она одаривает меня презрительным взглядом.

— Я — песчаная вдова. Зна'шь, что 'то значит?

Я качаю головой.

— Сх'ронила трех мужей с тех пор как мне девять исполн'лось. Тут т'бе н'чего не обломится, с'ддат.

— Я не солдат, мэм. Я космодесантник.

В пересчете на земной возраст она вышла замуж в восемнадцать. С тех пор вряд ли прошло больше пары лет.

— Мое имя ты знаешь. А как зовут тебя?

Девушка кидает на меня еще один колючий взгляд, потом отворачивается.

— Тил Макензи из Зеленого л'геря. С'кращение 'т Тилулла.

— Звучит красиво.

Казах проснулся и слушает наш разговор. Ви-Деф и Тек совещаются о чем-то в дальнем углу. Бойцовый Петух скорчился пополам — когда вода в гермоскафе протухает, в мышцах начинает вырабатываться молочная кислота. Ощущения такие, что врагу не пожелаешь. Подполковник с трудом распрямляет спину, гримасничая от боли.

— Расскажи нам о шгольне, — требует он.

Тил — фермерская женушка, песчаная вдова, неприступная красотка, ставшая еще желанней после того, как она меня отшила, — мотает головой.

— П'том, к'гда приедем.

Она защелкивает экран шлема и проверяет герметичность своего ярко-зеленого

костюма. Гермоскаф старый, громоздкий, явно с чужого плеча. Разноцветные вставки говорят о том, что его удлиняли, подгоняли под рост Тил. Предыдущий владелец был гораздо ниже.

— Багги з'буксовал, а нам еще пять'сят метров ех'ть. П'толкнуть н'до. Осилите?

От желающий отбоя нет. Бойцовый Петух берет с собой тех, кто пободрее, в том числе меня. Мы толпимся в шлюзовой камере и по одному выходим наружу. Нашим гермоскафам изрядно досталось. Если сейчас ни один из них не даст течь, это будет чудо из чудес.

Райские врата открываются

В американских школах учат, что марсианские колонии состояли поначалу из мультимиллионеров и их ближайших друзей. Большинство первых переселенцев погибло, а оставшиеся предложили оплатить перелет на Марс для всех желающих. Но слухи о вымирающих колониях отпугивали добровольцев. Земля чертовски далеко, и никто не поможет, когда ты загибаешься на Красной планете. Джеймстаун и Кроатон^[11] на новый лад.

Но выжившие проявили стойкость. Они быстро учились, не пасовали перед трудностями и со временем добились-таки своего: их поселения разрослись и начали процветать, а сами они стали героями в глазах землян.

А потом на Марс хлынула третья волна переселенцев, и кого только она не включала. Экстремисты, считающие Землю чересчур цивилизованной: слишком много запретов и условностей, слишком много дураков. Нелюдимые индивидуалисты в поисках уединения. Политические радикалы. Ученые, пытающиеся усовершенствовать человеческий ген и вывести на Красной планете новую расу с более развитым интеллектом. Фанатики всех мастей, одержимые желанием превратить Марс в спагетти-вестерн. Мой школьный учитель мистер Вагнер, убежденный либерал, называл колонистов отбросами общества. Но Красная планета все равно будоражила наши сердца. Форпост человечества борется за выживание на краю Вселенной. Романтика. Мечта любого мальчишки.

Профессор по стратегии на КЛУ дополнил картину: «Давным-давно, еще до прибытия гуру, колонисты отказались платить налоги и попытались объявить Марс и его орбиту свободной от влияния Земли зоной. А потом началась война и правительство запретило использовать космодромы для гражданских целей. Колонисты взбунтовались и перестали оплачивать радиосвязь с Землей. Межпланетное сообщение оборвалось. Наступила тишина. Информационная блокада.

Мы примерно знаем, где живут колонисты, но нам запрещено вступать с ними в контакт, применять против них оружие и реквизировать их технику. Последнее допускается, но лишь в исключительных случаях и с разрешения МКК».

В те времена нами еще управлял Международный космический комитет. Позже Германия, Канада и все страны Южной Америки вышли из его состава, а США раскололись на два враждующих лагеря: сорок американских штатов, больше всех зарабатывающие на гуру-технологиях, ратовали за продолжение войны, десять — в основном Юг и Средний Запад — выступали за перемирие. Куба, получившая статус штата лишь несколькими годами ранее, заявила о своем нейтралитете.

Международный космический комитет переименовался в Международные космические вооруженные силы. Кое-где на нашем оборудовании еще стоит старый логотип. Большинство стран Северного полушария поддержало войну, в первых рядах — Индия и Китай, чья промышленность отчаянно нуждалась в гуру-технологиях. Сейчас две трети космодесантников — выходцы из Азии. Западная цивилизация урвала совсем крошечный кусок от пирога под названием Земля.

Космическая война идет уже тринадцатый год. В двадцать шесть я получил звание сержанта. Тайм-аут не засчитывается в срок службы. Только время, проведенное на Красной планете. Несправедливо, конечно, но нытьем делу не поможешь. Начальству видней.

Остатки нашего отряда — о судьбе других товарищей мы можем только догадываться — спасены фермерской женошкой, которая везет нас в таинственное место под названием восточная штольня. Как уже говорилось, я не совсем профан в геологии, но понятия не имею, что такое марсианская штольня и как она выглядит. Что ж, узнаю через пару минут.

Автобус останавливается на пыльном склоне из застывшей лавы. Тил хочет проехать как можно дальше, но багги одолевает не больше двухсот метров. Впереди возвышается странный бугристый холм — пятьдесят метров в высоту, около двухсот в ширину. Тил ставит автобус на ручник и присоединяется к нам.

Кислорода и воды в гермоскафах хватит на несколько часов. Мы выходим из шлюзовой камеры. Нашим глазам открывается величественное и загадочное зрелище. В тридцати метрах слева — на севере — холм из темно-коричневого, почти черного камня. Склоны гладкие, отполированные марсианскими ветрами. По форме напоминает голову пловца, наполовину опущенную в воду. Изогнутый каменный нарост похож на косматую бровь. Справа от головы, на юго-востоке, лежит каменная гряда, точно великан протянул вперед мускулистую руку и пытается сжать кулак. Полусомкнутые пальцы образуют небольшую каменную гавань. Похоже, гигант пытался вынырнуть из глубин Красной планеты и уже вытащил из лавы голову, шею и одно плечо. Хотел опереться на вытянутую руку, да силенок не хватило — застрял, да так и окаменел.

Тонуций великан. Твою ж мать! Впервые за несколько часов во мне шевельнулось любопытство. Какого черта фермерская женошка делает в этой богом забытой глуши? Отсюда рукой подать до театра боевых действий, да и до ЗОБ — зоны орбитальных бросков — тоже недалеко. А она тут совсем одна — не считая нас, разумеется.

Тил обходит автобус кругом, касается шлема Бойцового Петуха и озвучивает свои пожелания. Она сядет за руль, а мы будем толкать автобус. Наша цель — докатить его до изгиба великанской руки. Надеюсь, там нас ждет что-то поинтересней гигантской подмышки.

Я становлюсь возле заднего правого колеса. Слежу в оба, чтобы края железок не порвали мне перчатки или гермоскаф. Неудивительно, что багги так трясло — покрышки лысые как коленка. У маскианцев куда ни ткни — все потрепанное, отчаянное, выдавшее виды. А теперь песчаная вдова подобрала еще и *нас*.

Ко мне присоединяются Бойцовый Петух и Тек, и мы совещаемся, как докатить автобус до указанного дамой места. Пыхтим изо всех сил, но едва продвигаемся вперед. И все же через пятнадцать минут мы у цели. Тил ставит багги на ручник, вылезает из люка и скрывается в тени изогнутой великаньей руки. Я гляжу вслед маскианке, зачарованный ее пружинистой подпрыгивающей походкой. Настоящая принцесса Марса.

Солнце бьет прямо в глаза, и нам едва виден удаляющийся силуэт девушки. Через минуту или две Тил возвращается, вырастая из тени словно зеленый призрак. Надо подтолкнуть еще. Без проблем.

Плотно утоптаный песок и пыль образуют внутри каменной «гавани» нечто вроде пола. Когда мои глаза наконец привыкают к освещению, я замечаю, что холм напоминает грудную клетку великана (даже ребра видны), и в него вмурованы огромные металлические ворота — десять метров в ширину и девять в высоту. Рядом еще одни, поменьше. Скорее не ворота, а дверь. Большие ворота распахнуты, очевидно, маскианкой. За ними открывается черный зев пещеры. Сталь снаружи проржавела и сливается с бурым марсианским

ландшафтом — не разглядишь, пока не подойдешь вплотную. Каменистая стена вокруг покрыта толстым слоем запекшейся лавы, местами шершавой, местами блестящей как стекло. Такое чувство, что расплавленный поток стекал вниз по великаньей руке. Конструкцию поддерживают две шестигранных базальтовых колонны — в подмышке и в изгибе локтя.

Ви-Деф наклоняется к нам:

— Маскианцы вроде не едят мяса, так?

Вспомнил, наверное, какой-нибудь фильм про каннибализм в марсианских колониях.

— На твой тощий зад они точно не позарятся, — успокаивает его Казах.

Я слушаю вполуха. Великан годами боролся с лавой, ветром и водой — любой на его месте сдался бы, признал поражение, пошел ко дну. А этот упрямо пытается плыть.

Мишлен приходит на помощь, и вместе мы заталкиваем машину в тесную и темную шлюзовую камеру, такую узкую, что в ней едва помещаются автобус и несколько худосочных парней, пристроившихся по бокам. Мишлен сообщает, что генерал совсем плох, если не отвезти в больницу, протянет от силы пару часов.

— Он все рвется поговорить с Бойцовым Петухом. Не знаю, о чем. По-английски шпарит будь здоров, но то и дело теряет сознание.

Фермерская женушка протискивается к нам с фонариком в руке. Яркий луч освещает помещение, и я замечаю, что потолок очень низкий. Чудовищно низкий. Как Тил ухитрилась загнать сюда автобус? Спустя пару секунд я нахожу ответ — подвеска багги опущена практически до земли, так что машина едва не скребет днищем по лаве. Стены и потолок испещрены неровными бороздами, явно не природного происхождения. Я, разумеется, не эксперт, но похоже, что пещера создана людьми. Ее вырыли, взорвали или выплавили в камне с примесью металла, а базальтовые колонны оставили как естественную поддержку.

Тил открывает маленький люк в дальней стене, ныряет в него, и пару минут мы просто стоим и ждем. Потом внешние ворота закрываются. Тил возвращается и проверяет, надежно ли они запечатаны.

— В'здухонепроницаемые, — констатирует она. — Я открою внутренние в'рота, а вы т'лкайте. В'три п'паркуемся.

— Ты бывала здесь раньше? — спрашивает Тек.

— Нэ. Но знала про место.

— Так это и есть восточная штольня?

Тил смотрит мимо меня.

— К'да проедем внутрь, автоб'с 'свободить придется.

— Наш кореец не сможет идти сам.

— Так н'силки есть.

Она похлопывает по багажнику. Судя по его очертаниям, с местом для хранения в автобусе полный порядок. Мы с Тил вытаскиваем и раскладываем носилки.

— Тут н'клон. Т'лкать легче.

С этими словами наша юная спутница возвращается к шлюзу посередине автобуса, подтягивается на руках и, несмотря на тесноту, ловко протискивается внутрь.

Ворота отодвигаются в сторону, исчезая в камне. Я мысленно присвистываю от удивления. Тонкая работа! Гудок клаксона эхом отдается от стен пещеры — Тил напоминает, что надо толкать. Спустя пару минут мы закатываем автобус внутрь. Пол метра на три ниже, чем в переходном шлюзе. Закрываем за собой ворота. Большая полимерная

печать в круглой железной оправе выглядит вполне надежно, но воздуха в помещении по-прежнему нет.

Мы оказываемся в просторном — метров двадцать в поперечнике — темном зале с высоким потолком. Пещера, скорее всего, естественного происхождения, напоминает по форме половинку яйца. Но что могло оставить такое углубление в твердом, содержащем вкрапления металла, камне? Раскаленный газ? Пар? Пол усыпан пылью, песком и мелким мусором, который нанесло ветром еще до того, как ко входу пристроили шлюз. В полумраке мы различаем девять машин, припаркованных полукругом у северной стены. Все — сильно подержанные, выдавшие виды.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тил карабкается из люка вниз, длиннорукая, длинноногая, исполненная неземной грации. Оглядывается на нас — на меня — и подает знак идти за ней. Этот жест делает ее более близкой и человечной. Более женственной, что ли.

Командование не придет в восторг, узнав, что мы якшаемся с маскианцами. Строго говоря, устав не запрещает дружить с колонистами, но лишь потому, что никому не пришло в голову внести в него такой пункт.

Зато устав подробно описывает, как мы должны относиться к сестрам по оружию. Они — наши боевые товарищи, такие же космодесантники, как мы, не больше и не меньше. Правила установлены четко, и за их соблюдение отвечают обе стороны. Тек и Казах как-то преподали жестокий урок одному подонку, нарушившему сестринский кодекс. Капрал по имени Гровер Садбери зазвал к себе в гости космодесантницу, избил и изнасиловал ее. Я собирался поучаствовать в разборках, но Тек запретил: за мной уже числилась пара нарушений, и попадись я еще раз, меня уволили бы со службы с лишением всех прав и привилегий. Тек и Казах отделали ублюдка от всей души. Помню, как он ползал по полу, весь окровавленный, и скулил. Напоследок они с размаху вышвырнули его из комнаты — но по рассеянности забыли открыть дверь.

После этого капрал Садбери был не в состоянии держаться на ногах, не то что нести службу. Через месяц его погнали из космодесанта поганой метлой.

А потом капрал как сквозь землю провалился: никто не видел его с тех пор. Запомните хорошенько это имя: Гровер Садбери. В последние годы таких подонков развелось пруд пруди, но больше среди гражданских, чем среди военных.

Как большинство космодесантников, я люблю помечтать о сексе, но знаю, когда сказать себе «стоп». Сейчас мой контроль ослаб — я устал, мы скорее всего обречены на смерть, а песчаная вдова так экзотична — не похожа ни на одну из сестер по оружию, да и вообще ни на кого на свете. Почему бы не полюбоваться на нее?

Мы выносим генерала из автобуса на носилках. Он в сознании, но бредит и ежеминутно порывается поднять экран шлема. Ви-Деф приглядывает за ним. Я гляжу на свои запястья — материя на перчатках первой реагирует на появление воздуха. Пока давление в пещере не выше, чем на поверхности Марса.

Мишлен подходит к фермерской женушке.

— И все-таки, где мы? — он обводит рукой темные стены.

— Г'ворила же: штольня, — неохотно отвечает Тил.

Может, она жалеет, что привела нас сюда?

— В'сточная штольня.

— Понятно, но что это такое? — Мишлен окидывает нас взглядом в поисках

поддержки.

— Если на той стороне воздух имеется, здесь тоже будет. Вы тогда раз'ваетесь и г'лышом х'дите. Все кроме г'нерала. Обтряхнитесь. Мне внутри п'ска войны не н'до.

Какой еще «песок войны»? Кассеты из-под отработанной материи? Что маскианцы вообще про них знают?

Тил замолкает и открывает еще один люк, меньше, чем предыдущий, но очень толстый. Такая дверь должна охранять вход в святилище, не иначе.

За всю дорогу Бойцовый Петух не проронил ни слова, но сейчас они с Теком оживленно совещаются о чем-то, соприкасаясь шлемами. Надеюсь, Руст не собирается реквизировать всю технику, какая попадется на глаза, и раздавать приказы?

Мы пролезаем через люк и сбиваемся в кучу вокруг носилок. Меня охватывает благоговение, почти священный трепет. Такого я на Марсе еще не видел. Стены и потолок сделаны из темного камня, чертовски твердого на вид, а через каждые несколько метров в них поблескивают большие металлические кристаллы шириной с мою руку. Никель, скорее всего. Тут и там в камне видны борозды, выемки и другие оставленные людьми следы. Рудокоп, долбивший этот камень, наверное, проклял все на свете. Если пещеру вырыли колонисты, значит, на КЛУ серьезно недооценивают маскианцев.

Ви-Деф подходит ко мне, давась от смеха. Видно, придумал очередную остроту. Касается моего шлема:

— Стой, фремены, стой!

Я морщусь и отстраняюсь, и тогда он орет:

— Дункан Айдахо, ты что, не помнишь?

Ними и Мишлен не обращают на Ви-Дефа никакого внимания. Сомневаюсь, чтобы он читал «Дюну», наверное, цитирует одну из многочисленных экранизаций. На Марсе не бывает дождя. Снег иногда случается. Но дождь — никогда.

Материя вокруг запястий наконец-то идет рябью — давление повышается. Через миг у нас закладывает уши. Тил открывает люк на противоположной стене. Где-то вдали вспыхивает крошечный тусклый огонек.

— В'дать, батареи как надо р'ботают. Если не п'терю с'нание, п'вторяйте за мной, — говорит Тил и откидывает экран шлема.

Она не теряет сознания.

Рябь на запястьях усиливается. Давление поднимается до двух третей бар.

Тил распахивает люк, через который мы пришли, и в гараж врывается поток воздуха.

— Чего ждете?

Едва ветер стихает, Тил скидывает гермоскаф. Мы следуем ее примеру. Не проходит минуты, как мы уже раздеты. Непередаваемое облегчение! Никогда в жизни не полезу больше в этот чертов костюм. Термоскафы валяются на полу бесформенной кучей. От них воняет, но в остальном воздух чистый, даже свежий. Ни следа затхлости.

Впрочем, воздух заботит меня сейчас меньше всего. Фермерская женушка дефилирует перед нами в одних трусиках, и я не могу оторвать от нее глаз. Она невероятна. Умопомрачительна. Скажи мне кто-нибудь раньше, что женщина может быть такой долговязой, худощавой, с длинными паучьими руками и ногами, и при этом такой ослепительно красивой, я бы не поверил. Даже генерал пялится на Тил с перекошенной от боли ухмылкой и требует, чтобы мы сняли с него шлем.

Девушка, кажется, не замечает наших жадных взглядов, а может, не придает им

значения.

Мы не ее клан. Не маскианцы.

Зачем мы здесь? Что ей от нас нужно?

И что, черт возьми, это за место?

То что местный прописал

Теперь, когда в гараже есть воздух, можно спокойно пересчитать оставшиеся припасы. В свете крошечного фонарика, висящего под потолком как одинокая звезда, мы обыскиваем автобус — Тил называет его багги — и остальные машины. Поживиться нечем — их уже обчистили до нас.

Тил куда-то уходит и возвращается в поношенном темно-зеленом комбинезоне, вытертом на коленях и локтях. Одежда слишком коротка для маскианки и смотрится на ней довольно нелепо, но прикрыть наготу сойдет. Через руку девушки переброшена груда тряпья такого же цвета. Тил кидает его на пол. Я выбираю себе из кучи комбинезон и встряхиваю его. На пальцах остается зеленый след. Провожу рукой по полу — к ладони прилипли несколько песчинок и все та же зеленая пыль.

— Водоросли? — недоуменно спрашиваю я, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Диджей и Ви-Деф чешутся и беспрестанно поправляют свою одежду.

Тил стоит на коленях перед генералом и пытается напоить его водой.

— Г'ворить можете? — ласково спрашивает она.

На краткий миг сознание корейца проясняется, и он начинает бормотать на английском:

— Я должен им все рассказать. Мы искали так долго и наконец нашли...

Генерал откидывается назад и закрывает глаза. Тил хмурится, не в силах скрыть раздражения. Перехватывает мой взгляд и понимает, что прокололась. Ее лицо тут же смягчается.

Тек и Казах сидят на корточках позади генерала и наблюдают за нами. Бойцовый Петух поглядывает на Тил — видно, ждет удобного момента, чтобы предложить ей провести в пещере обстоятельную разведку. Ему не нравится блуждать впотьмах. Как и нам.

Фермерская женушка пытается определить, кто из нас главный, и останавливается на Теке. Ну разумеется. В увольнении, где бы мы ни побывали, от Такомы до Тенерифе, Тек всегда притягивал к себе женские взгляды точно магнит.

Исполненный собственного достоинства, Тек кивает в сторону Бойцового Петуха.

— Меня Тил з'вут. Сокращение 'т Тилулла Макензи из З'леного лагеря.

Бойцовый Петух представляется как подполковник Гарольд Руст. Вслед за ним мы все — за исключением корейского генерала — называем свои настоящие имена и звания. Квак снова теряет сознание, и Тек дает ему очередную дозу морфина. Тил просит не перебарщивать с болеутоляющими. Интересно, насколько искренне? Со смертью корейца у нее стало бы одной проблемой меньше.

— У нас беда б'шая, — начинает Тил.

Мы садимся в кружок, точно школьники в летнем лагере, и ловим каждое ее слово. Судя по поведению Тил, она считает, что мы немногим разумнее стаи бродячих собак. Зачем тогда она вообще взялась за объяснения? Может, просто от скуки?

— Мы от беды б'жали, но теперь она к нам на порог п'шла. Беда п'шла в Третий город. В З'лений лагерь.

— У вас тут несколько городов? — переспрашивает Бойцовый Петух. — Я думал, только один.

Тил продолжает рассказ, не удостоив его ответом. Ее взгляд устремлен куда-то мимо

нас, во тьму пещеры.

— Я здесь, чтоб п'реждать времена лихие.

— Лихие времена! — подхватывает генерал.

Как ни странно, кореец заметно взбодрился после морфина. Может, все это время он терял сознание от боли?

— В'дать, битва грядет? — спрашивает Тил у Бойцового Петуха.

— Мы отстали от нашей части после неудачного броска. Ждем перегруппировки, — объясняет Руст.

— Так вас больше б'ло? — она медленно кивает. — Ско'ко?

Бойцовый Петух кривит губы и не отвечает ничего.

— Я видела их, — говорит Тил, — когда на юго-восток ех'ла... мимо к'раблей сломанных, и багги и п'латок. Трупы в'де на равнине. Сотни трупов.

— Человеческие? — спрашивает Бойцовый Петух.

— Ск'зать трудно, — она разводит руками. — На скор'сти ех'ла. Сп'шила.

Генерал рывком садится на полу. В глазах лихорадочный блеск.

— Я знал! Искал! Все случилось так давно... Большое столкновение! Ледяной спутник... Ядро из железа и камня... От удара все раскалилось, но лед проник глубоко. Вода и пар улетучились... Гигантская впадина! А осколки не перемешались.

Тил смотрит на корейца с опаской, будто на ядовитую змею. Бережно укладывает его на спину и переводит разговор на другую тему.

— Что стряслось здесь? Расскажи ско'ко можешь, — говорит она Бойцовому Петуху.

— Масштабная операция. Солдаты, техника, разведывательные группы.

— Роб'ты?

Он качает головой.

— П'чему не роб'ты? П'чему люди ж'вые? Иные ведь такие умные! Разве они не с дальних звезд п'летели?

Справедливый вопрос. Наверное, потому же, почему футбол роботов не прижился. Настоящие кости — настоящие переломы.

— Робот не может заменить космодесантника, — отвечает Бойцовый Петух.

— А вы д'кажите обратное, и сп'сете жизни свои, — презрительно фыркает Тил.

— А как же удовольствие? Вся наша жизнь в том, чтобы воевать здесь, — возражает Мишлен.

— Мертвы б'дете, д'мой 'ж не в'нетесь. — «Мертвы будете, домой уж не вернетесь».

Кто бы спорил.

Она снова склоняется над генералом и щупает пульс у него на шее. Сквозь прорехи в комбинезоне видны ее голые колени. Волшебное зрелище.

— П'ка здесь остаемся. П'смотрим, как долго пр'длится.

Глаза генерала вспыхивают.

— Впереди суровая битва!

Лицо Бойцового Петуха — застывшая каменная маска, но готов поспорить, он лихорадочно соображает, какую информацию можно разглашать гражданским лицам, а какую нет, и стоит ли реквизировать припасы и автобус маскианки, а заодно и все содержимое пещеры.

Тек прерывает размышления Руста. Может, он и не имеет права раскрывать Тил все, но какая, на хрен, разница? В конце концов, маскианка спасла наши жизни.

— Мы не успели получить тактические установки. Картина до сих пор неясна.

Бойцовый Петух поворачивается к Теку и хмурит брови.

— Мы почти ничего не знаем.

— Я знаю, — слабо отзывается корейский генерал, — и могу рассказать, но только чтобы *она* не слушала.

Тил без единого слова встает и исчезает в темноте. Уходит в ту же сторону, откуда принесла одежду.

— З'вите м'ня, как б'седовать окончите.

Пару секунд мы сидим молча. Без привычных костюмов мы чувствуем себя раздетыми. Воздух в пещере прохладный и, как ни странно, свежий. Дышится легко. Еще одна маленькая деталь в гигантской головоломке.

Бойцовый Петух переводит взгляд с генерала на нас.

— Слушайте внимательно.

Руст склоняется над корейцем и говорит ему прямо в ухо, чеканя каждое слово:

— Тут нет посторонних, сэр. Расскажите нам все.

Квак вертит головой, обводит взглядом сидящих в кружок бойцов и припаркованный неподалеку автобус, потом откидывается на спину и смотрит вверх, на каменный потолок.

— Это место — убежище, укрытие. Чтобы спрятаться, — бормочет он.

Волна боли проходит по его телу.

— Возможно, — соглашается Бойцовый Петух.

— Но не только, — глаза генерала шарят по пещере в поисках облегчения.

Бойцовый Петух знаком приказывает дать корейцу еще полдозы морфина. Тек повинуется.

— Каков был план, сэр?

— План разработали год назад, — у генерала наворачиваются слезы на глаза. — Нарастить силы. Построить форты, проложить туннели. Добиться полного контроля над местностью и выстроить цепочки коммуникаций — ресурсы, фонтаны, склады. Масштабная высадка солдат, ракетные удары. Операцию спонсировали Россия и Китай, но и *моих* солдат было много. Нам докладывали о незначительном присутствии врага на орбите. Но все пошло наперекосяк. Сначала прилетели русские, потом мы. На орбите нас встретили полчища антагов. Мы дали им бой, но шансов не было. Все корабли уничтожены. Нас разбили наголову. Мы ведь ничего не знали!

Кореец пристыженно отводит глаза. Но ему не в чем себя винить.

— Когда это случилось, мы были уже в пути, — объясняет Бойцовый Петух. — Резервные силы на непредвиденный случай. Или подкрепление перед большим ударом. Так, по крайней мере, планировалось.

— Могли бы и предупредить, — ворчит Казах.

— Враг атаковал нас ракетами земля-орбита. Уничтожил все спутники — кроме одного, — Бойцовый Петух замолкает и чуть погодя резюмирует, — да, так оно и было.

— Мы лишились припасов и оружия. А куда мы без них? — подводит итог генерал.

Судя по всему, это конец истории. Квак прав — мы беспомощны и вынуждены полагаться на гостеприимство приютившей нас фермерской женушки.

Мы с Мишленом и Теком возвращаемся к остальным. Бойцовый Петух остается с генералом в надежде выудить у него еще какую-нибудь информацию.

— Славные ребята эти маскианцы! — говорит Диджей. — Одно плохо — хрен

разберешь, что лопочут.

— Так сколько лет прошло. Скажи спасибо, что мы их вообще понимаем, — возражаю я.

Мои мысли возвращаются к Тил. Я фантазирую, каково было бы наплевать на приказы, уйти в самоволку и жить бок о бок с маскианцами. Если вдуматься, именно так мы сейчас и поступаем, пусть и непреднамеренно. Наш отряд отрезан от командования, чьи указания теперь выполнять?

— Куда нас, черт возьми, занесло? — спрашивает Казах.

— Странно, что тут до сих пор есть воздух, вода и электричество, — замечает Тек. — Кто знает, сколько лет пустовала эта пещера.

— И пустовала ли вообще? — Ви-Деф озирается по сторонам. — Может, тут как в Копях Мории — орки на каждом шагу.

Ви-Деф растопыривает руки и изображает крадущихся приспешников Саурана.

— Шел бы ты на хрен, — огрызается Диджей.

Тек потягивает шею и начинает разминаться, принимая разные асаны из йоги. Я следую его примеру.

— Она не слишком-то откровенничает с нами.

Тек изображает «собаку мордой вниз».

— Можно подумать, на ее месте ты выложил бы все как на духу, — отвечает Диджей. — Меня волнует другое: как она оказалась в Красной пустыне совсем одна?

Он хмурится, выражая то ли недоверие, то ли скептицизм.

Нас догоняют Бойцовый Петух и Мишлен.

— Генерал без сознания. Мы сняли с него гермоскаф. Гангрена. Нужна операция.

— Желаю удачи, — хмыкает Казах.

— Прежде чем вырубиться, он лепетал по-корейски и по-английски... что-то про осколки марсианских спутников и оседающий грунт, — Бойцовый Петух пожимает плечами. — Не удивлюсь, если командование догадывалось о существовании этого места.

— Хотите сказать, они искали пещеру? — Зловещее предчувствие мурашками растекается по коже.

— Мы не знаем, какие приказы получили космодесантники «первой волны». Из генерала много не вытянешь.

— Тил была сильно встревожена его рассказом, — замечаю я.

Бойцовый Петух переводит взгляд между мной и Теком и останавливается на мне.

— А ты, значит, на нее пялился.

— Простите, сэр.

— Не извиняйся. Ей это приятно.

— Глупости, сэр. Она положила глаз на Тека.

— Меня не проведешь, — возражает Бойцовый Петух. — Отправляйся за Тил и разузнай все как следует. Чем можно поживиться в этой пещере, и сколько мы можем здесь оставаться. Сколько нам *придется* здесь оставаться. Есть ли тут кто-то кроме нас. Если в этой пещере залегают полезные ископаемые, антагам о ней наверняка известно.

— А нашему командованию? — интересуется Тек.

— У ангелов спрашивать бесполезно. Они располагают только теми данными, которые могут пригодиться в бою. Гравиметрия Марса явно не входит в список. А пещера, по всему виду, очень старая. У антагов было время ее обнаружить. — Руст машет рукой, отмечая все

возражения.

— Чего застыл, иди.

Но я стою как вкопанный. Раздаются смешки. Машинально сую руку в карман. К моему удивлению, пальцы натываются на какой-то плоский и холодный предмет, и я достаю из комбинезона металлический жетон размером с двадцатипятицентовик. Подношу его к свету. Монета похожа на серебро, но блестит ярче, одна сторона гладкая, а на другой выгравированы по кругу цифры и буквы.

— Твою ж мать! — присвистывает Ними и требовательно протягивает руку.

Я передаю ему жетон. Его отец держит магазинчик в Детройте, торгует старинными монетами. Ними подносит мою находку к глазам, скребет ногтем, обнюхивает.

— Платина, — уверенно заявляет он и пускает жетон по кругу.

Те, у кого еще хватает сил удивляться, вертят монету в руках. Казах рассматривает жетон последним и возвращает его мне.

— В этой пещере добывают платину? — поражается Бойцовый Петух.

Вопрос остается без ответа. Я сую монету обратно в карман и отправляюсь на поиски Тил.

Темноту в гараже рассеивают несколько крошечных ламп, висящих под потолком точно звездочки. Такое чувство, что они изливают свой тусклый свет уже много лет кряду.

Пол в туннеле и все предметы вокруг покрыты влажной зеленой пылью, на которой отчетливо видны следы Тил. Я шагаю по коридору и через пару минут упираюсь в перекресток — туннель разветвляется, теперь он идет не только прямо, но и вправо, влево, вверх и... о черт, вниз!

Глубоко вниз. Я отскакиваю от пропасти и прилипаю к стене. Сердце колотится о ребра. Еще шаг — и свалился бы в шахту.

Может, Тил хочет угробить нас? Не такая уж безумная мысль, учитывая обстоятельства нашей встречи. Ей могли внушить, что космодесантники специально вынюхивают секреты маскианцев. Вот она и решила подобрать нас в Красной пустыне, притвориться, будто спасает, и отвезти в то самое тайное место, которое мы ищем... а потом столкнуть в пропасть.

Я уже раз чуть не погиб в руднике. На сборах в Хоторне я поскользнулся на щебне, Джо вытащил меня в последний момент. Помню, как осыпались и плюхались в воду камни из-под моих ботинок.

Ширина пропасти около четырех метров. Я осторожно обхожу ее по периметру и пытаюсь разглядеть на противоположной стороне отпечатки ног Тил, но пол как назло чист — ни пыли, ни следов. Издали доносится слабое эхо. Похоже на отголоски чьего-то дыхания. Надеюсь, это Тил.

Стены туннеля испещрены желобами. Судя по всему, рывшие туннель машины оставляли эти выемки для своих последователей — может, для равновесия, а может, чтобы указать дорогу. Не исключено, что это оборудование до сих пор запрятано в штольне. Я представляю, как передвижной объемный принтер-депозитор и грузовик с «чернилами» для заправки кочуют с места на место и штампуют все необходимое для рудокопов.

Прохожу еще тридцать метров. Сбоку раздается голос Тил, а спустя миг она выныривает из узкого прохода. Маскианка распрямляется во весь рост и смотрит на меня сверху вниз.

— Другие идут вослед?

— Нет.

— Т'лько ты?

— Только я.

Я протягиваю Тил монету.

— Вот, нашел в кармане. Ты не знаешь, для чего она нужна?

Она равнодушно скользит взглядом по хитросплетению букв и цифр и передергивает плечами.

— См'тритель. Его, д'лжно быть, добро.

— Хочешь сказать, кого-то оставили здесь смотрителем?

— М'жет, и так.

Тил идет вперед по туннелю, я следом. Девушка смотрит по сторонам, точно пытается что-то отыскать.

— Мы тебя, наверное, уже спрашивали, но все-таки... Ты бывала тут раньше?

— Нэ.

— Тогда откуда знаешь, куда идти и что делать?

— Отец сказ'вал.

— Значит, *он* бывал здесь?

— Довольно в'просов.

— Мы, разумеется, и так тебе очень признательны.

— З'чем они п'слали тебя? — Тил указывает в направлении, где остались мои товарищи.

— Они обеспокоены.

— Они д'мают, ты мне по нраву?

Мы молча идем дальше. Через десять или двенадцать шагов Тил делает короткий вдох и говорит:

— Ваши с'лдаты не рушили, не ломали. Не досаждали 'ам. Подлинно не знаю, но д'маю так. Фламарион лжет немало.

Я уже слышал о Фламарионе — это французский астроном, живший несколько столетий назад. Его именем зовутся кратеры на Луне и на Марсе. На Красной планете много мест, названных в честь мертвых ученых. Но я не имею ни малейшего понятия, кто такой его однофамилец, чем он насолил моей маскианской подруге и что он наговорил о нас.

Еще несколько шагов в молчании. Потом Тил продолжает рассказ:

— В лихое время сбежала я из лагеря. Много бед на меня обр'шилось. Элли Пекуа моего н'реченного украли... И форы... они женщину для третьего поколения торг'вали, а Айдел Гаргарел на меня ук'зал.

— В смысле — для третьего поколения? Они хотели, чтобы ты родила им детей?

Я никогда не слышал о форах, но похоже, это еще один клан марсианских поселенцев. Колонисты, покупающие себе женщин. Милейшие, наверное, люди.

Тусклый свет отдаленных звезд-лампочек падает на лицо девушки, и в их голубоватом мерцании она кажется растерянной, замкнутой и очень несчастной. Я охотно придушил бы Айдела Гаргарела и Элли-как-ее-там за все страдания, которые они причинили Тил.

— И тогда я багги украли и в п'стыню уехала. Тех, кто машины крадет, у нас не пр'щают. Ср'зу казнь смертная. Не одним вам на Марсе тяжело пр'ходится. Так вот: не я пр'шла вас спасать. Вы меня спасать станете.

Будущее не наших отцов

Я сижу в кресле с подставкой для ног, наблюдаю, как снаружи занимается серый рассвет, и нервно барабаню пальцами по коленям. Нащупываю в кармане платиновую монету. Встаю пописать и на обратном пути заглядываю в кухню. Холодильник ломится от продуктов, но, похоже, все протухли. Пожалуй, не рискну их есть. Надо было купить впрок свежих овощей, но я об этом как-то не подумал. Разучился планировать наперед.

За пределами своей раковины я просто ходячий призрак.

Наливаю стакан воды из-под крана. «П'ра бы встать да наружу п'йти», — раздается у меня в голове голос Тил.

Мне действительно не мешало бы прошвырнуться по городу, поправить свой сбитый компас. Насладиться вновь обретенной свободой. Погулять — с друзьями либо в одиночку. Только вот не хочется ни капельки. На меня обрушилось море информации, и я не знаю, как быть с этими тайнами. Нельзя делиться ими ни с кем — слишком опасно. Я помню совет Джо остерегаться СНЗВ. Может, мне не следовало даже *появляться здесь*.

Днем, когда солнечный свет отражается от серо-голубых стен квартиры, я тону в неразберихе мыслей, захлебываюсь жалостью к себе, но после заката сгущается непроглядная тьма и становится еще хуже. Меня терзают воспоминания — сбивчивые, бессвязные, одно дерьмовей другого.

С тех пор, как я завладел монетой, произошла целая куча событий — удивительных, и радостных, и ужасных, но история Тил все не отпускает меня, я снова и снова возвращаюсь мыслями именно к ней — юной девушке, бегущей от несправедливости. Девушке, которую мы не смогли спасти ни от этого древнего и таинственного места, *восточной штольни*, ни от жестоких соплеменников, творящих порой такую хрень, что их предшественники-идеалисты в гробу вертятся.

Иногда я поражаюсь, сколько же в нас, людях, дерьма.

Космодесантников должны интересовать только сражения, вмешиваться в другие дела нам запрещено. Нельзя вкладывать деньги в войну и во все, что с ней связано. Нельзя вылезать из раковины. Я вернулся на Землю всего двое суток назад, ночью поспал урывками, а день провожу в полном одиночестве — сижу у окна, обмотанный влажными полотенцами, и жду, когда остатки космолина покинут мой организм вместе с потом. Глазею на торговые корабли, грузовики и снующие туда-сюда прогулочные катера. Наблюдаю, как бьется пульс экономики, подгоняемый изобретениями гуру. Смотрю на весь этот необъятный, шумный, звезданутый мир...

И слушаю отзвуки голоса Тил. Мне вспоминается ее акцент, и как забавно она порой строила фразы. Ее слова, сказанные незадолго до того, как она окончательно предала свой народ и открыла нам, кучке заплутавших космодесантников, дверь в марсианскую сокровищницу.

«Вы меня спасти станете».

Плевать на все: на войну за Марс и на наше возможное поражение. Я слышу голос Тил и верю, что она жива, и когда-нибудь я увижу ее снова. Я *отказываюсь* верить в обратное. И пусть сейчас у меня не больше сил долететь до Марса, чем у кружащих за окном чаек, я знаю, что вернусь и найду ее.

Значит, еще один бросок на Красную планету. Хотя я и клялся, что ноги моей больше не

будет на Марсе. Хотя Джо и начнет меня отговаривать.

Но я дал еще одну клятву — пообещал Тил, что передам платиновую монету.

Просто пока я не знаю, кому.

Я задаюсь вопросом, откуда в пещере берется воздух. Ответ скрывается в паре сотен метров от нас, в уходящем вниз туннеле с многочисленными ответвлениями. Большинство боковых проходов темные, лампочки-звезды не освещают их. Туда мы не идем.

Тил почти переходит на бег, и я с трудом поспеваю за ней. Она ловко отталкивается от пола и потолка, пользуясь тем, что притяжение Марса меньше земного. Я понятия не имею, как маскианцы воспитывают дочерей, но судя по всему, девочки тренируются похлеще древних спартанцев. Может, важные шишки из Зеленого лагеря мечтают вырастить из них олимпийских гимнасток. Тил явно могла бы претендовать на медаль.

Мне искренне жаль Тил, и одновременно я заинтригован ее историей: не то трагедия юной девушки, сражающейся с патриархальным обществом, не то история о борьбе с лицемерием и ханжеством — вроде той, что описана в «Алой букве»^[12]. Хрен разберешься.

Тил резко тормозит возле края шахты. Я едва не врезаюсь в нее. Маскианка предостерегающе вскидывает руки и одаривает меня раздраженным взглядом. Я что, настолько неуклюжий?

Внизу, за каменистым обрывом — необъятная черная тьма, из которой поднимаются клубы горячего пара. Свежие. Влажные. Наэлектризованные. Эхо доносит хлопанье лопающихся внизу пузырей. Прежде я не видел на Марсе ничего подобного. В первый раз я чувствую — чую — живую планету, а не запыленную скорлупу окаменевшего яйца.

Тил отходит от края шахты на пару шагов.

— Это место Чертовой норой пр'звали. Но я не знала, что так близко оно.

— Горячее подземное озеро. Чистое. Свежее. И серой не пахнет.

— Была в нем сера. Отец г'ворил — д'рной воздух, нельзя без маски социальной. Селитра и посейчас осталась.

Тил показывает на сетку из белых кристаллов, покрывающих черные каменные своды.

— Первая к'манда задохнулась. Д'рной воздух заполз к ним в к'стюмы. Вторая к'манда надела к'стюмы получше и в озеро оксифор засыпала. Буру и поташ с р'внинных ферм привезли. Окисленную пыль и отходы руды вниз скин'ли. Оксифор все в жизнь, в еду превр'щает. В воздух.

Оксифор... Зеленая пыль?

— Третья к'манда еще больше гаражей выр'ла и принтеры принесла. М'шины и взрывчатку себе сдел'ли, еще глубже заб'рались. Чересчур глуб'ко — но лишь п'том это пон'ли. Пробили каменный барьер, и хобо на своб'ду вырвался. Ж'вой. Быстротечный. Все под воду ушло. Тебе знак'мо слово «хобо», мастер-сержант Венн?

— Знакомо. Но думаю, вы вкладываете в него какой-то другой смысл.

— Гесперийская эра^[13]. Проходил геологию в шк'ле?

Я понимаю ее с полуслова.

— Солдат должен как следует изучить поле боя.

— Хобо раньше по-др'гому г'ворилось. Ххобо. Это озеро п'дземное, древнее. Или река, что внизу по к'мням и по жерлам вулк'на плещется. Ищет путь — б'жать вольно и на п'верхность пр'биться. А как наверх выбьется, з'мерзает. В'сыхает. Исп'рывается. Но внизу глуб'ко по-прежнему т'чет-плещется. Сколько пл'тин не строй, хобо пробьет их, затопит все. Так много воды нам без надобности, мы с мягких земель п'лучаем доста'чно. Рудокопы

п'тались воду откачать и р'боту продолжить. Ок'залось, труды н'прасные.

Отец из пятой к'манды был. П'следний ух'дил. П'ставил датчики — чтобы узнать, когда вода сп'дет и хобо в др'гую сторону течь станет. Х'тели вернуться п'отом и дальше иск'паемые добывать: железо, никель, платину, иридий, алюминий. Б'льшие залежи. Воды, конечно, чрезмерно, для марсиан даже. Имей мы все это, больше г'родов построили бы. Много больше. Хотели рожать больше детей, назвать больше п'реселенцев. Ни то ни др'гое не сбылось со временем.

— Потому что началась война.

— Не поэт'му! Первые беды пр'шли к нам еще до моего р'ждения.

— Какие беды?

— Иди за мной.

Мы сворачиваем в узкий боковой туннель. Тут немного светлее — стены отражают мерцание звездных лампочек. Я кладу руку на металлическую стену, испещренную асимметричными кристаллическими узорами. Под толщей пыли ладонь чувствует тепло.

И тут до меня доходит. Днем, в солнечную погоду, марсианская грязь прогревается на пару сантиметров, но стоит запустить пальцы глубже, чувствуешь холод. Сейчас мы глубоко в недрах Марса, но вопреки логике стены теплые и приятные на ощупь. Должно быть, под штольней находится магматическая камера, сохранившаяся с той поры, когда Марс был еще совсем юным.

Поразительное место. Невозможно переоценить его стратегическую важность. Как получилось, что землянам ничего не известно об этой сокровищнице? И антагам, раз уж на то пошло, тоже?

Но если Бойцовый Петух правильно понял генерала, командование знает о штольне. Кто-то случайно нашел ее и доложил командованию, а те решили разведать, что к чему.

Подтвердить аномалию.

Очевидно, начальство рассудило, что за пещеру стоит сражаться. Местных ресурсов и воды хватит нескольким дивизиям на десятилетия. Сотни бросков, сотни подъемов. Фонтаны уже не нужны.

А антаги по-прежнему сбрасывают кометы.

И никто не рассказал про штольню *нам*.

У меня сейчас мозг взорвется.

Тил приводит нас к вертикальной квадратной шахте, примерно три метра шириной. Металлические скобы-ступеньки уходят вверх, в темноту. В десяти-пятнадцати метрах над нами нависает платформа.

— П'лезешь со мной? Одна не х'чу идти.

— А что там?

— Отец сказ'вал, пл'щадка смотровая. В камне, на самой верш'не выд'лблена. На запад п'вернута.

— А воздух там есть?

Вместо ответа — презрительный взгляд. Тил карабкается по скобам. На полпути вверх действительно находится платформа. Я не слишком хорошо ориентируюсь в недрах Марса, но предполагаю, что мы поднимаемся по «голове» тонущего великана, возвышающейся над воротами, через которые наш отряд вошел в штольню. Металл сменяется темно-багровым камнем с черными прожилками. Платформа усыпана зеленой пылью и скрипит под нашей тяжестью. На камне заметны ржавые потеки — следы отступившей воды.

Когда наводнение спало? Несколько дней назад? Несколько недель? Кто знает, что путь в штольню снова открыт? Сколько они будут выжидать, прежде чем вернуться, проникнут в пещеру, найдут нас?

Селитра. Сера. Объемные принтеры. Все под рукой. Изготовить оружие или взрывчатку проще простого.

Карабкаемся дальше. Через металлический люк пролезаем в тесную кабину. С трех сторон каменные стены, с четвертой — железные ставни. Чертовски холодно. Обогреватели, встроенные в стены чуть выше пола, не работают. У меня зуб на зуб не попадает. Нам не продержаться здесь долго. Тил дрожит. Скорчилась в три погибели — низкий потолок не дает выпрямиться в полный рост.

— Мне сказ'вали, смотровую пл'щадку для защиты сдел'ли. Чтоб из другого лагеря к нам не сун'лись.

Где люди, там и конкуренция. Грызня за место под солнцем — вот что удастся нам лучше всего.

Тил вертит пластмассовую рукоятку.

— Может, лучше эрмоскафы н'деть. Не знаю, как там...

Стальной занавес со скрипом раздвигается. Перед нами толстый плексигласовый экран, защищенный металлическими шторами с обеих сторон, но все равно занесенный полупрозрачным слоем песка. Тил снова крутит ручку. Внешние ставни поднимаются. Мы видим вход в северный гараж, каменистую равнину за ним и уже набившее оскомину бурое пятно на северо-западе. Чертовски странно. Если это песчаный дьявол, он должен был исчезнуть после удара кометы.

Я показываю облако Тил.

— Маячит там с момента нашего приземления. Что это может быть? Есть догадки?

Маскианка качает головой.

В метре над экраном свисает каменный уступ, заслоня часть неба и все, что находится к югу и востоку от нас.

Тил откручивает крышку люка у нас над головами. Мои пальцы вконец онемели. Лица я и вовсе не чувствую.

— Шесть'сят и три, — бормочет Тил, отодвигая крышку и вытаскивая из люка блестящий стальной перископ.

Она едва касается его металлических частей — боится отморозить пальцы.

— Точно так он сказ'вал.

— Кто «он»?

— Отец. См'три шустрее. Не можем долго здесь ост'ваться, пока пульт упр'вления не разыщем и эл'ктричество не п'стим.

Я придвигаюсь к мутному, почти непрозрачному окуляру. Выпуклый «рыбий глаз» демонстрирует мне окрестности.

Чувствую себя моряком на субмарине! С одной лишь разницей — надо мной не вода, а песок.

Ничего... Снова ничего...

Но тут, в очередной раз обводя взглядом равнину, я замечаю столб пыли с юго-восточной стороны: к штольне приближаются три автомобиля. Не антаги, но и не космодесантники.

Багги, такие же, как у Тил.

— К нам едут маскианцы.

Тил кидает на меня гневный взгляд — она явно не в восторге от этого прозвища — и отбирает перископ. Осматривает горизонт несколько раз, неизменно останавливаясь на юго-восточном направлении.

— Они из лагеря форов, — заключает Тил.

— Это еще кто такие?

— Форы. Фортрекеры^[14]. Не знаешь нич'го про нас!

Девушка водворяет перископ на место, закрывает ставни и направляется к лестнице, бормоча под нос: «Найти, как эл'ктричество п'скается!»

Здесь я с ней целиком согласен. Тил спускается, я следом. Замерзшие пальцы не слушаются, и я с трудом цепляюсь за скобы. Если разыщем пульт управления и рубильник, то скорее всего найдем и склад, где рудокопы держали лекарства, гермоскотч и еду. С этими припасами мы сможем продержаться до подкрепления, которое наверняка уже в пути. Мы ведь — часть большой операции, не так ли?

И быть может, нам посчастливилось найти то, за чем начальство уже давно охотится.

Патриоты и пионеры

Тил скрывается в туннеле, ведущем на восток. Я едва успеваю заметить, в какую сторону она убежала. Мне следовало бы вернуться к товарищам и сообщить им новости — за подозрительным и старомодным словом «фортреккеры» едва ли скрывается что-то хорошее! — но я в замешательстве. Понятия не имею, какие беды нас поджидают и что рассказать Бойцовому Петуху, и Теку, и генералу, если мы его еще не потеряли. Что если багги везут рудокопов, которые узнали, что наводнение закончилось, и возвращаются в шахту? Может, они даже обрадуются нам — лишняя пара рук всегда пригодится. Верится с трудом. И где гарантия, что Тил не врет?

Сомневаюсь, что нашим ангелам по силам ответить на эти вопросы. Они редко бывают осведомлены в делах, не касающихся непосредственно боевых действий, и почти ничего не знают о переселенцах.

Почему так? Не глупо ли это?

Огни лампочек-звезд все тускнеют. Наверное, садятся батарейки.

Туннель ведет к еще одному гаражу, на этот раз пустому. Зеленая пыль устилает все вокруг толстым слоем, а на полу поблескивают лужи. Тил подходит к воротам в противоположной от нас стене и проверяет замок. Ощупывает печать своими длинными пальцами, прижимается лицом к дверям — проверяет, нет ли утечки воздуха.

В гараже не так холодно, как на смотровой площадке. Терпеть можно.

Тил оглядывается на меня:

— Замок н'дежный. Ворота з'печатаны. Отец сказ'вал, в штольню только два входа есть, северный и южный. Когда форы в штольню в'шли, лишние двери з'делали, хотели малыми силами об'роняться.

— Форы знают, что мы здесь?

— Знают, что я здесь.

— Откуда?

Она мотает головой и направляется к застекленной будке, вмонтированной в стену сверху и справа от нас. Там, по всей видимости, находится рубильник. Тил взбирается по лестнице и пытается открыть будку.

Я смотрю на нее снизу вверх.

— Что будет, если они войдут внутрь?

— Как найдут нас, меня обратно от'шлют. А вас п'ребьют всех.

— Пусть попробуют! — фыркаю я.

— У них ружья имеются.

Тил изо всех сил дергает дверь, но та не поддается. Заварена, как и западные ворота. Девушка спускается, озираясь по сторонам, словно олень в поисках тростника.

— Скажи мне правду, — настаиваю я. — Зачем ты приехала сюда? И почему не веришь, что багги везут рудокопов обратно в шахту?

— Они вернуться не п'смеют, — мотает головой Тил.

— Почему? Вода-то ушла...

— Пот'му что *боятся* немало! — кричит девушка. — Думаешь, это шахта об'кновенная? Не знаешь нич'гошеньки!

— Кого им бояться? Нас?

— Нэ!

— Да что, черт возьми, происходит? — Я едва не срываюсь на визг.

Я пытаюсь заглянуть ей в глаза. Едва нога маскианки касается пола, я делаю шаг навстречу, но Тил гневно вскидывает руку и дает мне пощечину. Нет такого космодесантника, который позволил бы безнаказанно отвешивать ему оплеухи. Я машинально замахиваюсь на нее в ответ. Лицо Тил искажается, словно от боли, и из ее груди вырывается пронзительный крик.

Нашу ярость словно рукой снимает. Мы стоим посреди гаража, уставившись друг на друга, тяжело дыша.

— Найти его н'до. *Во что бы то ни стало!* — всхлипывает Тил.

Ее голос эхом отражается от стен — глухой, потерянный, надломленный. Она падает на одно колено, словно готовясь к молитве, и опускает голову.

— Не из-за хобо пятая к'манда ушла. Мне отец не все сказ'вал. Г'ворил идти сюда, когда нич'го др'того не останется. Лучше шгольня, чем З'лений лагерь, если тебя в пески пр'гнать возн'мерились. Но отец сказ'вал, не брать никого, одной идти.

Вот так новости!

— И все-таки ты спасла нас, — мягко напоминаю я, пытаюсь загладить ссору. — Ты же сама сказала, что рассчитываешь на нашу помощь. Ведь больше тебе подмоги ждать не от кого... так?

Она трясет головой.

— Не знаю, зачем под'брала вас. Вы не мой народ. Не друзья мне.

— Но мы *люди*, черт возьми! И воюем с антагами ради общего блага.

— Не ради *нашего*, — спокойно возражает Тил. — Нам не нужно, чтоб вы здесь ок'лачивались. И им тоже.

— Им — это форам?

К Тил возвращается ее привычная уверенность. Маскианка вытирает щеку тыльной стороной ладони и часто-часто моргает, чтобы высушить слезы. Потом принимает решение.

— Извини. Не могу так сразу все выл'жить.

— Понимаю.

— Найдем р'бильник и эл'ктричество п'стим, прежде ч'м форы к южным в'ротам проб'рутся. З'рем их, так форы снар'жи ост'нутя.

Я с трудом понимаю Тил. Каждый произнесенный ею звук заменяет целую страницу в словаре.

— Мы еще не проверили восточные ворота.

— Нэ врем'ни. Да и зап'рты они.

— Мы солдаты. Нам положено осмотреть все входы и выходы и в случае необходимости выставить караул.

— К'ждый багги двадцать форов в'зет. Шесть'сят, если в сложн'сти. А вас?..

Она растопыривает пятерню и добавляет еще три пальца. Угрюмо косится на меня.

— Допустим. Но они всего лишь переселенцы, им даже оружие взять негде.

Тил едва не испепеляет меня взглядом. Похоже, я сморозил глупость.

— Они ружья в п'сках н'шли. Не ваши ли?

— Форы не умеют обращаться с нашим оружием. У них нет ни кодов активации, ни зарядников. Они не космодесантники.

Тил избегает моего взгляда. Я вижу, что она хочет довериться мне, но это непросто.

Между нами годы вражды и непонимания. С чего маскианцам любить землян? Мы оттолкнули их, отгородились стеной, развязали межпланетную войну. Но постепенно ее лицо смягчается. Решение принято, и обратной дороги нет. Тил собирается с мыслями и корчит недовольную гримаску — если она хочет, чтобы я все понял, придется говорить медленно.

— Они форы. Г'лландцы, немцы, афр'канцы. И ам'риканцы меж ними есть, но только белые. Не зависят ни от кого — старая истор'я. Умные, жест'кие, и з'веты отцов нер'шимо чтут. В З'лтый лагерь явились, но не уж'лись там, разругались и отбыли — пятнадцать с'тен к'лометров прошли. Заняли Фр'цу'ский лагерь — алжирцы, м'рокканцы и европейцы меж ними — всех з'чистили. В пески пр'гнали. Свою власть там устро'ли. Принтеры от'брали и оружия н'делали — сказ'вали, от землян об'роняться. Никто поп'рек слова не г'ворил — ни Зеленый лагерь, ни Робинзон, ни Амазония, ни Макклейн. Уже т'гда от Земли отрез'ны, ни пр'пасов, ни связи. Оттого большую драку з'тевать оп'сались.

Она набирает в легкие воздуха и качает головой.

— Кто нашел штольню первым?

— Фр'цу'ский лагерь. Д'бывали м'таллы, но немного. После форы пять лет там х'зйничали, пока лаву не пр'били, и хобо не хлын'л. Четвертая к'манда и пятая. А п'том... они ушли, но штольню до сих пор своей сч'тают.

— Что они оставили здесь?

— Багги, те, что в г'раже сев'рном. Одежду, пр'пасы. Не знаю, в б'льшом ли к'личестве.

— Твой отец был фором?

— Из фра'цу'ского лагеря. Форы ему жизнь остав'ли — белый пот'му что. Но первую жену его в п'ски пр'гнали. Она афр'канкой была. Мус'льманкой. Как форы штольню з'крыли, отец ушел от них сразу. В З'лтый лагерь отправ'лся... — лицо Тил принимает отстраненное выражение, рассказ о страшных событиях, разыгравшихся еще до ее рождения, захватывает ее целиком. — П'том на матери моей ж'нился, и вот я р'дилась.

Это что же выходит — штольня простояла запертой больше двадцати лет? Девять, а то и десять, по-марсианским меркам. А мы подросли точно к открытию? Бессмыслица какая-то.

— Эти форы, они заодно с антагами?

Тил корчит гримасу — я почему-то ожидал этого — и решительно мотает головой.

— «Иные с дальних звезд» — так мы их з'вем. Сказ'вают, послы от Амазонии к ним х'дили. Да только не в'ротился никто.

— Ты сказала, что форы оставили здесь кучу полезных вещей. Каких именно? Горное оборудование? Еда?

— Отец сказ'вал, принтер и бочки со смесью — з'правлять его. Может, зап'сы еды. З'пчасти, ремонт сделать по-скор'му. Все — в верхних комн'тах, чтоб не промокло. Форы свой скарб за многими з'мками держат, за многими п'чатыми, чтобы никто их добром не з'владел, как хобо 'тступит. Но...

Тил вынимает из кармана платиновую монету. На ней, как и на моей, выгравированы буквы и цифры, только в другом порядке.

— Коды име'тся, чтоб двери открыть.

— Так мы попали внутрь?

Тил кивает.

— А электричество откуда?

— Гидроэл'ктростанция, внизу, п'д нами. Гл'боко. Там, где хобо т'чет еще.

Голос Тил звучит неуверенно. Ее одолевают сомнения — рассказывать или нет? Кто знает, на что мы способны?

— Значит, будем искать кладовые. Откуда начнем?

Маскианка уходит вперед на несколько шагов.

— Отец мне карту показ'вал, да только старая она.

Мы обходим комнату по кругу, проверяя все темные углы — вдруг среди теней притаилась дверь? Или боковой туннель? И действительно, сразу за базальтовым выступом открывается проход в коридор — темный, лампы-звездочки не горят, но достаточно широкий для багги. На стенах металл перемежается с черным камнем. И ни единой выемки. Странно.

— Последним, н'верное, стро'ли. Д'делать не успели. Ух'дить пришлось.

Если форы действительно такие, как Тил их описывает — ренегаты и убийцы, помещанные на идею создать свое государство, поскольку все другие их не устраивают... Означает ли это, что форы умнее остальных колонистов, что они переманили к себе самых талантливых инженеров, способных спланировать и выполнить непростую работу по отводу воды из шахт? Или форы наобум взрывали породу, пока не напоролись на хобо, могучий подземный поток, одним махом перечеркнувший все планы по освоению штольни (или, по крайней мере, заставивший отложить эти планы в долгий ящик)?

А теперь форы возвращаются — раздосадованные, обозленные годами ожидания.

— Твой отец был у них главным инженером?

— Г'ологом.

— А потом? Работал на Зеленый лагерь? Ну, после того как форы...

— Отец им не все сказ'вал, ровно столько, чтобы нужду в нем чу'ст'вали. Чтоб не пр'гнали... Твердил, что хобо отступит вот-вот. Знал, что иначе, без штольни, не нужен он вовсе. А потом Элли Пекуа и Айдол Гаргарел ждать устали и ар'стовали его. Моего н'реченного украли. Отец понял т'гда: кончено все. Не стал больше ничего сказ'вать, и его в п'ски пр'гнали. И меня вслед отправить х'тели, но убежала я.

— У вас всегда были такие зверские порядки?

— Р'ционалисты любят расправу ч'нить. А как Земля от нас отвернулась, они еще злее, еще п'длее ст'ли.

Волоски на моей шее становятся дыбом. Да, Тил спасла нас от смерти, но значит ли это, что ей можно доверять? Я понятия не имею, чего ждать от встречи с форами. Может, они просто суровые воины. Может, мы скорее найдем общий язык с ними, чем с беспринципными маскианцами? Фанатично настроенные космодесантники тоже далеко не редкость. Гражданские от них просто вешаются, зато в бою этим ребятам цены нет.

ВШПОЗ.

Туннель приводит нас в широкую квадратную комнату, посреди которой стоит нечто темное, громоздкое и бесформенное. Вокруг — куча всяких ящиков и бочек. Вдоль стен — полки, некоторые из которых вырублены в камне. Справа и слева — что-то вроде небольших кладовок. Тил по очереди инспектирует их. Я дожидаюсь, пока она закончит свой обход.

— Это объемный принтер?

Тил кивает.

— Т'кого старого не вид'ла ник'гда. И здорового т'кого.

— А в бочках — «чернила»?

— Да. Пол'меры. Металл. алюми-глина. Вот там — плавильня. Любую з'пчасть

н'печатать можно. Багги мой п'дл'тать. Другие багги тоже. Если р'бильник найдем да эл'ктричество п'стим.

— Как искать будем?

Я кожей чувствую: наше время на исходе. Автобусы форов не больше чем в десяти километрах от пещеры.

— По ламп'чкам. Чем к г'нератору ближе, тем ярче. Г'нератор и тепловой источник возле пр'пасов должны быть.

— Тебе отец рассказал?

Кивок.

Мы замечаем, что пропустили один туннель — узкое боковое ответвление, уходящее во мрак. Возвращаемся и отважно шагаем в непроглядную тьму.

— Там н'верху битва б'льшая. Вы. Иные с дальних звезд.

— Так точно, мэм.

Я отстаю от Тил на несколько шагов. Она двигается вперед ощупью и то и дело взмахивает руками. Лучше держать дистанцию. Маскианка только с виду хрупкая, а заедет случайно по лицу, половины зубов не досчитаешься.

— Знаешь ли ты, ско'ких вы со свету сжили, к'гда от Земли нас 'трезали? Ск'ко наших с тоски зачахло?

— Не понимаю, о чем ты.

— Все тогда с ума п'сх'дили, у к'го на Земле семья 'сталась. Тогда-то я первого мужа п'теряла.

— А?

Маскианский акцент Тил усиливается — она с головой погружается в воспоминания.

— Тут тесно, а он пр'стор л'бил. Мечтат'лем б'л и все про св'боду сказ'вал. С'мью м'ю оч'ровал, в жены м'ня взял. П'том про м'ня не д'мал 'же, про Землю все мысли б'ли. А как вы нас от Земли отрезали, он сник и руки оп'стил, и ник'го уж п'ред с'бой не в'дел.

И м'ня п'ред с'бой уж не в'дел. В'дел свою др'гую ж'ну — ту, что с Земли. Стал л'мать все, кр'шить, и лагерь пр'говор в'нес и его в пустыню пр'гнал. А он одного х'тел — д'мой в'рнуться.

Оказывается, не только форы способны на крутые решения.

Мне хочется возразить: разве маскианцы не перестали оплачивать кабельную связь и не отказались платить налоги? Но я прикусываю язык. Жизни моих товарищей висят на волоске. Не лучшее время для ссор с Тил.

Не говоря друг другу ни слова, мы пробираемся вперед по туннелю. Проходит несколько минут, прежде чем мы замечаем впереди мерцание одинокой лампы-звездочки, свисающей с потолка на тонком, почти невидимом шнуре. Ее свет заметно ярче, чем у остальных. Следующие пятьдесят метров мы также преодолеваем в молчании. Тишину нарушает только наше дыхание да шарканье ног по камню. Жаль, что здесь нет Тека с его суперзрением. Впрочем, мне и так удастся заметить в стене люк, который Тил проглядела. Прошла мимо по коридору как ни в чем не бывало. Видно, она все еще во власти воспоминаний.

Вернувшись, Тил вытаскивает из кармана платиновую монету и принимается шарить руками по стене вокруг люка. Нащупывает небольшую панель, отодвигает ее в сторону. Под ней — экран и ряд кнопок. Тил кладет монету у панели и вводит код. Щелчок. Вдвоем мы отодвигаем крышку люка. Перед нами большой квадратный зал, каждая из стен — метров двадцать в длину. С потолка свисают сотни ламп, яркий свет бьет по глазам, но через

несколько секунд мы привыкаем к нему и замечаем средних размеров электрическую панель и металлический колпак источника отопления рядом. Интересно, чем отапливается пещера? Горячая вода из недр шахты? Ядерная энергия? Отработанная материя? Последнее маловероятно, эта технология пока доступна только землянам. Так же, как и...

Тил действует четко, словно по инструкции. В течение нескольких минут она переходит от одной станции к другой, и те оживают от ее прикосновения. Трансформаторы, аккумуляторы, топливные элементы начинают трещать, гудеть и жужжать на все лады. Лампы-звездочки вспыхивают еще ярче, разгоняя тьму в зале, но коридоры по-прежнему погружены во мрак, лишь кое-где в стенах из железа и никеля поблескивают кристалльные прожилки.

— Гидр'станция 'справно на нижних эт'жах р'ботает, — замечает Тил.

— Мы можем запереть южные ворота?

— Н'верное.

— Ты знаешь, как?

— Центр упр'вления н'йти.

— Я думал, мы его уже нашли.

— Это с'верная п'дстанция для мастерских, что нав'рху. Еще южная и восточная имеются. П'дстанция для нижних этажей и для средних. И ц'нтральный пульт упр'вления.

Я замечаю, что лицо Тил все еще блестит от слез. Это место много значит для нее, ведь тут работал ее отец. Сотрудничал с форами. А потом рассказал дочери все, что знал.

Или не все?

— Ты знаешь, где находится центральный пульт?

Ее большие серо-зеленые глаза вспыхивают, она оглядывает комнату, высматривает что-то за моей спиной.

— Н'верное.

С этими словами Тил устремляется в широкий туннель, из которого мы пришли, доходит до развилки, поворачивает налево.

— Нам т'да.

Жизнь или смерть моих товарищей напрямую зависит от успеха наших поисков. Зря я не рассказал им про форов. По моим прикидкам у нас осталось не больше десяти минут. Если все получится, если никто не вставит нам палки в колеса, то мы, быть может, еще посражаемся. Скажем свое слово на этой войне.

Тил тоже занимает мои мысли. Нужно будет разузнать побольше о маскианцах, ее соплеменниках, если, конечно, она все еще относит себя к Зеленому лагерю, или как там они называются. Мужчины и женщины из клана Зеленых. А может, просто марсиане. Романтика. Надо познакомиться с их историей, культурой, языком.

Может, тогда я смогу лучше понять Тил.

Теперь, когда свет лампочек стал ярче, мне удастся рассмотреть незамеченную нами прежде низенькую дверь, валяющуюся на полу табличку и ряд вырубленных в камне ступеней. Коридор с гладкими стенами ведет наверх, мы проходим по нему метров пятнадцать и попадаем в комнату, один конец которой отгорожен и запечатан черной пластиковой обшивкой. Тил начинает отдирать пластик. Дело идет не очень, поэтому я прихожу на помощь. Через несколько минут мы наконец расправляемся с обшивкой. За ней — еще одно окно, закрытое железными ставнями. Внизу — выдавшая виды и занесенная пылью панель управления с голографическим экраном, в верхнюю часть которого

вмонтированы миниатюрные проекторы.

На северной смотровой вышке мы с Тил уже побывали, теперь нашли южную. А заодно и центр управления.

Тил садится на жесткий пластмассовый стул, я стою у нее за спиной. Похоже, большинство предметов из этой комнаты были напечатаны на том здоровенном принтере, который мы нашли сегодня. Первоначально колонисты пользовались мебелью и вещами, привезенными с Земли, но постепенно научились изготавливать все необходимое самостоятельно. Главное — найти «чернила» для объемного принтера: растворители, полимеры, металлические или керамические порошки, а уж тогда можно штамповать все, что душе угодно. Оружие в том числе.

Где взять материал для заправки? Привезти с Земли или добыть и очистить от примесей здесь, на Марсе.

Семь минут. Я представляю, как к штольне подъезжают багги с мужчинами-форами на борту. Хотя, может, женщины там тоже есть. Интересно, сколько мне потребуется времени, чтобы пробраться к своим? Может, стартовать прямо сейчас, не дожидаясь, пока Тил все подключит и активирует? Будет ли у нас преимущество, если я успею рассказать товарищам все, что узнал?

Тил смотрит на меня, делает глубокий вдох и откидывает крышку на блоке с цифрами. Аккуратно прикладывает к клавиатуре монету и вводит код.

Мы оба подпрыгиваем от неожиданности, когда включается центр управления. Вспыхивают и жалобно гудят проекторы, просыпаясь от многолетней спячки. Сенсорная панель распознает наши лица, наши глаза. Параллельно идет настройка проекторов — на экран выводятся цветные узоры. Пару раз перед нами проскакивают даже какие-то размытые картинки. А вот и первые данные с камер. Увеличенные трехмерные изображения занимают весь экран и демонстрируют, что происходит за пределами штольни.

В середине панели расположен плоский квадрат, Тил заносит над ним руку и приближает одну из картинок. Пара движений пальцами, и изображение увеличивается. Камера показывает в режиме реального времени — так я полагаю — юго-восточный склон штольни, то есть плечи и спину тонущего великана. Тил переключается на другие внешние камеры, затем, покосившись на меня, на внутренние. На экране мигают десятки миниатюрных изображений — залы и коридоры штольни. По команде Тил они вырастают, становятся ярче и подробнее. Одна картинка особенно привлекает внимание — кристальный склон, поблескивающий в свете звездных ламп. Внезапно изображение гаснет. Что стряслось? Камера сломалась? Сработала система безопасности? Или Тил нарочно стерла картинку?

Перед нами разворачивается сложная система коридоров, туннелей, залов и шахт. Камеры оживают одна за другой, и картина постепенно дополняется. Штольня — масштабное сооружение, и судя по всему, большинство помещений не было повреждено во время потопа.

Монеты, камеры, шифры — у форов пунктик на безопасности, не иначе. Видно, они всерьез опасались чужаков, раз приняли такие меры предосторожности. Вот только кого им бояться? Космодесантников? Антагов? Маловероятно — наводнение произошло задолго до начала войны.

Теперь карта заполнена целиком. Я узнаю некоторые залы на верхних этажах: вот тут мы шли, а здесь мы стоим сейчас. Но незнакомых туннелей и комнат намного больше, и все

они помечены зеленым. И даже это — лишь капля в море, ведь есть еще нижние этажи, которые, судя по карте, расположены очень глубоко. Эти комнаты выделены в основном синим и красным.

Тил проводит пальцем вдоль разноцветных линий.

— Невер'ятно! Штольня так давно покин'та б'ла, а они все к'пают!

Девушка косится на меня, видит, что я не понял ее слова, и сворачивает карту. Теперь перед нами увеличенное изображение южного гаража и «гавани» — полукруглой стены из замерзшей лавы. Три багги приближаются со стороны северных ворот. Тил несколько раз меняет точку обзора, на экране мелькают то изогнутые склоны «гавани», то песчаный пол.

— Как мало глаз уц'лело! Каждый третий — д'лой... М'жет, вернутся, как от'греются. Тебе х'рошо видно?

Автобусы останавливаются и выстраиваются в защитный треугольник — капоты вместе, носы врозь. Форы не торопятся выходить наружу. Сколько их там? Есть ли у них оружие? Если да, какое?

Тут люк в среднем багги открывается, и из него нерешительно высовывается коренастая фигура в залатанном гермоскафе. Замирает на ступеньках, потом неохотно спускается.

— Это фор?

— П'хож.

— Узнаешь его?

Проекторы издают жалобный стон. Тил резко поворачивается ко мне и хмурится.

— Я их в лицо не знаю.

— Это их командир? Разведчик?

Тил качает головой.

Из багги вылезает второй пассажир — тоже в затрапезном гермоскафе, мощный, широкоплечий, выше первого на целую голову. Он ни капли не похож на Тил, но рожден наверняка на Марсе — последний корабль с колонистами прилетел с Земли много лет тому назад.

Между тем из автобуса вылезают третий — худой и плюгавенький — и четвертый — среднего роста. Они выстраиваются полукругом перед воротами и замирают в ожидании. Думаю, все четверо — мужчины. В их маленьком отряде чувствуется скованность, напряжение, но никто больше не выходит из багги.

— Что со связью?

Тил мотает головой.

— Нет связи. Но про р'дио не знаю.

— Может, они даже не догадываются, что мы здесь.

— Они знают, что *кто-то* здесь.

— Откуда?

В ответ тишина.

— Думаешь, Зеленый лагерь послал за тобой форов?

— Не исключ'но.

— Все настолько плохо?

Кивок.

— Чтобы арестовать?

— Общий инт'рес, — говорит Тил упавшим голосом. — Два г'да н'зад Зеленый лагерь и форы согл'шение подп'сали — как штольню д'лить, когда хобо спадет. Отец сделке

пом'гал — чтоб ценным быть, чтоб не убили. З'лениый лагерь б'ится, что форы согл'шение порушат, если «черные к'патели» объявятся. Они думать м'гут, и я «черный к'патель». А уж если *тебя* увидят...

Черт возьми! Я что, попал в роман Джека Лондона? И на хрен всех, кто думает, что космодесантники не читают классику.

Форы стоят не шелохнувшись. В их позах читается испуг. Внезапно они оборачиваются как по команде — открывается люк другого багги, и из него вываливается еще одна разношерстная троица.

Из последнего автобуса появляются еще трое. Теперь форов девять. Гораздо меньше, чем может поместиться в багги.

Тут из средней машины вылезают еще три фигуры. Но гермоскафы на них другого цвета. Космодесантницы! Сестры демонстративно сжимают в руках пистолеты.

Опоздали? Отстали от своей части? Женщинам нужны особые условия во время космического перелета, поэтому нас, как правило, сбрасывают в разных капсулах. Сестры нередко присоединяются к нам уже на поле боя.

Не дожидаясь моей просьбы, Тил увеличивает изображение, чтобы я мог различить нашивки. Седьмой батальон морской пехоты США на одной, второй корпус Межзвездных вооруженных сил на других. Три флага: США — ну разумеется! — и два наших любимых союзника, Малайзия и Филиппины.

Из оставшихся багги выскакивают еще шесть девушек, все вооружены до зубов. Четыре ружья, стреляющих металлическими дротиками, два бронебойных лазера и слабопольный расщепитель — последний отлично зарекомендовал себя в прошлом, но, если верить разведке, антаги уже разработали защиту против него. Замыкает процессию филиппинка с сильнопольным расщепителем наперевес. Самое грозное и массивное оружие, которое нам под силу удержать в руках.

Камера тем временем фокусируется на другой космодесантнице. Рассмотрев капитанские погоны с двумя шпалами и имя — Даниэлла Койл — я чуть не прыгаю от радости.

— Черт возьми! Сестрички жгут!

Мое ликование ставит Тил в тупик.

— Они с тобой? — недоуменно спрашивает она.

— Скорее я с ними. Безбашенные девчонки возвращаются в город! Надо поздороваться!

Историческая справка, часть вторая

Сейчас не время вдаваться в тонкости взаимодействия между подразделениями и тому подобное дерьмо, но раз уж в игру вступили дамы и бойцы из других стран, краткое объяснение не повредит.

Международные космические вооруженные силы (МКВС) — наша верховная организация, ее эмблема — огненный щит, прикрывающий земной шар. Фактически — логотип Главного командования союзных сил^[15], только в космической стилистике.

В состав Объединенного штаба МКВС входят представители разных стран — политики и отставные военные. Ходят слухи, что Объединенный штаб пляшет под дудку Эскорта — помощников гуру, — но никто не знает наверняка.

Страны-подписанты скидываются на орбитальное оборудование, космо-фреймы, транспортные платформы и оружие, совместно финансируют исследования, выделяют бойцов для нужд МКВС.

США тоже «предоставляют во временное пользование» МКВС свои военно-морские и военно-воздушные силы, морскую пехоту и армию. Другие страны выделяют, мы предоставляем в пользование — вот и вся разница. Космодесантники нередко сражаются плечом к плечу не только с бойцами из союзных государств, но и с другими подразделениями американских вооруженных сил, чаще всего с армией и ВВС. Мы подчиняемся министру военно-морских сил США, а тот редко перечит Объединенному штабу, а значит, встретив на Красной планете солдат из других подразделений и стран, мы должны эффективно взаимодействовать с ними и уважать их командиров. И все же этим союзам далеко до боевого братства — нет того *чувства локтя*, за которое любой морпех без раздумий полезет в драку.

По большому счету мы приравниваем себя к морпехам — у них корабли обычные, а у нас космические, вот и вся разница. На гражданке считают, что мы не такое быдло, как солдаты из наземных подразделений, но это лишь видимость — вот выиграем войну, прогоним антагов и станем снова самими собой — то есть бандой отлично выдрессированных и безжалостных отморожков.

Неважно, где находится космодесантник — на поле боя, в тренировочном лагере или в увольнительной — ему всегда за радость навалить кому-нибудь, съездить по рылу, дать в бубен, отпинать, отделать, навешать звездюлей, размотать, набить морду, угандошить, отхреначить, разукрасить, отрихтовать, прижучить, размазать, уделать, натянуть, укатать или, используя менее экзотичные выражения, проучить, показать что к чему, прощепывая — побить кого-нибудь.

У эскимосов — двадцать синонимов к слову «снег», у космодесантников — еще больше для «надрать задницу», ведь где бы мы ни появились, дело кончается дракой — чаще всего без смертоубийства, спасибо и на том.

Если ты не понимаешь, когда начнется заварушка, и кто будет за тебя, а кто *против*, ты огребешь по полной. Американские космодесантники отлично ладят с филиппинцами, корейцами, японцами, чаморро (которые хоть и редко, но тоже встречаются нам), фиджийцами и вообще со всеми уроженцами тихоокеанских островов, новозеландцами (особенно маори) и австралийцами. Мы без проблем находим общий язык с англичанами и французами, итальянцы привлекают нас невероятно вкусным вином и сухпайками (не говоря

уже о красоте их женщин), выходцы из Индии, Пакистана, Шри-Ланки и Тибета — милейшие люди, парни из Казахстана и прочих «станов» — тоже ребята что надо.

С китайцами мы не ссоримся, а вот с русскими то и дело происходят стычки, хотя и с теми и с другими можно пропустить стаканчик, да и дерутся они отменно.

Канада, Германия, Австрия, Испания, большинство стран Восточной Европы, Южная Америка и Африка (за исключением Сомали, Эфиопии и Йемена) в войне не участвуют.

Как-то в Хоторне нам дали увольнительную на целый день, мы решили прогуляться по городу и забрели в какой-то третьесортный бар. По несчастливому стечению обстоятельств там уже сидели одиннадцать русских офицеров — их пригласили в Хоторн прочитать несколько лекций и поделиться опытом по подготовке бойцов. Я до сих пор гадаю, какой болван додумался отпустить их в город всех вместе.

Завязался разговор. Русские, успевшие основательно размяться пивом и холодной перцовкой, принялись с жаром доказывать, что наши тренировки в Хоторне не идут ни в какое сравнение с суровой и максимально приближенной к реальным марсианским условиям подготовкой, которую они проходили на острове Сокотра — в Йемене — и в Сибири. Казах тут же заявил, что это чушь собачья. У его народа давние счеты с русскими. Атмосфера накалилась. После короткого обмена любезностями стало ясно, что драки не избежать. Мы с Теком, Казахом, Мишленом и четверьмя космодесантницами обсудили тактику предстоящего сражения.

Старшей среди сестер была первый лейтенант Койл, она пришла в бар, чтобы опекать своих девчат, и не горела желанием общаться с низшими по званию, но кивала в такт музыке и явно пребывала в хорошем настроении — до тех пор, пока не поняла, что вот-вот начнется заварушка, а уводить цыпляток уже поздно.

Сестры встали между нами и русскими. Те обрадовались, получив повод для зубоскальства — это что за мужики такие, которые прячутся за женскими юбками? Русские подбадривали друг друга и предвкушали легкую победу, а к ней еще пару-тройку стопок перцовки.

Местные завсегдатаи, матерые пузатые мужики в годах, расчистили нам место, убрав столы и стулья, и приготовились смотреть шоу.

Мишлен по обыкновению занял позицию у задней двери.

У русских был численный перевес — три здоровенных бугая. По едва заметному кивку Койл сестры расступились и выстроились вместе с нами вдоль обеих сторон зала, оставив задним рядам место для маневра.

Русские явно не первый раз дрались в баре, поэтому они, хоть и осоловевшие от водки, смогли оценить всю серьезность положения и перестали ухмыляться.

Казах подмигнул Теку и мне и сказал что-то *очень* оскорбительное.

И тут понеслась.

Наши противники оцетинились сталью — выхватили зазубренные морские ножи под названием «Игла», достали откуда-то из штанов буксирные цепи и завязанные узлами альпинистские веревки. Русские переминались с ноги на ногу. Искаженные от ярости лица, до боли сжатые кулаки. Они синхронно, словно по команде невидимого хореографа, качнулись сначала вправо, потом влево. Плавно, как реющие на ветру знамена. Приятно было увидеть такое изящество в наших русских друзьях.

А потом...они наметили себе жертв и ринулись прямо на нас.

Казах сновал туда-сюда с истинно азиатским коварством, хватался за веревки, глумился над врагом, дразнил русских и словно танцор уклонялся от зазубренных лезвий, иными словами — сеял смуту и создавал вокруг себя настоящее броуновское движение. Казах отвлекал противников ложными замахами, а мы с Теком выбивали у них ножи и отработанным приемом выкручивали им руки.

Первый лейтенант Койл и младшие сестры взяли на себя самого молодого и неопытного, но оттого еще более подлого бойца, ошалело размахивающего стальной цепью. Мы обезоруживали русских одного за другим, а Койл театральным взмахом руки отсылала поверженных врагов к черному входу, где Мишлен давал им пинок под зад и вышвыривал на улицу. Скоро все русские, покрытые синяками и ссадинами, валялись на парковке.

Избитые, но не утратившие боевого духа представители союзных войск отряхивались и, видимо, собирались требовать от нас сатисфакции. Я дрожу при одной мысли о том, что случилось бы с нами, если бы эти brave ребята пошли в атаку вторично... Но тут в бар вломился бригадный генерал Ромулус Потоцки, взревел как бык и, прежде чем кто-то успел вымолвить хоть слово, швырнул между столами свето-шумовую гранату.

Когда дым рассеялся — все присутствующие едва держались на ногах, у многих шла кровь из ушей — Потоцки призвал ко всеобщему вниманию. Те, кто каким-то чудом не оглох от взрыва, повернулись к генералу, остальные, глядя на них, тоже. Даже русские приковыляли с парковки и попытались встать перед Потоцки навтыжку.

Безбородый юнец, который притаился в суматохе за перевернутым столом, с воплем выскочил из укрытия и хлестнул Тека железной цепью по лицу.

За такую проделку Койл самолично надавала пацану по заднице и поставила его в угол. Потоцки не вмешивался.

А потом в бар заявила военная полиция.

Казах и девушки совершенно оглохли от разрыва гранаты, но в остальном вышли из драки без единой царапины. Мне на память о заварушке остались парочка ножей «Игла» и порез в районе бицепса. Врачи обработали его мазью по рецепту гуру, и он затянулся через три дня. Кроме того, в больнице нам вернули слух.

Тек потерял оба глаза, но уже на другой день ему поставили имплантаты, новые, ярко-голубые. Зрение Тека восстановилось и стало даже острее прежнего спустя всего несколько часов, а вот со шрамом на лице пришлось повозиться — врачи сводили его все оставшееся нам в Хоторне время. После драки с русскими мы сделались настоящими героями. Товарищи шутливо кланялись нам в офицерской столовой. Считали, что мы проявили характер и мужество.

Мы потом неделями вспоминали тот случай и все без исключения предавались непристойным мечтам о первом сержанте Койл.

Пять месяцев спустя мы снова встретились с нашими русскими друзьями, на этот раз на Марсе. Всего через семь часов после приземления нам пришлось совместно штурмовать хорошо укрепленный редут антагов. Это было в самом центре равнины Криса. Мы разнесли врага в пух и прах, несколько русских было представлено к наградам. Юнца, который ударил Тека цепью, там не было. Оказалось, гуру в Москве узнали про его выходку, понизили его в звании и перевели в Новосибирск, где он благополучно просиживал штаны за бумажной работой.

Я искренне рад видеть всех сестер, а первого сержанта Койл особенно. Надеюсь, она меня вспомнит. Мы ведь неплохо сработались тогда.

Иногда надежда приходит откуда не ждали

Мы с Тил спускаемся со смотровой башни и со всех ног бежим к южному гаражу. Через десять минут мы на месте, забираемся в будку управления и Тил открывает ворота. Три багги заезжают в пещеру — огромный выдолбленный в базальте ангар с поддерживающими крышу стальными балками. Следом идут девять форов и столько же сестер.

Автобусы паркуются, и из них вылезают водители — каждый в сопровождении еще трех космодесантниц. Воображение Тил рисовало по меньшей мере шестьдесят форов, а приехало всего двенадцать. Даже удивительно, на кой черт им понадобилось целых три багги.

Форы — все мужчины, кому за двадцать, кому за тридцать, и все очень бледные — выстраиваются около автобусов. Один тощий, кожа да кости, и постарше остальных. Похоже, из первого поколения колонистов. На форах, как и на Тил, гермоскафы с чужого плеча, но не зеленые, а красно-коричневые. Шлемы и штанины черные, а ботинки с белыми мысами.

Я перевожу взгляд на девушек. Жму «увеличить» и рассматриваю нашивки. Первый батальон. Не знаю как теперь, но раньше они занимались первичной разведкой и подготовкой поля боя, иными словами — рыскали туда-сюда, вынюхивали расположение антагов, исправляли и дополняли карты, выбирали места для бросков.

С этими дамами надо держать ухо востро: сильнополюный расщепитель — это вам не шутки. Да и местные перед ними по струнке ходят.

Прежде чем спуститься, я издаю пронзительный четырехзвучный свист. Капитан Койл стоит у подножия лестницы: ее глаза прожигают нас насквозь, а рука сжимает заряженный пистолет. Койл под сорок, она поджарая словно гончая, рыжеволосая, круглощечая и черноглазая. Сам я без формы, но приколот к рукаву сержантскую нашивку и закатал его, так чтобы были видны чип и электронная татуировка. Капитан Койл дотрагивается перчаткой до цифрового тату, и ангел сообщает ей мое имя, звание и текущую дислокацию. Остальные девушки ждут, что она скажет, некоторые улыбаются — уж теперь-то, когда они встретили своих, дела пойдут на лад. Может, и так. А может, и нет.

Койл все еще во власти подозрений. Косится на Тил, стоящую в нескольких метрах поодаль, переводит взгляд на меня.

— Мастер-сержант Майкл Венн, — повторяет Койл вслед за ангелом. — Шестой батальон, последняя дислокация — космопорт «Виргиния». Мы встречались раньше, Венн?

— Так точно, капитан.

— Не припомню где именно. Чип вышел из строя, но я прочитала ваше цифровое тату. Тут есть еще кто-нибудь кроме вас?

И я рассказываю ей все: о неудавшемся броске, о том, как мы ночевали в русских палатках и как не уберегли высших офицеров. Капитан слушает меня с мрачным лицом.

— Нас сбросили двумя днями позже, примерно в трехстах километрах к югу. Мы попали в ту же передрыгу, что и вы. А потом встретили вот этих красавцев. ВППОЗ.

«Все по плану, общий звездец». Вообще-то, изначально вместо «звездца» мы говорили другое слово, но чтобы не оскорблять нежные уши наших инопланетных друзей, пришлось его заменить.

Капитан Койл берет расщепитель у комендор-сержанта Марии Кристины де Гузман — двадцать с небольшим, овальное лицо, маленькая, фигуристая и очень спортивная, со странным холодным взглядом — и приказывает ей «подготовить» форов. В гараже

нормальное давление и не очень холодно, поэтому де Гузман командует мужчинам «раздеться до голландских панталон». Понятия не имею, что это означает, но сержант Анита Магсайсай прыскает со смеху, да и остальные девушки явно веселятся.

Форы исполняют приказ с застывшими лицами.

Я понимаю, что, несмотря на вежливый тон, Койл все еще подозревает меня. Мой ангел недоступен, чип не читается, есть только тату, то ли настоящее, то ли нет. Условный знак — свист — я мог подслушать, да и приколотую к рукаву нашивку можно было найти где угодно. Сам я могу оказаться *кем угодно*. Я пытаюсь вести себя дружелюбно и раскованно.

Тил даже не пытается. На ней просто лица нет. Она уверена: форы приехали, чтобы убить ее. С пленниками обращаются довольно грубо, но они беспрекословно исполняют все приказы. Восемь из них — совсем юные, напуганные, очень худые, трое постарше, но тоже кожа да кости, и один в годах, изможденный, но с горящими глазами.

Сержант Мазура бат Мустафа — средний рост, узкое лицо, большущие черные глаза и роскошные губы — достает прочный пластиковый шнур и связывает форам запястья. Полураздетые мужчины то и дело поглядывают на Тил, словно сравнивая ее с фотографией на плакате «Разыскивается». Может, все еще верят, что мы отпустим их восвояси и позволим им заняться своими делами. Ведь Земля много лет придерживалась политики невмешательства: живи и дай жить другим, не так ли?

Бойцовый Петух, Тек и Диджей присоединяются к нам только сейчас, слегка ошалевшие от неожиданного поворота событий. Бойцовый Петух подходит к Койл, та открывает экран шлема и протягивает ему руку. Оба уже не выглядят такими напряженными. Диджей и Тек приветствуют знакомых сестер по оружию. Девушки вежливы, но немного раздражены — им пришлось порядком натерпеться до встречи с форами, да и знакомство с этими джентльменами прошло, надо думать, не слишком гладко.

И эти холодные взгляды. С некоторыми из сестер явно что-то не то...

Но я гоню сомнения прочь.

— Кто-нибудь говорит на африкаанс?^[16] — спрашивает Койл.

Она снимает шлем, обнажая копну коротких и влажных от пота черных волос.

— Я. Н'много, — подает голос Тил.

Зря она напомнила о своем присутствии. Четыре космодесантницы становятся в кружок вокруг Тил и беззастенчиво разглядывают ее. Хотят, наверное, узнать, где она купила такой прелестный комбинезон. Тил терпеливо сносит их взгляды.

Наконец, Койл приходит ей на помощь:

— Ну все, хватит.

— Но капитан, когда еще мы увидим живьем фермерскую женушку! — протестует Магсайсай.

— А она высоченная, — замечает Сулейма.

— Уж не такая коротышка, как ты, — подкалывает ее Мустафа.

— Второй такой коротышки просто не существует, — хихикает Магсайсай.

— Так или иначе, она красивая, — резюмирует капрал Хуана Мария Сениза, щупая двумя пальцами материю на комбинезоне Тил и не сводя с маскианки настороженных лисьих глаз.

— Не трогай, Аш! — предупреждает Койл.

Сениза вздергивает бровь, но отводит руку и отступает назад.

— Так ты, выходит, знаешь язык форов? — ободряюще спрашивает Койл.

— Н'много. Для п'реговоров по радиии в основном. Они наз'вают его *таал*.

— По-английски они ни в зуб ногой, — жалуется Койл.

— Форы по-английски отменно г'ворить могут, если х'тят, — возражает Тил.

Мужчины злобно косятся на маскианку, а один даже делает непристойный жест в ее сторону. Капрал Фируза Давуд бьет его по руке. Она маленькая, коренастая, бритоголовая, скользит между пленниками с грацией танцора, все подмечает и не намерена ни с кем цацкаться.

— Они хотели подвезти вас? — спрашивает Бойцовый Петух.

— Не совсем так, сэр, — отвечает Койл. — Мы увидели, что они едут навстречу, и спрятались за камнями. Понятия не имели, что у них на уме. Решили ловить на живца. К нашему восторгу, идея сработала.

— Наживкой была я, — с этими словами Сениза вытягивает стройную ножку и задирает воображаемый подол.

Окидывая глазами ее фигуру, я признаю: тут есть на что клюнуть.

— И вот когда Аш... то есть капрал Сениза... В общем, они остановили свои колымаги и выскочили наружу с оружием наперевес. Злые как черти. Эти галантные господа окружили девушку, и их главный накинудся на нее чуть ли не с кулаками — зачем она сунулась на их землю и нарушила нейтралитет?

— Вышло что-то вроде территориального спора, — добавляет Сениза. — А потом эти мерзавцы хотели раздеть меня и бросить голой в пустыне.

Последние слова девушки, кажется, не на шутку разозлили ее подруг. Сестры все теснее смыкают кольцо вокруг пленников и крепче сжимают пистолеты. Койл останавливает их движением руки. Форы, все в испарине, с ненавистью смотрят на космодесантниц.

— Потом мы, как полагается, выпрыгнули из укрытия, — продолжает Койл. — И джентльмены благоразумно рассудили, что связываться с сержантом де Гузман себе дороже.

С этими словами Койл возвращает комендор-сержанту сильнопопольный расщепитель — в народе его прозвали «газонокосилкой». Одно слово капитана — и де Гузман порубила бы форов в капусту.

Старик, которого Койл окрестила «главным», умоляюще поднимает связанные руки. Он маленького роста и очень худой, в чем только душа держится. Высокий бледный лоб, растрепанные седые космы, острый нос, тонкие губы, седая щетина.

— Обсудить, полковник, обсудить, — взывает он к Бойцовому Петуху.

Прикинул, наверное, что с мужчиной договориться проще.

— Надо обсудить, что происходит.

— Я выслушаю вас через пару минут. А сейчас, — строгий взгляд в мою сторону, — доложите мне в мельчайших подробностях, что случилось тут в течение последнего часа.

Полковник переводит взгляд на Койл:

— И в течение последних дней.

— Есть, сэр, — отвечает капитан. — Думаю, форам будет что добавить.

— Добавим, добавим, притом чертовски важное! — заверяет старик.

Тил не рада этому повороту, но что делать. По сути сейчас она такая же наша пленница, как и форы, и останется ею до тех пор, пока мы не сядем и не проясним ситуацию.

Пока мы не разберемся, куда же нас, черт возьми, занесло, что тут творится и как происходящее скажется на колонистах и на нашей маленькой войне.

И на небе как на земле

Построить лучшую жизнь на планете, расположенной в 56 миллионах километров от Земли — при максимальном сближении! — заманчивая идея, поэтому первое время идеалисты-первооткрыватели не испытывали недостатка в инвестициях. Только вот единого мнения о том, каким именно должен быть новый мир, среди них не существовало.

Первые колонисты прибывали на Марс в маленьких, работающих на химическом топливе кораблях — до двадцати человек на борту. Бедняги обходились без космолина — по несколько месяцев маялись в тесных отсеках из пластика и стекла.

На Красной планете выживших — в те времена до Марса долетала только половина путешественников — уже ожидали припасы и стройматериалы, из которых переселенцы собирали свои знаменитые «хомячьи лабиринты», а примитивные версии наших фонтанов высасывали из воздуха и почвы необходимые для жизни вещества.

Захватывающее приключение.

Колонисты проявили мужество, находчивость и огромную волю к жизни. Примечательно, что в первые годы освоения Марса погибал только один из десяти поселенцев — все благодаря гениальным идеям кучки землян-предпринимателей, большинство из которых так и не увидело Марс своими глазами.

Причиной тому был возраст — самое распространенное противопоказание для космических путешествий. После сорока риск заболеть и умереть во время перелета увеличивается в десять раз. «Организм дряхлеет», — объясняют врачи. Но сквозь призму собственного опыта я вижу другое: пожилые люди сильнее скучают по земному раздолью, голубому небу, облакам и дождю, по комям грязи, свежему воздуху и вкусу чистой воды. Рано или поздно тоска сводит их в могилу.

Многие пионеры верили, что искусственно созданный марсианский рай заменит им все привычные радости. Роковая ошибка. Этим наивным следовало бы изучить пример покорителей Великих равнин, коротающих дни в тени дерновых хижин. Женщины, оторванные от дома, друзей и светского общества, искали утешения в наркотическом тонике Лидии Пинкхэм^[17].

Суровые мужчины с обветренными лицами охотились или пахали твердую как камень землю. Огрубевшие, измотанные борьбой с индейцами и непогодой, они мрачнели день ото дня. Дети носились без присмотра как дикие звери. Каждый прожитый день подтачивал рассудок.

Некоторые мечтатели верили, что в долгосрочной перспективе Марс можно терраформировать — придать ему вид Земли. А пока они воображали огромные покрытые колпаками города с бандитами, шерифами и салунами — или их хай-тек-эквивалентами. Один такой купол и правда был построен — наполненный воздухом, широченный, несколько километров в диаметре. Простоял с полгода, пока на него не упал метеорит. Ураганный ветер смел остатки. Повторять опыт не решились, по крайней мере до окончания войны.

Что меня действительно интересует — какого черта потомки фортреккеров забыли на Марсе?

Чтобы построить утопию, нужно сперва найти подходящее место. Вслед за первой волной переселенцев на Марс хлынули недовольные. Прежде у них были связаны руки: на

Земле не жаловали фанатиков, цепляющихся за патриархальные устои и библейские заветы. Но среди идеалистов скрывались также манипуляторы, мечтающие о власти и готовые сыграть на ущемленном самолюбии своих товарищей. Они воспользовались ситуацией и стали наводить в колониях порядок и дисциплину, которой так не хватает всем утопиям... и без которого не обойтись, когда балансируешь на грани жизни и смерти.

Во времена расцвета этих идей на Красную планету перебирались десятки и сотни недовольных — зачатки нового марсианского общества.

Так в Красной пустыне появились фортрекеры — не покорители Южной Африки и не отцы-основатели Родезии^[18], а фанатики и экстремисты, впитавшие в себя худшие из их предубеждений.

Никаких черных, никаких цветных — суровые порядки, продиктованные суровой жизнью.

Блюстители патриархальной морали, горькая насмешка над историей.

Мы по-прежнему в южном гараже. К нам присоединяются Казах и Мишлен. Диджей ухаживает за раненым генералом.

Хоть форов и меньше, чем нас, это не делает старика-предводителя более сговорчивым, напротив, он рвется толкнуть речь. Его имя Пауль де Грут, и он прилетел на Марс тридцать два года назад.

— Слушайте все! — кричит де Грут, и его хриплый голос эхом разносится по ангару.

— Чувствую, хлебнем мы с ним горя, сэр, — шепчет Койл Бойцовому Петуху.

— Мы — Трекбуры!^[19] Вы отняли у нас машины, так знайте, кто мы и как нас зовут.

Де Грут торжественно обходит своих людей, дотрагиваясь поочередно до их голов — время от времени ему приходится вставать на цыпочки — и перечисляет имена.

— Это Ян, а это Хендрик, а это Йоханнес, а это Шон.

И далее по списку. Широкоплечего громилу, которого я заметил еще в смотровой башне, зовут Рейф. Парень не так прост, как кажется. Я чувствую в нем затаенную силу. Опасен, точно свернувшаяся перед броском змея. Не удивлюсь, если старик приходится ему отцом. Впрочем, судя по обычаям форов, старик может приходиться отцом *им всем*.

Когда церемония представления подходит к концу, Тил выглядит еще несчастнее, чем прежде.

— Я понял вас, сэр, — говорит Бойцовый Петух, опережая Койл, которая как раз собиралась вклиниться в монолог старика.

Речь фора не произвела на нее ни малейшего впечатления.

— Мы надеемся на взаимовыгодное сотрудничество. Нам нужна информация...

— Вот зачем вы здесь! Узнать про нашу трубку! — де Грут вопит изо всех сил, хотя никто не пытается его перекричать.

Он сжимает зубы, расправляет плечи и выпячивает челюсть.

— Трекбуры защищают то, что принадлежит им по праву.

В отличие от Тил старик пытается говорить на чистом английском. Его проще понять, чем маскианку.

Бойцовый Петух подходит к фору.

— Вы хотели убить нас. А теперь удивляетесь, что мы недостаточно любезны с вами?

— И близко не было! — протестует де Грут, хоть и заметно тише. — Но мы не станем делиться своим добром!

— Пусть так, — примирительно говорит Бойцовый Петух. — Капитан Койл считает, что у вас есть важные сведения... которые помогут нам преодолеть разногласия. Нам придется довериться друг другу... по крайней мере, пока.

Де Грут фыркает.

— Трубка — *наша!* Мы тут хозяева! Мы и латали, и приглядывали, и осушали. Ждали, когда можно вернуться и опять добывать металлы. И жить! Но мы не кричали про место на каждом углу, не хотели чужих ушей. Кто узнал — того вон! В пустыню!

— Вас можно понять, — соглашается Бойцовый Петух.

Старик фор поворачивается к Тил. Его лицо искажается от злости, губы кривятся, будто он собирается плюнуть.

— Ты *шлюха!* — бросает фор в ее сторону, потом поворачивается к остальным и вопрошает:

— Вы видите эту шлюху?

Забывшись, старик начинает наступать на нас и останавливается, только когда Бойцовый Петух и сестры как бы невзначай дотрагиваются до своих пистолетов. Кивает, делает шаг назад.

— Она предала свой лагерь, теперь и нас предает. Никто не должен быть здесь! *Тут* наше спасение, наша надежда. Мы поехали за ней — остановить предательство.

Старик воздевает руки в темноту. Потом его запал иссякает, и он кивает Рейфу. Здоровяк выходит вперед.

— Мы приехали от плохих новостей. Питер Ретиф Крааль и Свеллендам разрушены. Пришельцы-издалека никогда нас не трогали, но теперь наши *легерплатце* не отвечают. И лагерь этой женщины — тоже. Наверное, все убиты льдом и камнями.

— То есть комета упала на ваше *поселение*? — переспрашивает Бойцовый Петух.

— Мы все потеряли. Все, — подтверждает Рейф.

Намеренно бьет на жалость. Шон и Андрес, оба юные и светловолосые, жмутся друг к другу. Андрес дрожит.

— Мы так *думаем*, — уточняет де Грут, буравя юношей глазами. — Тот же район. Рации не отвечают. Ударная волна чуть не смела наши машины. Братья захотели посмотреть, но я не слабак, *мы* поехали дальше. *Легер* на месте — хорошо. А если нет... Но другие, они несогласные. Взяли машину и уехали.

— Получается, фермерская женушка спасла вас, — произносит Койл.

— Шлюхе повезло. Уехала как раз вовремя, — де Грут повышает голос и для пушного эффекта воздевает к нам руки. — А почему? Потому что *знала*. Она заодно с пришельцами-издалека.

Тил застывает на месте, бледнеет и меняется в лице.

— Ложь, — выдавливает она.

Рейф между тем продолжает свою речь:

— Как сказал *фадер*, что ушло, то не вернешь. Теперь надо заново решить, кто друг, а кто враг. Иначе — конец. Будем все *доод*.

Как я понимаю, «*доод*» означает «мертвые».

— Слушайте все! — снова воодушевляется де Грут.

Похоже, он умышленно то сбрасывает, то набирает обороты. Старик держит связанные запястья перед собой, опускает голову и окидывает нас тяжелым взглядом исподлобья.

— Трубка — наша надежда, но только если починим ее. Если восстановим. Шлюха

может помочь — рассказать что да как. Сэкономит нам время.

Пленники разом подаются вперед, словно забыв, что они в наручниках. Дай им волю — приступили бы к работе прямо сейчас. Бойцовый Петух начеку — подает нам знак, и мы преграждаем форам дорогу.

— Вы здесь не командуете, сэр, — доверительно сообщает полковник де Груту.

— Какого черта?! Это наша трубка! — вопит фор по имени Шон.

Раздаются крики одобрения, но де Грут взмахивает рукой точно заправский дирижер, и форы тут же стихают. Могу поспорить, Рейф только и ждет удобного момента, чтобы отколоть какой-нибудь номер. Мы с Теком, не сговариваясь, берем юношу в тиски, я справа, он слева. Не думаю, что у парня есть шансы против нас, хоть он и здоровенный. Но кто знает, может, гордость форов велит им умереть, сражаясь? В каждом человеке дремлет звериное начало. В армии ты быстро понимаешь это. Колонисты наверняка не исключение.

— Вы знаете нашу историю? Что значит для нас эта трубка? Кто мы, через что прошли? Как страдаем сейчас?

— Вы же сами хотели, чтобы земляне оставили вас в покое. А теперь недовольны? — спрашивает Бойцовый Петух.

— Мы живем в страхе, что солдаты все отберут, а она приводит вас прямиком сюда!

Де Грут тычет в сторону Тил узловатым пальцем. Девушка отвечает ему гневным взглядом. Форы связаны, она — нет. Немаловажный момент.

— Твою ж мать, Венн, куда мы попали? — спрашивает полковник. — Что это за место?

— Мы можем объяснить, — встречает де Грут.

Бойцовый Петух смотрит на старика, переводит глаза на меня.

— Что тебе удалось узнать?

— Не так много, как хотелось бы, сэр. Отец этой женщины посоветовал ей спрятаться здесь, в шахте, — она же штольня, она же трубка, — если в ее родном лагере начнутся проблемы. А они, судя по всему, начались.

Бойцовый Петух поворачивается к Тил.

— Что стряслось?

— Долго сказ'вать.

Девушка не отрывает глаз от форов и нервно сглатывает комок в горле. Бойцовый Петух переводит взгляд на меня.

— Венн, что за хрень тут творится?

— Они пережили много бед. Кое-как освоились тут, разбили лагеря — поселки, города, как ни назови, — но сомневаюсь, чтобы их население росло.

— Тяжкие времена, — подхватывает де Грут, — для форов особенно!

— Вы все присвоить х'тите! — срывается Тил. — Грабите, уб'ваете, кр'дете!

Беседа пошла явно не в то русло, но Бойцовый Петух помалкивает — вдруг проскочит что-нибудь важное? Вместе с тем полковник красноречиво поглядывает на меня — дает понять, что если разговор скатится до обычной перебранки, он живо прикроет лавочку.

Я не вмешиваюсь.

— В ее лагере нам рассказали, что шлюха разругалась с ними и убежала, и направляется теперь к нашей трубке.

Тил опускает глаза.

— Н' правда, — бормочет она.

— Ее *фадер*, он был инженером. Потом бросил трекбуров, ушел. Переметнулся в

Зеленый лагерь, — объясняет Рейф.

— Сбился с пути, — сурово добавляет де Грут.

— Вы ж'ну его убили! — идет в наступление Тил.

— Жену из Зеленого лагеря он тоже потерял, — парирует старик. — Да у него постоянно умирают жены!

— Кто еще знает про это место? — вмешивается Бойцовый Петух.

— Только форы и З'лений лагерь, — дерзко отвечает Тил. — Форы всех алжирцев переуб'вали.

— Вовсе нет! — протестует де Грут.

Он хочет добавить что-то еще, но осекается, глядя на окружающие его смуглые лица. Кадык старика судорожно дергается. Де Грут с силой сжимает челюсти.

— Отец ник'му не сказ'вал, только мне. А потом Элли Пекуа моего н'реченного пр'своила.

Старая песня. Тил хочет выговориться, выплеснуть обиду.

— Без мужа я обуза!

— А вот форы ценят женщин, — фыркает де Грут.

— Только белых, — замечает Тил.

Видя, как сестры неприязненно косятся на поселенцев, Рейф толкает отца в бок. Старик оглядывается и чуть ослабляет напор, но сохраняет оскорбленный вид.

— Они были дураками, но мы — иное дело. Мы партнеры, — заключает он, яростно сопя.

Бойцовый Петух слушает этот разговор с серьезной и сочувствующей миной.

— Отец рассказал тебе, как ориентироваться в пещере? Где еда, ресурсы?

Тил кивает. Глаза сухие, слезы давно выплаканы.

— Ты не собиралась никого сюда приводить.

— Нет. Но не приди я на помощь, вы п'гибли бы, — говорит девушка, и ее глаза светятся как лампы в темноте.

Бойцовый Петух поворачивается к капитану Койл. Ее лицо не выражает никаких эмоций, кроме легкой тени недовольства. Полковник переводит взгляд на де Грута — как отреагирует он? Я вижу, как хмурится Рейф: знает, что отец не выдержит, не смолчит.

— Мы живем тут! — восклицает старик. — Кормим своих людей. Скитаемся, строим дома, бежим от сражений, и все равно теряем людей и землю! *Из-за вас!* Ваша война разрушила наш лагерь! — он яростно буравит нас взглядом. — Мы ждали годами, пока вода спадет. И мы вернемся, отстроим трубку, будем растить урожай, добывать металлы.

— И сульфиды, — чуть слышно шепчу я полковнику. — Они засыпали в шахты оксифор.

Бойцовый Петух хмурится — биология для него темный лес. Я перехожу к более важному:

— Внизу достаточно воды, чтобы запустить старый генератор. Кроме того, тут есть принтер и «чернила» — металлические и керамические порошки. Лекарства, еда.

— Сколько? — спрашивает Бойцовый Петух.

— Трудно сказать, сэр. Много. Форы почти закончили работы, когда хобо... когда началось наводнение.

— Штольня. Трубка. Хобо, — Бойцовый Петух старается постичь значение новых слов.

— А почему вы не хотите выкачивать отсюда воду и продавать ее? — спрашивает Тек.

— Кому нужна вода? — фыркает Рейф. — Ее и так хватает.

— Из воды мы получаем *зуурстоф* — кислород — и водород. Но не хватает *стикстоф* — азота, и мало *метаал*, а тут его в избытке — добывай, плавь! Эта трубка для нас все — *хаус, кос*, еда — жизнь! А что теперь? Она стала *нутелоос*! Бесполезная!

Де Трут не притворяется — он действительно в отчаянии. Глаза старика наполняются слезами. Все вокруг притихает, форы явно смущены. Рейф заламывает руки, пластиковые шнуры впиваются ему в запястья. Действительно тяжелые времена.

— Я этого не х'тела, — оправдывается Тил.

— Ты привела их прямо сюда! — Рейф удерживается от крика, но в его голосе слышится глубокое возмущение.

— Вы сделали то же самое, — напоминает ему Койл.

— Не по своей воле.

Бойцовый Петух чувствует витающее в воздухе напряжение. Остальные тоже. Острее всех его ощущает Тил — мы единственные, кто стоит между ней и мезью де Грута. Эти гномы-рудокопы ждут не дождутся, когда мы свалим из их шахты, и они смогут возобновить работы.

— Хватит искать крайних, — обрывает спор Бойцовый Петух. — Есть дела поважнее. Сколько форов отказалось ехать с вами?

— Трекбууров, — поправляет его Рейф. — Много.

— Братья пошли туда, где раньше был дом, — выдавливают де Грут сквозь стиснутые зубы.

Все форы никак не могли поместиться в один автобус.

— Разве им под силу дойти до лагеря пешком? — спрашивает Койл.

— Они умрут, — отвечает старик. — Когда надежды не остается, мы трогаемся в путь.

Делаем трек^[20], как наши предки. Голландцы притесняли их — они ушли из Кейптауна. Отправились в Большое Карру и Малое Карру.

— Копи царя Соломона, — говорю я.

— Именно, — горько подтверждает Рейф. — Мы сейчас в самом сердце Офира^[21]. Но мы не опасны. Отпустите нас!

Бойцовый Петух хмурит брови. Койл качает головой.

Из северного гаража возвращаются Ви-Деф и Казах. Они отводят в сторону Бойцового Петуха и Койл и шепчутся с ними о чем-то. Спустя пару минут полковник подзывает нас с Теком. Казах докладывает:

— Подозрительная активность на северо-западе. Огромное облако неизвестного происхождения. Венн заметил его еще по приземлении, но теперь оно больше и ближе. А еще в этой пещере полно туннелей и закоулков. Нам нужна карта или проводник из местных.

Я рассказываю о южной смотровой башне и панели управления. Бойцовый Петух тут же посылает на разведку Диджея.

— Не уверен, что форы хоть раз приходили сюда за все эти годы, — замечает полковник.

— Тил должна знать наверняка. Но она напугана, — отвечаю я.

— Форы почему-то называют пещеру трубкой, — говорит Казах, придвигаясь ближе. — Что это на хрен значит?

— Кимберлитовая трубка. Алмазное месторождение, — предполагает Тек.

— Когда мы с Тил были наверху, в смотровой башне, я видел на экране какую-то комнату — все блестит и кристаллы кругом, — рассказываю я.

— Алмазы? Тут? — недоверчиво переспрашивает Бойцовый Петух.

— Не знаю наверняка, сэр. Может, эта комната находится не здесь, а в какой-нибудь другой шахте.

— Здоровяк заметно оживился, услышав про Копи царя Соломона, — говорит Койл. Потом указывает на меня.

— Кажется, у мастер-сержанта Венна роман с фермерской женушкой. Она ведь показала вам пещеру, так?

— Она напугана, — отвечаю я.

— Ну и что, — говорит Койл.

Бойцовый Петух пристально смотрит на меня. Не самое приятное ощущение.

— Сомневаюсь, чтобы Тил доверяла кому-то из нас, — замечаю я.

— Она одинока, — говорит полковник. — Убежала из своего лагеря, не хотела никого сюда приводить... но подобрала нас. А поселенцы нас явно недолюбливают...

Бойцовый Петух чует какой-то подвох. Я тоже. Слишком много белых пятен в каждой из этих историй.

Мы с Теком обмениваемся покорными взглядами.

Облако пыли снаружи — почти наверняка антаги. Либо идут сюда с целью прикончить нас, либо мы случайно оказались у них на пути. Если антаги засекли с орбиты, как багги один за другим съезжаются к шахте и исчезают внутри, точно жуки в навозной куче, у них наверняка возникнут вопросы.

Похоже, что раньше антаги игнорировали штольню по той же причине, что и мы: и без того дел по горло. А сейчас они добились явного перевеса, и их тяжелые загребущие лапы тянутся все дальше — почему бы не провести разведку?

— Соберите всю доступную информацию про это место, и поскорее, — командует Бойцовый Петух. — Ставки могут быть чертовски высоки. Тут не просто мы против них — все куда серьезней. Пусть Тил думает, что наш отряд на ее стороне. И мы действительно можем занять ее сторону. Капитан Койл, ваша задача — приглядывать за поселенцами. Возьмите с собой этого здоровяка, Рейфа — покажем форам, что считаемся с ними.

— А что со стариком? — спрашивает Койл. — Он у них за главного. Настоящий отморозок, — капитан имеет в виду, что старик — прирожденный убийца, расчетливый и беспощадный. — Может знать гораздо больше других. К тому же форы без его приказа даже пикнуть не смеют.

— Изолируйте его, — предлагает Тек. — И он станет неопасен.

— Без старика форы начнут волноваться, — возражает Бойцовый Петух. — Уверен, де Грут рассказал сыну почти все. Рейф — вот кого надо изолировать.

Полковник нервно сжимает ладони и снова разводит их в стороны.

— Без сомнений, очень скоро мы все окажемся в глубокой заднице. Но если нам удастся контролировать форов... Если убедим их сражаться за нас... Может, завтра мы уже будем на том свете. Но сегодня мы попытаемся связаться со спутниками и получить инструкции, — заключает полковник с кислой миной.

Возвращается Диджей.

— Провел разведку в смотровой башне, — докладывает он. — Там прямо над окошком уступ — загораживает обзор.

Диджей прикладывает ладонь к основанию носа, демонстрируя нам каменный козырек.

— Зенита не видно. Горизонт просматривается, но для лазеров далековато.

— Если б они еще работали.

— Лазеры на шлемах исправны, — возражает Тек. — В ясную ночь вполне могут достать до горизонта — по крайней мере, на несколько секунд.

— Как? Ты не сможешь удерживать соединение.

— Спутники могут засечь движение, вычислить нас по методу Фурье и выйти с нами на связь.

— На кой черт им заморачиваться? — в голосе Бойцового Петуха сквозит сомнение. — И что помешает антагам засечь нас?

— Не факт, что в небе остался хоть один спутник, — замечаю я.

— А вдруг остался? — не сдаётся Тек. — Сэр, мы не можем *разбрасываться* шансами. Нужно обновить тактические установки, сравнить данные капитана Койл с нашими, а не пережевывать по десятому разу старые новости. Иначе ангелы сами сгенерируют приказы, и нам придется подчиниться. А вы знаете, какую околесицу они обычно несут. Особенно, когда мы в заднице.

Нам и правда положено выполнять ангельские приказы, даже невзирая на обновления. Моих товарищей передергивает от такой перспективы. Только Койл — отмечаю я — стоит как ни в чем не бывало. «Не к добру это», — зудит у меня в затылке.

— Решение за нами, — говорю я.

Поразмыслив, Бойцовый Петух распоряжается:

— Капитан Койл, мы с вами и с Теком попробуем нарисовать карту. Мишлен, возьми кого-нибудь из людей Койл — она выберет кого — будете чертить схему шахты. Венн, поднимись с Тил в смотровую и доложи обстановку снаружи. Не подпускай к ней форов. И наденьте все гермоскафы. Диджей, ты идешь к южным воротам — устанавливать связь со спутниками.

Диджей заметно приуныл.

— Не думай, что у тебя звездеч как много времени, — добавляет полковник. — Двадцать минут — и обратно.

— А чего звездеч-то? Говорите по-человечески, сэр. Сраные гуру все равно не услышат.

— Ну и что. Хватит болтать. Иди.

Историческая справка, часть третья

Я встречаю рассвет в квартире, верчу в руках платиновый диск, греюсь в разноцветном спектре весенних лучей, отражающихся в моем окне, и потягиваю кофе. Из еды только пачка хлопьев, да и там давно уже завелись жучки. В тарелке с моим завтраком бурлит жизнь — вот и думай, то ли съесть его, то ли поболтать с ним по душам.

А, плевать. Я не голодный. Поначалу одиночество вызывало во мне нездоровый восторг, но теперь я жду не дождусь возвращения Джо, хочу услышать его историю. Узнать, чем все закончилось.

Сегодня у меня удивительно библейский настрой. Время угнетать и время терпеть гонения.

И свершилось чудо, и прибыли на Землю посланники небесные, и возликовали люди, но многие разочаровались, и многие возроптали и восстали против их власти.

Как-то так. Никогда не вникал особенно в это дерьмо.

Но если две трети землян вполне довольны, зачем портить им всю малину? Уже на второй год после пришествия гуру развитые страны зафиксировали практически нулевой процент безработицы. Всем, кто хотел работать, нашлось дело — чтобы воплотить даже малую часть задумок гуру, требуется много рабочей силы.

Но все зависит от контекста. Прежде чем признаться, что им в спину дышат антаги, гуру долго прикрывали эту вонючую кучу дерьма газеткой — прощупывали, до какой степени мы готовы прогнуться.

Так мне кажется.

Гуру вели себя разумно. По большей части. Они дальновиднее людей, что неудивительно, учитывая их небесное происхождение. Гуру охотно помогали даже тем странам, которые отрицали их существование. Пришельцев ничуть не смущало, что многие земляне иронизируют на их счет, а некоторые и вовсе открыто глумятся. Порой казалось, что они даже поощряют такие выходки. Надо же как-то выпускать пар. В конце концов, в гуру *нет* божественного начала. Простые смертные, как и мы.

Но подобно богу Авраама, Исаака и Иакова, гуру являли себя лишь избранным. Слухи множились с бешеной скоростью, но те немногие, кому удавалось пообщаться с пришельцами вживую, держали язык за зубами.

А потом — как раз перед тем, как рассказать о пресловутой куче дерьма, — гуру озвучили Эскорту свой первый указ. Даже не указ — убедительную просьбу.

Гуру заявили, что ругательства с сексуальным подтекстом оскорбляют их чувства. Отныне землянам запрещено насмехаться над священными биологическими функциями размножения. При этом наши инопланетные гости не возражали против богохульства — Иисуса, Аллаха, Кришну и Брахму можно поносить на чем свет стоит, но матерные ругательства и производные от них — под строжайшим запретом.

Отказаться от мата непросто — эти слова глубоко вросли не только в нашу повседневную жизнь, но и в шоу-бизнес, и даже в искусство, и гуру, разумеется, не стали устраивать показательную порку для провинившихся, зато намекнули, что если мы продолжим в том же духе, они разочаруются в нас и перестанут делиться научными открытиями. Может, даже соберут вещички и улетят навсегда.

Человечество лишь посмеялось в ответ. Едва разнеслась весть о постройке плотины,

поток забурлил с новой силой. В течение пары-тройки месяцев люди старались перешеголять друг друга, изобретая все новые ругательства, одно извращенней другого.

Гуру сдержали слово и перестали выходить на связь. Не проронили ни слова за три месяца. И вот тогда-то началась всемирная кампания за чистоту языка. У курочек чересчур нежные ушки, но разве это мешает им нести золотые яйца? Пришельцы развивают нашу экономику — где уважение, где благодарность? Впервые за всю историю человечества люди перестали сквернословить.

В двадцатом веке было модно изобретать всякие безобидные аналоги для матерных слов — как эрзац-кофе или электронные сигареты или нелегальный джин во времена сухого закона. Пришла пора оживить забытые таланты. Один популярный блоггер из Пекина — тысячи подписчиков по всему свету — придумал заменять все матерные ругательства на «звездец». Он так подробно расписал, почему «звездец» не имеет никакой сексуальной коннотации, что успокоил даже самых закоренелых перестраховщиков.

Слово прижилось и породило кучу производных: звезданутый, не звезды и т. д.

Бойцовый Петух всегда был предельно осторожен.

Этим дело не кончилось. У меня нет доказательств, одни догадки, но очень уж все сходится...

Примерно через три года после появления гуру началась череда таинственных исчезновений. В основном мужчины, но изредка и женщины тоже. Всех пропавших обвиняли в насилии на сексуальной почве. Подонки вроде Гровера Садбери. Помните такого?

Исчезновения продолжают и по сей день. На загадку века, конечно, не тянет, но все равно интересно.

Мысли, которые не дают уснуть

Этим утром я снова думаю о Марсе. Вот что странно: иной раз я стоял в гермоскафе посреди безжизненной Красной пустыни — вокруг только застывшая лава, пыль и песок — и чувствовал себя свободным, нужным, окрыленным, а сейчас стены этой роскошной квартиры давят на виски сильнее, чем экран шлема. Даже воздух, которого тут в избытке, кажется тягучим словно желе, от него становится тесно в груди, и он противнее, чем вонь протухших фильтров.

На столе нетронутая тарелка с хлопьями. Они кишат жучками. Прямо не знаю, что делать с этой живностью — вывернуть их в мусорку или завести с ними беседу. Чувствую себя хреново. Меня трясет, но не от кофеина, хотя я только что выпил кружку свежесваренного крепкого кофе — на Марсе о такой роскоши можно только мечтать. Меня трясет оттого, что мои сверхчувствительные кошачьи усы подсказывают: близится момент, когда я получу ответы на все вопросы, и эти ответы мне не понравятся. Не хочу ничего знать. Я отключил телефон и домофон, теперь зайти в квартиру может только тот, у кого есть ключ. Не надо мне новостей. Забаррикадируюсь внутри и буду терзаться и дрожать в одиночестве. Хватит. Достали. Я потерял все ориентиры, я не знаю, где я. Скорей бы пришел Джо или кто-то, кто объяснит, что за хрень творится кругом и сколько еще мне нужно держаться в тени.

Господи, в каком же я дерьме. Вляпался по полной.

Я смотрю на дверь. Холл, отделенный от гостиной несколькими ступенями, освещен лучами занимающейся на востоке зари. Восходящее солнце разноцветными бликами отражается в сине-зеленых окнах и стеклянных стенах соседнего небоскреба.

Кто-то идет сюда. Мои сверхчувствительные усы говорят мне, что это не Джо. Это незнакомец. Я встаю и на автопилоте бреду к двери. Дрожь все никак не унимается. Когда моя нога касается первой ступени, раздается звонок — колокола Биг-Бена. Ужасно старомодно. Проходит целая вечность, прежде чем я отпираю замок, но кто бы ни стоял по ту сторону, терпения ему не занимать. Распахиваю дверь. На краткий миг мне кажется, что сейчас я дам выход своей злобе, выпрыгну навстречу с криком «буу!», но я не двигаюсь с места.

Незванный гость оказывается женщиной. Маленькая, черноглазая, с пышными формами, аккуратным носиком и коротко подстриженными рыжими волосами, она стоит на пороге и смотрит на меня без всякого выражения — расслабленно и спокойно. На незнакомке серое пальто и красно-фиолетовый шарф, а пахнет от нее розами — такие духи обычно выбирают женщины в возрасте. Но она едва ли старше меня.

— Да? — говорю я.

— Меня послал Джозеф.

Многозначительная улыбка.

— Он сказал, я найду вас здесь.

Женщина заглядывает мне за спину, пытаюсь рассмотреть квартиру.

— Он очень извиняется, что не смог прийти сам. Надеется на ваше понимание.

Я стою на пороге как баран и молчу.

— Джо дал мне код от домофона и лифта, — говорит пахнущая розами женщина.

Я продолжаю пялиться на нее.

— Можно войти? — спрашивает незнакомка. Спокойно, твердо, и не ходит вокруг да около. Ей явно не впервой иметь дело с космодесантниками, которым звездеч как плохо.

— С Джо все в порядке?

— От него нет вестей уже несколько дней.

— Где он?

— Не знаю.

— У него проблемы?

— У Джо *всегда* проблемы.

— Вы его девушка?

— Я что, похожа на дурочку?

Милая улыбка смягчает резкость ее слов.

— Он *пригласил* меня сюда — поговорить с вами. Монета у вас?

— У меня много всяких монет.

— Но эта особенная. Очень важная. Серебряная?

— Это вы должны сказать, какая.

— Платиновая.

— Ага.

— Что на ней написано?

— Цифры.

— Верно.

Кажется, я прошел ее проверку, по крайней мере, начальную.

— Вас, наверное, волнует судьба Тил. Последнее, что я слышала — она жива. Правда, это было давно.

— Откуда вы знаете про Тил?

Она склоняет голову набок и протягивает руку.

— И все-таки, можно войти?

Я освобождаю проход, женщина шагает через порог, и я закрываю за ней дверь. Дрожь внезапно стихает. Хорошо, когда ты не один. Внезапно мне хочется поделиться с ней моей историей. Надоело держать все в себе. Кажется, я иду на поправку.

— Пахнет кофе, — говорит незнакомка.

— Я ничего не чувствую. Отходняк после космолина. Полный звездеч.

— А мои розы? Слышите аромат?

— Ага.

— Ну, значит, и запах кофе скоро почувствуете.

— Спасибо на добром слове.

— Не за что.

Я направляюсь в кухню, достаю кружку и выливаю остатки кофе из графина. Незнакомка не идет за мной. Она стоит в холле и, вытянув шею, заглядывает в комнаты.

— А вы, ребята, неплохо живете.

— Спасибо. Но квартира не моя.

Я даю ей чашку.

— Одеться не хотите? — спрашивает она, стараясь не опускать взгляд ниже моего подбородка.

Я смотрю вниз. Я голый.

— Да, конечно. Извините.

— Джо не говорил вам, что я медсестра?

— Он вообще про вас не упоминал, — бросаю я через плечо, направляясь за халатом.

— Странно. Моя специальность — медпомощь в условиях вакуума и минимальной гравитации, метаболизм во время боевых действий, а также кислородные травмы: аноксия и гипоксия.

— СНЗВ? — спрашиваю я из спальни.

— Нет. Они, кстати, большие молодцы — многим ребятам помогли. Но я работала на орбите.

— До сих пор на службе?

— В отпуске на неопределенное время. Жду трибунала.

— Ух ты, повезло.

— Хм.

— Как вас зовут?

— Меня не зовут, я сама прихожу.

— Круто. Вы друг только для Джо или для Тил тоже?

— Я друг для всего Марса. Надеюсь.

Я возвращаюсь в холл, завязывая по пути пояс халата.

— Покажите мне монету, — просит она.

Я ни на секунду не выпускаю серебристый диск из рук. Сжимаю его в ладони как Голлум — «моя прелесть!» — по моим наблюдениям, это началось еще на Марсе, в штольне. Я нерешительно, даже робко разжимаю кулак и протягиваю руку.

Незнакомка хочет взять монету.

Я отдергиваю ладонь.

— Имя, звание, порядковый номер.

— Первый лейтенант Элис Харпер, медслужба корпуса морской пехоты США, ожидаю трибунала и увольнения из армии с лишением званий и привилегий.

— Ограничения по здоровью?

— Множественные раковые опухоли. Их вылечили, но космолин мне теперь противопоказан. Дорога в космос закрыта навсегда, — говорит она и, чтобы рассеять мои подозрения, добавляет: — Это мои настоящие имя и звания, *придурок ты безмозглый*.

Вот теперь она и правда похожа на космодесантницу.

Я снова протягиваю Элис платиновый диск. Женщина крутит его в руках — у Элис маленькие, изящные пальцы, а ногти обрезаны под корень и покрашены бесцветным лаком — переворачивает, подносит к глазам, потом отдает мне обратно.

— Хорошо сохранилась.

— Что ты имеешь в виду? Вторая монета...

— Расскажи мне обо всем, что произошло, — говорит Элис, делая шаг в комнату. — Можно присесть?

— Конечно.

Она опускается на диван.

В тот же миг у меня срабатывает какой-то внутренний блок: *не хочу я ничего говорить*. Не хочу чтобы они снова и снова умирали у меня на глазах. Я стою посреди комнаты как баран, пялюсь в окно и молчу.

— Поверь, я умею слушать. Если расскажешь мне все, то, возможно, я смогу объяснить значение монеты.

Надо взять себя в руки. Я ведь хочу узнать больше. Кое-что я уже понял. Немного, но для начала достаточно. Алжирцы и форы не были первыми, кто нашел штольню и стал добывать там полезные ископаемые. За три-то с половиной миллиарда лет.

История становится все масштабнее, все запутанней. И погружаться в нее надо не торопясь, постепенно. Как в обжигающую ванну.

Жара нарастает

Мы с Тил возвращаемся в северный гараж и надеваем гермоскафы. Их подзарядили, почистили и вставили новые фильтры, так что теперь внутри почти комфортно. Не первозданная свежесть, конечно, но и не прокисший рассол. В костюме закачан шестичасовой запас кислорода, и это успокаивает. Ведь если дела обернутся плохо, нам придется уходить в спешке.

— Форы убить вас поп'таются, — шепчет мне Тил. — Они цветных нен'видят, а ваши женщины еще и к'мандовать любят.

— Цветные лучше переносят космические перелеты, — говорю я.

— Отец тоже так сказ'вал, — отвечает Тил, повернувшись ко мне спиной.

Мы направляемся к лестнице, чтобы еще раз подняться на смотровую площадку. Надеюсь, теперь, когда включился генератор, она хоть немного прогрелась. Тил останавливается у подножия лестницы.

— Форы ч'го только не имели, — говорит она.

Вся ее поза — плечи напряжены, спина сгорблена — выражает возмущение глупостью и жадностью врагов.

— Б'гатство, и еду, и металл, и энергию в'ды, пока хобо лился. Он и сейчас т'чет, там внизу, где с'хранно. Но форам т'го мало было. Т'перь с ними никто торговать не хочет, потому что они алжирцам зло прич'нили. И отцу моему.

Я оставляю ее слова без ответа. Сейчас моя задача — произвести разведку на северо-западном направлении. Мы молча карабкаемся по лестнице. В смотровой башне и правда стало теплее. Вмонтированный в стену обогреватель потрескивает, когда с него обваливается многолетняя пыль.

Тил поднимает ставню.

Мы оба замечаем, что там, где раньше находилось размытое коричневое пятно, теперь возвышается стена пыли. И это не буря. С запада на нас что-то идет, движущиеся объекты образуют широкую тридцатикилометровую дугу, от одного угла смотрового окошка до другого.

Но что это за объекты?

Я закрываю экран шлема и включаю виртуальный безлинзовый бинокль. Прибор измеряет углы падения света по всей площади экрана и проецирует на сетчатку глаза увеличенное инфракрасное изображение, а ангел анализирует полученную картинку. Гуру-технологии в действии.

Тил достает перископ, едва касаясь пальцами холодного железа. Нет времени ждать, пока он согреется. Вероятно, перископ тоже оборудован биноклем, но я сомневаюсь, что Тил видит то же, что и я. Фалангу вражеских машин в облаке пыли, а за ними — плавно покачивающиеся в воздухе аэростаты — гигантские воздушные шары. Самый маленький — сто метров в диаметре. Ангел указывает мне на тонкую линию машин перед кромкой пыльного облака. Идут на скорости. Их очертания кажутся знакомыми, может, они не представляют угрозы...

Экран вспыхивает фиолетовым. Анализ закончен. Ангел ликует — тонкая линия впереди — не что иное, как наши машины. Их немного, двадцать-тридцать от силы, но они прилично разогнались и, скорее всего, достигнут штольни быстрее антагов.

— Пыль одна. Больше не вижу нич'го, — жалуется Тил, отстраняясь от перископа. — А ты?

Как обычно, при виде приближающегося дерьма я цокаю языком и нервно барабаню пальцами. Привычка.

— Кролики улепетывают от антагов. Скорее всего, кавалерия, — говорю я вслух.

А про себя думаю: «Но их слишком мало, а на хвосте — целая куча индейцев».

Никогда не видел такого скопления антагов.

Я пытаюсь связаться с Бойцовым Петухом, но радиоволны не пробиваются сквозь толщу металла и камня. Диджей сейчас снаружи, пытается поймать сигнал спутника. Но он по другую сторону штольни, у южных ворот, а значит, ничего не заметит.

— Иные с дальних звезд? Им вед'мо, что мы здесь? — спрашивает Тил.

— Без понятия.

Я изо всех сил прижимаюсь к плексигласовому экрану. Надеюсь, луч достигнет цели. Нашептываю ангелу послание, и тот посылает вдаль лазерный сигнал. Сменяет несколько каналов — ищет оптимальную частоту. Сообщает, что шансы невелики — слишком толстый плексиглас и слишком много пыли снаружи.

— П'лучилось? — спрашивает Тил.

— Кто его знает. Нам пора. Закрывай ставни. Не хватало еще, чтобы тепло нас выдало.

Тил исполняет мою просьбу. Мы спускаемся и идем в южный гараж.

Несмотря на протесты Койл, Бойцовому Петуху и де Груту удается заключить шаткое перемирие. Капитан хмурится — недовольна, что ее не послушались. Бойцовый Петух каким-то образом убедил форов помочь нам с обороной шахты. Пластиковые шнуры, стягивавшие запястья колонистов, валяются на полу. Мне не по себе оттого, что форы не связаны, хотя какого черта? Другого выхода все равно нет.

— Я послал лазерный луч в восточную сторону.

— Не лучшая идея, — замечает капитан.

— Но нам нужна помощь, — ошарашенно возражает полковник.

— Может, и так, — соглашается Койл, хотя вид у нее по-прежнему безрадостный.

Как-то странно она себя ведет — в который раз отмечаю я.

Казах и Тек взяли в помощники Рейфа и Андреаса и набросали в пыли карту, обозначив на ней основные туннели и входы. Рассказ о том, что я увидел в смотровой башне, приводит их в дикое волнение. Койл выбирает троих из своей команды и велит им спуститься на нижние этажи и проверить припасы. Не могла бы Тил показать дорогу? Девушка косится в мою сторону. Я киваю, и она соглашается. Доверяет мне. Но черт меня раздери, если я понимаю, что здесь творится.

Рейф совещается с форами, а де Грут обговаривает с Бойцовым Петухом и Теком последние детали. Если товарищи получили мой сигнал и мчатся к штольне на всех парах, то мы откроем северные ворота и заведем внутрь всех людей и столько машин и вооружения, сколько поместится.

Заляжем на дно — может, пронесет, и антаги проедут мимо.

Но в глубине души мы понимаем: напрасные надежды. Антаги пришли на Марс всерьез и надолго и постараются заграбастать все ресурсы, до которых смогут дотянуться.

У них есть глаза в небе.

И они знают, что мы здесь.

Дерьмо тоже иногда приходит откуда не ждали

Тил и сестры возвращаются еще до моего ухода. Маскианка выглядит встревоженной: что-то не так, но она не решается высказать свои опасения. Может, расстроена нашим вынужденным союзом с форами?

Хорошо бы услышать эту историю из непредвзятого источника, но с другой стороны, кто знает проблемы Зеленого лагеря лучше самих маскианцев? Да и песчаную вдову никак не назовешь витающей в облаках глупышкой. Она уже хлебнула лиха. Стала предательницей поневоле. Маскианцы по сути вынудили Тил к бегству, а потом испугались потерять свою долю шахты и натравили на девушку форов.

А теперь мы на глазах у Тил любезничаем с ее врагами.

Сокрушительный удар.

Команда Койл докладывает, что генераторы в полном порядке. Тил подтверждает. Бойцовый Петух приказывает нам с Теком занять наблюдательный пост у северных ворот. Мы укроемся за каменным уступом и будем выглядывать из-за него. Приближающиеся машины должны быть видны как на ладони.

Я осматриваю транспортный шлюз. В него могут заехать только три «скелла» или две «тонки» одновременно, а значит, мы не успеем загнать в гараж все машины, даже если там хватит места.

Проходим в малый шлюз. Он предназначен для людей и вмещает где-то десятерых. К вечеру подморозило, довольно сильно, но терпеть можно. Я трясусь и лязгаю зубами от холода. Пустяки, бывало и хуже. Главное, чтобы вражеские спутники не засекали наш инфракрасный след и не пальнули по нам сверху.

Стена пыли на северо-востоке не приблизилась, но стала гораздо выше. Теперь машины видны даже невооруженным взглядом. Облако стремительно движется к нам. Пыль вокруг беглецов, должно быть, стоит столбом, но они и так знают, кто у них на хвосте. Меня пробивает холодный пот.

Мы с Теком соприкасаемся шлемами и начинаем болтать, чтобы убить время.

— Сколько дней между космо-фреймами? — спрашивает Тек.

Ответ известен нам обоим, но я все равно произношу его вслух:

— В среднем сорок три. Зависит от времени года.

— Сколько оборудования на транспортной платформе?

— Шестьсот тонн.

— Какая доля вооружения, транспорта, палаток?

Про фонтаны Тек не спрашивает, воды и припасов у нас сейчас хоть отбавляй.

— Сорок процентов транспорта, двадцать вооружения, — я без запинки выдаю знакомые цифры.

Вообще-то соотношение варьируется от поставки к поставке, и космодесантники никогда не знают наверняка, сколько чего сбросят. Так что мы чешем языками почем зря. Но мы очень надеемся, что на приближающихся транспортных платформах будет оружие сверхмощного поражения. Тонны отработанной материи, чтобы стереть ненавистных антагов в порошок.

— Я бы не отказался от стейка, — говорит Тек.

— Лучше не заводи эту песню, — отвечаю я, но сглатываю слюну при мысли о

скворчащем на сковородке мясе.

— А какую тогда? Про красотку Данни? Горячая цыпочка!

— Капитан Койл — наша сестра. Будь она здесь, тебе бы не поздоровилось.

— Думаешь, она бы меня отшлепала?

У Тека есть понятие о достоинстве, но от этого он не перестает быть мужчиной. Правильно подколоть напарника — целое искусство. Скажешь что-то совсем безобидное, и игра перестанет быть интересной, а перегнешь палку — отвлечетесь от наблюдения и провороните врага.

— Здесь, на Марсе, можно сколько угодно нарушать протокол, — заявляет Тек. — Мысленно.

— Смотри, чтобы ангел не записал твои слова.

— Резонное замечание. Ангел, прости меня! — Тек оглядывается по сторонам. — Говорят, Койл ушла в спецназ.

— Вроде да. После Хоторна я как-то потерял ее из виду.

Мы погружаемся в раздумья. У нас с Койл разные приказы и разные цели. Спецназ — он как подводный риф. Может спасти тебя, а может и потопить.

Наши ангелы молчат. Мы никогда не знаем, что они пишут, а что нет. Впрочем, ни одна из таких дурацких бесед и ни одна сцена смерти до сих пор не попала в телевизор. Может, мы чересчур доверчивы, а может, космодесантников оберегают от скандала, потому что мы избранные и чертовски ценные. А может, у нас просто нет денег на приличный кабельный канал.

— Сколько еще до них? — спрашивает Тек.

Мы не измеряем расстояние лазером по двум причинам. Во-первых, пыль все равно поглотит и рассеет луч, а во-вторых, экран шлема может просчитать угол наклона и степень увеличения изображения подобно тому, как фотоаппарат находит фокус, и выдать довольно точный результат. Поэтому Тек уже знает ответ.

Но я все равно говорю:

— До головного отряда пять километров.

— Подкрепление. Оружие и транспорт.

Наши ангелы пытаются определить, что именно скрывается за облаком пыли.

— Четыре больших «тонки», — говорю я. — Парочка «скеллов». «Чести». Один или два «трандла».

— Ого! Интересно, а что на платформах? Оружие, с которым мы умеем обращаться, или всякая научно-фантастическая хрень, к которой непонятно, с какой стороны подойти?

Заполучить оружие категории МУП — Максимальный Урон Плюс — голубая мечта любого космодесантника. Мы часто представляем, как нам неожиданно сбрасывают это потрясающее сверхмощное оружие — сюрприз! — и загружают ангелам ознакомительный модуль. Военно-промышленный комплекс Земли развивается семимильными шагами, но с обучающими видео до сих пор затык: гуру объясняют в двух словах, каким прибором можно пользоваться, но не рассказывают, как применять его наилучшим образом.

Сейчас МУП для нас — несбыточная мечта. Говорить о нем — только душу травить.

Поэтому мы меняем тему.

— Песчаная вдова запала на тебя, Венн, — говорит Тек.

— Она загнана в угол.

Я рассказываю ему о взаимной неприязни Тил и форов.

— Хреново. Думаешь, они хотят ее прикончить?

— Спят и видят, да нельзя пока.

— Неудивительно, что Койл так старалась их разделить. А я-то думал, на Марс переселялись только безобидные очкарики.

— Куча народу мечтала свалить подальше от Земли. Богатые и бедные, ботаники и просто те, кого все достало.

— Кажется, наши гости не очень-то жалуют смуглокожих. Взять хоть меня. Такое чувство, что они просто не знают, как вести себя в моем присутствии.

— Мало кто знает, Фуджимори. И потом, за что колонистам нас любить? Антаги раздолбали лагерь форов. А те орут на каждом углу, что это наша война, а не их.

— И все-таки, ты ей нравишься. Кстати, из чего та монета, которую ты нашел в комбинезоне? Что сказал Ними?

— Платина.

— Думаешь, тут внизу платиновое месторождение?

— Может быть.

— Вот дерьмо. Мы как будто ребята из «Грязной дюжины»^[22].

— Скорее уж из «Удержать замок»^[23]. Или из «Героев Келли»^[24].

В свободное время космодесантники играют в «стрелялки» на компьютере или смотрят фильмы про войну. Некоторые читают книжки. Тек делает и то, и другое, и третье, но в отличие от Ви-Дефа не запоминает всякую ерунду.

Тек фыркает.

— Сколько осталось?

— Три километра. Они приближаются.

— А что там за «тонками» и платформами?

— Похоже на «гусениц». А сверху аэростаты.

— Будут сбрасывать бактериальные иглы.

— Не забудь надеть шляпу.

— Ага. Большое железное сомбреро.

Тек очерчивает над головой широкий круг и делает вид, что прячется в расщелину между камнями.

Воздушная поддержка на Красной планете — непростая задача. У самолета должны быть охрененно большие крылья, а это снижает маневренность. Все, что летает в марсианском небе, обречено быть громоздким и неповоротливым — идеальная мишень. Попасть в аэростаты антагов — раз плюнуть, но они дешевые, легко заменяются и на удивление живучи: чтобы сбить такую громадину, надо отстрелить от нее — или сжечь — чуть ли не половину. Тогда они шлепаются в марсианскую пыль как выброшенные на берег медузы. У нас на вооружении нет ни аэростатов, ни бактериальных игл. Даже не знаю почему. Антаги знают о нашей биологии явно больше, чем мы об их.

Я кладу ладонь на холодный базальт. Камень дышит древностью. Может, он откроет мне какую-то глубинную истину?

Я ловлю на себе взгляд Тека.

— Проникаешься духом Красной планеты? И как, чувствуешь что-нибудь?

— Энергию.

— Чепуха.

Это как сказать. Я разглядываю платиновый диск с выгравированными по кругу

цифрами. Что-то тут явно не сходится. Ни один фор не оставил бы в кармане такую ценность. Может, владелец монеты умер, не успев никому рассказать про нее? Но ведь Тил знала о ее существовании. От отца, скорее всего.

Или хозяин комбинезона присматривал за шахтой, после того как все остальные ушли.

Ага, и в какой-то момент он подумал: «Не походить ли мне голым?» — и снял комбинезон. А монета осталась в кармане.

А сам зритель до сих пор в шахте, глубоко внизу, барахтается в зеленой пыли.

ВШПОЗ.

— Три километра, — повторяет Тек.

— На сколько они оторвались от антагов? Не могу разглядеть.

Мы думаем об одном и том же. Внешние ворота слишком хлипкие. Враг разнесет их в щепки одним ударом.

— Километров на пять. У нас будет минута или две, чтобы впустить гостей.

В каменной «гавани» достаточно скал и валунов, которые могут служить прикрытием. Все, что нам нужно — найти возвышенность с зоной обстрела 360 градусов и установить там сильнополюный расщепитель — «газонокосилку». Это грозное оружие похоже на трубу с двумя соплами, торчащими с обоих концов, и двумя рукоятками, между которыми расположены кассеты с отработанной материей. Одно движение руки — и на твоих противников обрушивается смертоносный шквал.

Возле внутреннего люка мы натываемся на Диджея, слоняющегося по пещере с потерянным видом.

— А где все? — спрашивает он.

— Кто именно?

— Да *все*. Автобусы форов стоят в южном гараже, машина фермерской женушки тут, — Диджей показывает на маскианский багги, припаркованный возле других колымаг. — А люди куда-то подевались.

— Ты прошел через всю пещеру и не встретил ни души?

— Не-а. Только туннели и пыль.

— А где полковник и капитан Койл?

— Где-где... где и остальные, — огрызается Диджей.

Он явно напуган.

— Мне никто ничего не сказал. Откуда мне знать?

Я обхожу гараж по кругу и всматриваюсь в следы на полу. Вот отпечатки наших ног, ведущие от входа к внутренним дверям. Их в разных направлениях пересекают еще несколько цепочек следов. И все.

— Форы, мать их за ногу, — говорит Диджей.

— У сестер была «газонокосилка»! Как чертовы форы могли справиться с ними?

Вопрос остается без ответа. Тек в задумчивости.

Нас всего трое в северном гараже. Гости приедут с минуты на минуту, а мы понятия не имеем, как их встречать.

Хобо и штольни, часть вторая

Элис откидывается на подушки, кладет руки на спинку дивана, поглаживает кожаную обивку своими холеными пальцами.

— Откуда взялась штольня? — спрашиваю я.

Пристальный взгляд.

— А разве Тил или Джо тебе не рассказывали?

— Чего не знаю, того не знаю.

— Ты проверяешь меня.

— Ты проверяешь, я проверяю. Я всего лишь задаю вопросы, которые не лишены смысла. Значит, я иду на поправку. Верно, док?

Уголок ее рта дергается. Женщина в последний раз смотрит на платиновый диск и осторожно кладет его на стеклянный столик между нами. Не думаю, что Элис хочет заполучить монету. Скорее наоборот — этот странный артефакт пугает ее.

— Никто и не предполагал, что такая структура может существовать. Мы придумывали кучу объяснений... но всегда оставались неувязки.

— Кто — мы?

— Эксперты и скептики.

— Увлекаешься геологией?

— Когда-то я изучала спутниковые съемки и целый год занималась составлением тактических карт. А потом отправилась в космос — увидеть Марс своими глазами. Когда мы были на полпути, на Солнце произошла вспышка. Радиационная буря длилась шесть дней. Все наши четырнадцать фреймов получили большую дозу облучения. Космолин не помог. К счастью, когда мы долетели до орбиты, антагов там не было. Слишком они умные, чтобы высовываться в такую погоду. Мы получили приказ лететь обратно, так никого и не высадив. Двенадцать фреймов вернулись, а два пропали. Застряли на орбите навсегда. После этого меня на полгода отправили в Мадиган, на реабилитацию. Карьера накрылась — кому нужны офицеры, которые не могут летать в космос?

— Тебя за это отдали под суд?

— Нет, история с трибуналом была позже.

— По крайней мере, ты осталась в живых.

Элис смотрит в окно и поводит рукой, отрывая запястье от кожаной подушки.

— Так я оказалась на гражданке. С этого момента мне платили за то, чтобы я сходила с ума от скуки и через год пустила себе пулю в лоб. Хорошенькая сделка, да?

Похоже, все военные в отставке чувствуют себя одинаково.

— Тогда я решила сосредоточиться на образовании. Записалась на все курсы по истории колонистов, какие только нашла. Их оказалось немного — финансирование уменьшалось, и университеты сворачивали программы. Мне кажется, гуру терпеть не могут переселенцев. Я начала с естественных наук, затем перешла на геологию. Изучала, каким был Марс миллиарды лет назад. Оказалось, что многие гражданские интересуются Красной планетой: пацифисты, либертарианцы и просто те, кто без ума от космоса. Сначала они приняли меня за шпионку, но потом их подозрения развеялись, и мы нашли общий язык. Но никто не предвидел, *чем* все закончится.

— То есть ты занималась социологией, историей — и геологией?

— Да. Потом встречалась с правозащитниками из Сакраменто и Парижа, которые помогают колонистам. А после со мной на связь вышла организация «Марс Плюс» из Нью-Мексико.

— Институт космических исследований Сандия, — говорю я. — Входит в состав военно-воздушных сил, так?

— Да.

— Джо передал тебе сообщение через них? Или Тил?

— Не знаю, кто именно. Но Джо говорил, ты знаешь про штольню много интересного. Опиши мне ее еще раз.

И я описываю — сыплю метафорами, пытаюсь передать картину во всех красках. Гигантский корень мандрагоры, тонущий в море застывшего базальта, уходящий в кору Марса на многие километры. Огромные залежи металлов. Чудовищно тяжелые. Ума не приложу, как штольня держится на поверхности?

— Этот вопрос многих волнует. Думаю, начальство сейчас бороздит Марс вдоль и поперек в поисках похожих структур.

Еще один пристальный взгляд.

— Наверное, — отвечаю я, делая вид, что ничего не понимаю.

В последнее время это совсем нетрудно.

— А может, и нет, — Элис резко выпрямляется. — Тебе не приходило в голову, что гуру не хотят, чтобы мы узнали о существовании штольни? Или нескольких штолен?

— Почему?

— Потому что это подтолкнет нас к изучению земной гравиметрии. Я, кстати, кучу времени убила, пытаюсь в ней разобраться.

Довольно интересно. Но мы отклонились от темы.

— И все-таки, как появилась штольня?

— Есть основания полагать, что это огромный осколок спутника, упавшего на Марс миллиарды лет назад. Один из многих. Может, самый большой. Полторы тысячи километров в диаметре, того же размера, что и Рея возле Сатурна. Ядро из металла и камня покрыто толстым слоем льда и других летучих веществ. Предположительно, спутник изменил курс под влиянием какого-то другого небесного тела, покинул орбиту Марса и прошел через предел Роша — критическое расстояние, на котором гравитационные силы разрывают спутник на части. Самые крупные обломки сделали где-то пол-оборота вокруг Марса и упали в районе Эллады. Удар невиданной силы растопил мантию и потряс всю планету, пошла вибрация, словно кто-то ударил в гигантский колокол. Кора тоже наполовину расплавилась. Вот откуда на Марсе такая разница между южными взгорьями и северными низинами.

Под влиянием удара водяные частицы на поверхности превратились в перегретый пар и унеслись в космос. Их остатки испарялись через расплавленный кратер Эллады на протяжении сотен тысяч лет. Как пузырьки из стакана с газировкой.

Элис раскраснелась от возбуждения. Процессы, которые она описывает, кажутся ей сексуальными.

— А потом кора и мантия начали остывать и твердеть. Но самые крупные осколки спутника уцелели. Столбы раскаленной магмы поднимались из глубин планеты и поддерживали их, а те колыхались точно перья на ветру.

— Боже мой, — бормочу я.

Элис делает глубокий вдох.

— Это случилось очень давно. Магматические столбы с тех пор остыли, большинство затвердело. Штольня медленно опускается в недра Марса, но часть ее все еще возвышается над поверхностью, а проделанные горячей лавой каналы ведут глубоко вниз, к залежам ценных металлов. Ну как, похоже на правду?

Еще бы. Эта теория безупречна.

— Я прошла испытание?

— Несомненно.

— Значит, теперь твоя очередь рассказывать, — говорит Элис с легким нажимом.

Идите на хрен, мы впишем свои имена в историю!

Мы сходили в южный гараж и вернулись обратно, стоим возле ряда пустых маскианских машин и совещаемся. Как и говорил Диджей, в коридорах ни души. Оружие, принадлежащее Койл и ее команде, тоже пропало. Похоже, пленники и надсмотрщики поменялись местами, и наши товарищи сейчас в большой беде.

— Наверное, у форов есть тайник с оружием, — говорит Тек, расхаживая по пещере. — Они воспользовались им и напали на наших.

А у нас — ничего, кроме пистолетов.

— Но тел нет и крови тоже, — замечает Диджей.

Отсутствие крови, безусловно, радует, ведь Тил пристрелили бы первой. Больше хороших новостей нет. Я не уверен, что мы сумеем открыть ворота достаточно быстро, чтобы впустить спешащих на подмогу товарищей, если, конечно, к нам идет именно *подкрепление*, а не кучка пленных космодесантников, которыми антаги прикрываются как живым щитом.

— Мы более-менее ориентируемся здесь. Спорим, Диджей может провести нас к восточным воротам, — говорит Тек.

— Тил сказала, они заварены. Как и западные.

— А ты проверял? К тому же ворота наверняка можно как-нибудь открыть. Уверен, форы смылись именно через них.

— Но все машины на месте, — возражает Диджей.

— Может, снаружи был еще один автобус, — отвечает Тек. — А больше им и не надо, так? Бросить нас здесь или убить — для форов разницы нет, главное, смотаться до прихода антагов.

— Колонисты не стали бы высовываться сейчас. Слишком опасно. Если начнется битва, антаги их в порошок сотрут. Даже оружие Койл не спасет, форы все равно не умеют с ним обращаться.

— Допустим, — соглашается Тек. — Значит, форы спрятались где-то в подземелье. Но как, черт возьми, они умудрились справиться с Бойцовым Петухом и Койл?

Я перебираю варианты, и наконец, у меня в голове выстраивается теория, которой я и делюсь с товарищами. Один автобус с форами остался незамеченным, и Койл его не реквизировала. Несколько колонистов приехали к шахте с опозданием, увидели, что их друзья в плену, обошли пещеру и запустили лазутчиков через восточный вход. Те подстерегли космодесантников в темных коридорах и напали на них.

А мы тем временем были снаружи и ничего не слышали.

Я в красках расписываю этот радостный сценарий. Тек слушает меня без малейших признаков волнения. Он даже хмуриться перестал. К этому я уже привык — чем хуже идут дела, тем спокойней Тек.

— А почему эти уроды не разыскали нас снаружи и не прикончили?

— Потому что мы им не мешаем, — отвечает Тек.

Мы наскоро делимся друг с другом картами, составленными во время осмотра пещеры: расстояния, подъемы, фотографии и короткие видео. Ангелы всегда исследуют поле боя и делают записи. Картина далеко не полная, но добраться до восточных ворот теперь намного легче. А если по дороге мы наткнемся на оставленные в пыли следы, значит, мы на верном

пути.

Другой вариант — остаться в гараже и ждать подкрепления. Диджей считает, что сможет открыть транспортный шлюз, но сделать это надо быстро — чтобы успели проехать машины и тяжелое вооружение... Тут могут возникнуть проблемы.

Мы просто тянем время.

Окончательное решение за мной — ведь я получил чин сержанта раньше, чем Тек. Я опускаюсь на одно колено, остальные следуют моему примеру. Вместе мы образуем что-то вроде молитвенного треугольника.

— Наши товарищи даже не догадываются, что мы здесь — если только они не получили мой сигнал. Нам не хватит времени завести в шахту всех, да и ворота долго не продержатся. Тек, вы с Диджеем остаётесь в гараже. Я возьму автобус Тил — думаю, я справлюсь с управлением — и поеду навстречу нашим. Помогу им выставить защитный кордон возле северного входа, пока Диджей будет открывать шлюз. Если повезет, впустим внутрь всех, а там займемся форами.

Тек воспринимает идею скептически, зато Диджей полон энтузиазма.

— Правильно! Они наверняка ищут удобное место, чтобы развернуться и дать бой!

— А что помешает антагам прорвать нашу оборону, высадить дверь и ворваться в шахту?

— Лучшего не жди, — хмыкаю я.

«Получим по заслугам, и лучшего не жди», — любимая поговорка космодесантников. Мы обмениваемся хмурыми взглядами. Тек и Диджей склоняют головы, вытягивают губы трубочкой и плюют в зеленую пыль.

Насколько я могу судить, багги не закодирован под конкретного водителя. Если у Тил и был имплантат или специальный брелок, то я его не видел. Хотя откуда ему взяться? Автобус-то краденый. Мы пробираемся к багги, нажимаем кнопку, и люк открывается. Я карабкаюсь в переходный шлюз и оглядываюсь на Тека и Диджея. Киваем друг другу. Кто знает, свидимся ли еще.

Как сказал большой кахуна — инструктор с Мауна-Кеа^[25] — в день нашего выпуска: «Последний раз, моя больше не встретит вашу».

Лучшего не жди.

Игра начинается.

Сквозь лобовое стекло я едва различаю, как Диджей залезает в будку управления. Изнутри багги похож на «скелл» или большую «тонку»: штурвал с двумя ручками и педали. Батарей хватит на десять-двенадцать километров. Можно подзарядиться еще от местных генераторов, да некогда.

Тек отсоединяет кабель. Диджей открывает шлюз. Я жму на газ — буду учиться управлять этой машиной по ходу дела — и автобус с грохотом трогается. Вписаться в дверной проем — та еще задача. Кузов багги со скрежетом задевает створку ворот. Надеюсь, я ее не продырявил — разгерметизация гаража нужна нам сейчас меньше всего...

Воздух с шипением уносится из шлюза, давление падает. У меня закладывает уши. Когда вой ветра переходит в тихий шелест, Диджей открывает внешние ворота. Я толкаю штурвал вперед и влево и огибаю руку тонущего великана. Из средств связи у меня только рация, лазеру сквозь такую пыль не пробиться. Передаю сообщение в коротковолновом диапазоне. Автобус вздымает в воздух тучи песка, наверняка будут помехи. Ничего, прорвемся! Если я почувствую, что меня слышат, буду увеличивать обороты мотора, а потом сбрасывать их, создавая электромагнитный импульс.

Космодесантники и преследующие их антаги доберутся до штольни через несколько минут. Если товарищи знают, что мы здесь, то направятся напрямиком к северным воротам. Если мой лазерный луч до них не дошел, они кинутся от шахты в разные стороны точно волна, разбившаяся о камень.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В автобусе воняет потом и чем-то горелым — может, старыми батареями, а может, проводку закоротило. Отходы из наших гермоскафов без сомнения все еще гниют в мусорном баке сзади.

Воздух снаружи приобретает нежный лавандовый оттенок, а в вышине пылают ярко-розовые полосы. Пыль, поднятая приближающейся волной машин, окутывает багги и все вокруг.

А потом резко, за каких-нибудь несколько секунд, на равнину опускается тьма. На Марсе ночь всегда наступает мгновенно, и лишь тусклый рассеянный свет пробивается вниз сквозь клубы пыли. Но сейчас нет даже его, поэтому и нам, и антагам приходится нестись по равнине вслепую. Я шлю радиосигналы как помешанный. Двигатель послушно сбрасывает и набирает обороты...

Откуда-то слева выныривает «скелл», ослепляя меня фарами. Проезжает так близко, что мы едва не соприкасаемся колесами. Багги трясется и стонет. Без сомнения, наши уже заметили меня. Но догадались ли они, что я тот самый придурок, который послал им лазерный луч? Или принимают меня за маскианца?

Мимо проносится еще одна машина — на этот раз «тонка». На радаре мигают точки. Я различаю в туманной дымке впереди скопление наших машин и продолжаю давить на газ. На моем лице появляется дебильная улыбка — я засек на короткой волне чей-то сигнал. Не голос, а колебание частот. Ответ на пульсацию моего мотора.

— С нами хотят поговорить, — докладывает ангел, — интересуются, откуда мы прибыли.

Я полностью переключаюсь на коротковолновой диапазон, выдаю позывной —

надеюсь, его еще не поменяли, — и запрашиваю разговор со старшим по званию. Через несколько секунд в наушниках раздается сиплый голос:

— Ты кто такой, мать твою, и какого хрена забыл в этой дыре?

Я расплываюсь в улыбке: связь ни к черту, и мой собеседник то и дело пропадает, но он определенно мне знаком — Джо, первый сержант Джо Санчез!

— Нет времени объяснять. Там впереди скала, а под ней — система пещер, есть где спрятаться, но нужно задержать антагов, пока наши не войдут внутрь. Сможешь выстроить ребят перед моим автобусом?

Им некуда податься, я — их единственная надежда. Радар показывает, что у нас по меньшей мере десять машин, сейчас они выстроились в неровную дугу — двести метров от края до края, — напоминающую по форме бейсбольную перчатку.

— Если притормозишь хоть на минуту, засранец ты эдакий!

— Охотно, первый сержант.

Я тяну штурвал на себя и жму на тормоз. Багги останавливается примерно в километре от штольни. Будем поджидать антагов на этом рубеже, если они, разумеется, сочтут нужным остановиться и произвести разведку. Маловероятно. Но с другой стороны, кому охота идти в атаку в пыли и кромешной тьме?

— Будем отбиваться тем, что есть, — говорю я, — ваша задача — задержать антагов как можно дольше, а потом организованно отступить к скале.

Я рассылаю нужные координаты.

— Сколько муравьишек висит у нас на хвосте? — сипит в наушниках голос Джо. — А то даже оглянуться некогда.

Наступила ночь. Тьма вокруг такая, что мы не видим ни черта. Надеюсь, антаги тоже.

— Если навскидку, раз в сто больше, чем вас. Авиация и пехота.

— Выбрать цели для нанесения максимального урона, — хрипит Джо.

— Сэр, они же начнут отстреливаться, — возражает незнакомый голос. — Не знаю, как нам...

Его прерывает женский визг:

— Сдохни, падла, тварь!

— Сейчас мы их поджарим!

Сквозь завесу пыли пробиваются яркие вспышки. Как будто отблески молнии просвечивают через немытое окно. Мне хочется рыдать от восторга: наконец-то настоящая драка! Смертельная схватка — либо ты, либо тебя! Жаль, что я один в багги, и не с кем поделиться радостью. Вот бы Тил могла видеть меня сейчас. Или отец. Или дядя Карл.

Хоть кто-нибудь.

Темнота рассеивается, зарево уже не угасает и становится похожим на диковинный рассвет. Мы палим из всех орудий, и, судя по сиреневым всполохам, у нас есть по меньшей мере один большой болтомет.

Боже, это *чудовищно* здорово.

Земля под нами ходит ходуном, вибрации передаются багги, сотрясают весь его корпус. Сквозь разреженный воздух и заглушающую звуки пыль пробивается визг. Пронзительный звук становится все тоньше и, наконец, уходит в недоступный для человеческого слуха диапазон. «Чести» палит по мишеням из обоих расщепителей, рубит и крошит и поджаривает врага. Другие звуки, другие орудия. Антаги отстреливаются, но растерянно, несогласованно. Хотя как я могу судить — засел в своем автобусе как слепой крот.

Меня распирает от счастья.

Я запеваю песню, кто-то в коротковолновом диапазоне подхватывает ее, и секунд десять мы горланом в два голоса точно сумасшедшие.

Зарево тускнеет, а потом пыль снова вспыхивает розовым, сиреневым и зеленым. К моему автобусу приближается «дьюс» — четыре пары бренчащих колес, в два раза больше «тонки». Я ору от радости. Первая группа наших машин уже отстывает к штольне.

Кто-то колотит по корпусу багги снаружи, я встаю с водительского кресла и иду посмотреть. Я одурел уже до такой степени, что мне все равно, друг это или враг, главное — узнать, неизвестность пугает меня до жути. Незванный гость уже внутри. Я упираюсь ногами в пол и руками в потолок, чтобы не полететь кувырком.

Люк открывается, и ко мне в кабину вваливается космодесантник — это *и вправду* Джо! Наконец-то! Мой старый приятель, у нас за плечами совместная подготовка и четыре броска на Красную планету. С тех пор Джо получил подполковника, об этом ясно говорит серебристый дубовый листок у него на груди, точнее, половина листка — вторая оторвана, и весь гермоскаф залит кровью, которая по большей части уже засохла, но кое-где еще пенится после вакуума. Очевидно, что это не кровь Джо.

— Мастер-сержант Венн, вот везуха-то, — говорит подполковник Джо Санчез, откидывая экран шлема.

Я отдаю ему честь.

— Наплюй.

Джо не дал себе труда отряхнуться от пыли, прежде чем зайти, но мне по барабану — в кабине и так полно песка. Джо на пару минут замирает перед лобовым стеклом — наблюдает за нашим отступлением, потом плюхается на ступеньку позади панели управления.

— Мы получили лазерный луч, отправленный от твоего имени. Это правда был ты?

— Да, сэр!

— Чертовы антаги его тоже засекли. Откуда у тебя эта колымага?

Я в двух словах рассказываю ему про Бойцового Петуха и про кучку офицеров в жалкой провисшей палатке.

— Тил, предыдущая хозяйка багги, подобрала нас в пустыне и привезла к скале с дверью, открыла замок и завела нас внутрь, а потом нам нанесла визит капитан Даниэлла Койл, и с ней одиннадцать сестер. Их подвезли двенадцать злобных переселенцев — форов. А потом все куда-то пропали — Койл с ее командой, форы, Казах и Мишлен и Ви-Деф. Спустились, наверное, в глубь пещеры... Понятия не имею, где они сейчас.

Джо не сводит с меня светло-голубых налитых кровью глаз. Качает головой.

— Великолепно! Дюжина форов. Это сокращение от «фортреккеры»?

— Да. Может, их здесь и больше — мы подозреваем, что другие форы проскользнули внутрь через неохраняемую дверь и напали на Койл. Отобрали у сестер все оружие, включая «газонокосилку». Но они не умеют ею пользоваться.

— Еще лучше! — Джо буквально колотит от усталости.

— Сэр, у вас есть свежие тактические установки? — Забрызганный кровью серебряный листок не располагает к фамильярному тону.

— Двухдневной давности. Антаги сбили все наши старые спутники и уничтожают новые прежде, чем мы успеваем установить связь.

Джо хватает меня за плечо, и мы обмениваемся тактическими установками. Я закрываю

экран шлема, чтобы ничего не упустить. Ангел подает сигнал тревоги, а в верхнем углу мигают розовые точки.

Обмен прошел успешно, но ангел недоволен. Мы облажались: по инструкции нам полагается быть совсем в другом районе.

Я поднимаю экран.

— Ангел в бешенстве.

— Ну и хрен с ним. Бери штурвал и встраивайся в ряд.

Я выполняю его указание ивливаюсь в поток отступающих машин. Еще один орудийный залп просвечивает пыль сиреневым. «Чести» будет отходить последним.

— Ты передал какую-нибудь инфу на спутник? — спрашивает Джо.

— Диджей пытался, но вряд ли у него получилось.

Джо потирает переносицу.

— Главное, Винни, — не наложить в штаны с перепугу.

Мы корчим обезьяньи рожи и смеемся. Шутки про тех, кто какает или писает в штаны со страху, на Красной планете неактуальны — в гермоскафе ты делаешь это постоянно, а потому припертые к стенке и лишённые последней надежды, мы не расслабляем кишечник, а просто смеемся. И то не слишком долго.

Теперь настал черед Джо рассказывать:

— Два дня назад был большой бросок. Мы высадились недалеко от района, куда упала комета. По пути словили зарево и потеряли две трети наших фреймов. Но три платформы все же уцелели. Итого имеем шесть «трандлов», пять «генералов Пуллеров», пятнадцать «скеллов» и шесть «дьюсов», все полностью заряжены. Но личного состава маловато — восемьдесят два человека... Большинство командиров погибло. Поэтому... — Джо дотрагивается до окровавленного дубового листка на груди, — мы спасли то, что смогли.

Вспышка света обрисовывает контуры шгольни впереди.

— Сколько времени нужно, чтобы сработал шлюз, и что вмещается туда за раз?

— В малый шлюз можно загнать человек десять, в транспортный — три «скелла» или две «тонки». «Чести» не влезет, да и «трандл», наверное, тоже. С противоположной стороны есть еще одни ворота, надо километра полтора ехать вокруг головы... то есть вокруг холма. Туда станет еще пара «тонок» и, вероятно, «Чести». Может, даже платформу разгрузить успеем.

Джо принимает решение молниеносно:

— Людей заводим в ближний гараж, а крупные орудия пусть едут кругом.

Мой ангел шлет Джо точные координаты южных ворот, тот распространяет их среди бойцов. Я передаю сообщение для Диджея и Тека, надеюсь, они начеку, и форы еще не успели с ними разделаться.

Камера, установленная со стороны водителя, показывает, что происходит слева от меня — на южном направлении. Три покоцанных «дьюса» и «Чести» уходят влево, чтобы обогнуть голову тонущего гиганта. Из-за спины доносится гул их моторов. Камера заднего вида показывает четыре ускоряющихся «скелла» и «тонку» — они идут на обгон и доберутся до великаньей руки раньше нас. В них едет личный состав — его эвакуируем в первую очередь.

— Плохи дела, Винни, — жалуется Джо. — Спаси остатки нашего броска, и я сведу тебя со своей сестренкой.

— Почту за честь.

— Она страшна, как смертный грех.

— Я люблю острые ощущения, сэр.

— Да пошел ты!

Пыль снаружи улеглась, и нашим глазам предстают чернеющий во тьме песок и удивительно звездное небо. Мы разворачиваемся, я увеличиваю изображение на экране и изучаю вражеские ряды. Антаги больше не наступают, но «трандл» все равно время от времени выпускает болты по их неподвижной шеренге. А они молча сидят и наблюдают, точно волчья стая, удивленная, что ее жертвы-кролики перестали убегать и оскалили зубы.

Антаги не боятся нас. Им просто любопытно.

— Сюда стянуты большие силы, — говорю я. — С какими орудиями мы имеем дело?

— Оружие мега-поражения. Предположительно. Не было времени заглядывать им под юбку.

Пыль опускается на равнину и обнажает пустое пространство между нами и неприятелем. Я рассматриваю знаменитые антажи «гусеницы» — цилиндрические стальные сегменты, водруженные на маленькие круглые колеса. Ну и здоровенные же они — по меньшей мере пятьдесят метров в длину и десять в ширину. Никогда раньше не видел таких. В каждой из этих громадин может поместиться несколько взводов, а здесь их *целая прорва*. Так, что мы имеем еще? Куча параллельных роллеров, напоминающих формой гигантские массажные колеса, и несколько якорей для удержания аэростатов. Последние колышутся над шеренгами врага, словно жирные бесформенные медузы. Приземистые платформы наподобие наших «трандлов», на которых установлены нейронные возбудители, более известные как дерьмо-лучи. Они вроде бы придуманы для того, чтобы обездвигивать и захватывать в плен врагов, но обычно служат лишь преддверием к зверской расправе над парализованным, обмаравшим штаны противником.

— Нам за такое приплачивать должны, — бурчит Джо.

Кто бы спорил. Я вижу, как один из болтов врежется в «гусеницу», прямо посередине, и распарывает ее вдоль. С этого расстояния я не могу разглядеть раненых, умирающих антагов, но воображение тут же приходит на помощь. *«Сдохните, суки, так вам и надо! Поджарьте свои легкие, или что там у вас внутри».*

— Почему они не стреляют? — спрашиваю я.

Странно все-таки, что нам не прилетает ответка.

— Ждут, — качает головой Джо.

Он разбирается в происходящем не больше моего и не верит нашей удаче — если, конечно, это удача, а не затишье перед грозой. Мы загнаны в угол, но антаги не торопятся стирать нас в порошок. Почему?

Боятся повредить шгольню?

— Еще плюс две «тонки», — констатирует Джо, когда первая пара машин скрывается за великаньим плечом.

Следом едет «генерал Пуллер», «Чести». Большой «трандл» прекращает огонь и устремляется вдогонку. На месте Джо я расставил бы «трандл» и парочку «дьюсов» вдоль северного склона.

Он так и делает.

Но антаги по-прежнему не отстреливаются.

— Я знаю, что они задумали, — говорит Джо, — дождутся, пока мы все забежим внутрь, и шархнут бомбой. Поджарят нас как цыплят.

— Вряд ли это сработает, сэр.

— Почему нет?

— Пещера большая и очень глубокая.

Да и не станут антаги разрушать штольню: слишком она ценная.

— Но выход-то наверняка завалит, и мы окажемся в ловушке.

— Очень может быть.

Я представляю, как мы будем жить под землей: копаться в грязи, точно кроты, вдыхать зеленую пыль и растить урожай под тусклым светом ламп-звездочек, питающихся от гидроэлектростанции, которая слабеет с каждым днем по мере пересыхания хобо... Продержимся пару месяцев, а потом убьем и съедим форов. Тил я в обиду не дам. Или антаги нас откопают и...

Джо прерывает мои размышления:

— Венн, мать твою, хорош загоняться. Зря я тебя навел на эту мысль.

— Слушаюсь, сэр.

— Там внутри есть еда?

— Немного.

Установленный на платформе болтомет дает последний залп, и все стихает.

Но с северо-запада идет черная туча, закрывающая собой звезды. Аэростат. Будет здесь через пару минут.

Джо смотрит на меня. Я практически уверен, что наши машины уже стоят возле северных ворот, за утесом из застывшей лавы. Но сомневаюсь, что мы успеем загнать их в гараж, прежде чем аэростат обрушит на нас смертоносный дождь.

— Скажи ребятам, чтобы бросали машины и бежали к шлюзу. Пусть забиваются внутрь как селедки в бочку. И то же самое у южных ворот, — советую я.

— Хорошо, — соглашается Джо.

Если антаги слышат и понимают наши переговоры, они, наверное, помирают со смеху. Прикончить нас сейчас — одно удовольствие. Все равно что раздавить перепуганных крыс. Зачем тратить попусту силы и идти в наступление, если можно просто сидеть и ждать, пока иглы сделают за них всю работу?

— Нам тоже надо шевелиться, Винни.

Мы быстро огибаем кулак из застывшей лавы и почти нагоняем наши «скеллы» и «тонки». Космодесантники выпрыгивают из машин и со всех ног несутся к ржавым воротам. Я оглядываюсь — аэростат отстал всего на пару сотен метров. Еще чуть-чуть — и нас накроет стальным дождем.

Мы опускаем экраны шлемов и вместе вылезаем через задний люк. Мчимся вперед словно в тумане, едва чувствуя песок и камень под ногами. Спотыкаемся о колдобины, пошатываемся, делаем крюк вокруг пустых машин и влетаем в каменную бухту почти одновременно с нашими товарищами.

Можно было бы сказать «вливаемся в их строй», но никакого строя нет и в помине, все в панике сгрудилось у транспортных ворот. Диджей что, совсем рехнулся? Почему не открывает? Но тут большой шлюз, уже успевший проглотить первую группу космодесантников, распахивает свой зев для второй партии. Ребята кидаются внутрь, набиваются в камеру так плотно, что едва не ломают друг другу кости, но места все равно не хватает. Двадцать человек остаются за бортом.

Мы с Джо стоим неподвижно. Остальные беспорядочно кружат по двору.

— Прячьтесь за камнями, — кричу я.

Несколько ребят нашли расщелину, где хватит места двоим, и ломятся туда всемером. Я замечаю каменный уступ на противоположной стороне бухты, возле ворот. Он низковат, но если чуть разрыть песок, то мы с Джо вполне сможем протиснуться под него.

Десять человек остаются без прикрытия.

Аэростат висит прямо над нами. Диджею понадобится не меньше трех-четырёх минут, чтобы снова открыть ворота.

Мы сделали что могли.

Стальной частокोल обрушивается с небес, взметая в воздух фонтанчики песка. Десять наших товарищей мечутся по двору словно угодившие в западную крысы. Я почти не слышу их вопли и едва различаю их силуэты сквозь серебристую пелену смертоносных игл. Несчастные пытаются прикрыть головы руками. Напрасный труд! Один дротик — и ты слетаешь с катушек, падаешь в пыль и бьешься в конвульсиях, пока тебя не раздувает до такой степени, что трескается гермоскаф.

У меня больше нет сил смотреть.

Четверо обреченных пытаются вытащить двоих космодесантников из укрытия и занять их место, но те отпихивают их. Тогда они сдаются и понуриив головы стоят под шквалом стрел: плечи опущены, руки безвольно болтаются. Дергаются как паяцы всякий раз, когда дротик впивается в их плоть.

Они утыканы иглами точно ежи.

А потом начинается их медленная зловещая пляска.

Еще четверым не удастся укрыться от стрел даже в убежище. Они вываливаются наружу, выдергивая из тела застрявшие дротики.

А ворота все не открываются.

Я зажмуриваюсь и начинаю молиться.

Последний визит в ад

В квартире прохладно, почти холодно, закат окрашивает пейзаж за окном в блеклые серо-желтые тона. Я переоделся в гражданское, гавайскую рубашку и джинсы. Элис Харпер стоит возле окна, скрестив руки на груди.

— Куда бы человек ни сунулся, всюду одно дерьмо, — говорит она, еще плотнее обхватывая себя руками.

Трудно поспорить. Моя память вызвала к жизни отвратительные картины.

— Думаешь, Зеленый лагерь вправду собирался прогнать Тил в пустыню? — Мне просто *необходимо* сменить тему.

— Безусловно. Рационалисты верят в интеллект, в законы логики. Все предопределено, ДНК решает судьбу, и если ты не голубых кровей, грош тебе цена. Ставят азиатов выше белых, выше черных и латиносов. Придумали себе что-то вроде религии, только смотри, не сболтни это при них. Всему находят математическое объяснение. Догматики, редуccionисты... Техно-расисты. Либертарианство, доведенное до абсурда.

Элис опускает руки.

Меня завораживает ее спокойствие и ее странное воодушевление. Хотел бы я быть похожим на нее. Чувствовать то же, что она. *Что угодно*, лишь бы не быть самим собой.

— Чушь какая-то, — говорю я.

— А ты включи голову. Зачем им Тил? Она ведь сразу дала понять, что не будет иметь несколько мужчин одновременно... и делиться ни с кем тоже не станет. Тил — обуза. Верховная сучка разделается с ней в два счета.

Я даже знаю, как зовут эту сучку. Элли Пекуа.

— Жесть.

Элис Харпер пожимает плечами.

— Когда мы оборвали сообщение и перестали отправлять припасы в колонии, маскианцы еще больше озлобились. На Марсе денег не зарабатываешь, счета оплачивать нечем. Время перерезать пуповину. Тут кому угодно башню сорвет.

— Так какого черта мы воюем? Если всем наплевать на Марс, почему бы не отдать его антагам?

— Потому что гуру... — Элис одаривает меня ледяным взглядом. — Это риторический вопрос, не так ли?

Моя очередь пожимать плечами.

— Мысленно я еще на Марсе. Мне нужно все прояснить, иначе я никогда не вернусь домой.

— Расскажи, что было дальше с тобой и с Тил, — просит Элис.

Легко сказать. У меня перед глазами все еще стоит страшная картина: мои товарищи корчатся в пляске смерти под градом отравленных стрел. А потом аэростат описывает над нами круг и уплывает, и стальной дождь прекращается.

Я снова ощущаю весь пережитый тогда ужас и покрываюсь испариной. Воняю, точно пропотевший качок в спортзале.

Джо выбирается из укрытия, бежит к малому шлюзу и начинает изо всех сил барабанить по нему. Мы с еще четырьмя ребятами следуем его примеру. Я не замечаю грохота, с

которым мой кулак опускается на стальную створку люка, не замечаю вообще ничего вокруг. Сейчас все внимание поглощено другим — я тщательно осматриваю свои руки, ноги, туловище.

Внезапно я замираю. Сердце уходит в пятки.

Из моего предплечья торчит дротик.

О господи.

Джо тоже видит его, но не трогает, не пытается вытащить. Я до сих пор не впал в безумие, значит, игла проколола только гермоскаф и не дошла до тела. Может, срикошетила от чего-нибудь, но так или иначе — не впрыснула свой яд.

Или *впрыснула*, но адреналин блокировал симптомы. Врачи говорят, такое иногда случается.

Мои пальцы скользят вниз. Я должен избавиться от дротика — сейчас же!

Джо перехватывает мою руку, придвигается вплотную к моему лицу и сквозь экран шлема заглядывает мне в глаза.

— Не вздумай!

Маленькие ворота открываются, и мы протискиваемся внутрь сквозь образовавшуюся щель. К тому времени, когда аэростат вновь нависает над плечом тонущего великана, все выжившие уже благополучно забиваются в шлюз. Завидев аэростат, мои товарищи как оголтелые ломаются к дальней стене. Внешние ворота закрываются. Джо загоразживает меня от остальных, боится, что чье-нибудь неловкое движение загонит иглу глубже.

Мои уши и горло ощущают перепад давления.

Внутренняя дверь открывается, и мы толпой выплескиваемся из шлюза. Джо держит мою вторую руку и останавливает меня, когда я раз за разом тянусь к дротику. Со стороны кажется, будто мы кружимся в причудливом вальсе.

Давление поднимается до максимального.

Товарищи замечают дротик и стараются держаться от меня подальше. Они толкают внутренний люк, и тот со скрипом исчезает в стене. Космодесантники один за другим покидают «тамбур», оставляя нас с Джо в одиночестве.

Я перестаю вертеться на месте и вытягиваю раненую руку перед собой.

— Я до нее не дотронусь, — качает головой Джо, — сам знаешь почему.

— Потому что они сверху и снизу, — отвечаю я, с трудом переводя дыхание.

Эти дротики — коварнейшие шутки, в их оперении нередко прячется *второе* острие, впивающееся в руку горе-спасителя, когда тот пытается вынуть иглу.

Я сижу на диване рядом с Элис.

Я стою с Джо во внутреннем шлюзе, рука пылает, разрывается от адской боли.

Сидя на диване, я едва сдерживаю слезы.

Во внутреннем шлюзе я плачу в голос, реву как мальчишка.

Все позади.

Мы по-прежнему в гараже.

Кто-то из космодесантников передает Джо остроносые плоскогубцы. Смешное слово. Наверное, остались от набора для высадки на Марс. Может, подарок от родственника. «Пользуйся, сынок, на здоровье. Будешь вынимать ими отравленное дерьмо, когда оно вопьется в твое тело». Джо фиксирует мою руку. Плоскогубцы замирают в воздухе. Джо дрожит, и я тоже. Господи, сделай так, чтобы все обошлось!

Боже, *не трогай, не надо!*

Джо зажимает дротик и выдергивает его из раны. Только после этого у Джо начинают трястись руки. Он не отшвыривает иглу в сторону, не кидает на пол. Джо едва не поддался панике, но успокоился и вовремя вспомнил, чему нас учили. Другой космодесантник подает ему серебристый пакет, и Джо аккуратно опускает туда дротик. Хлопает меня по плечу.

— Мы не сможем уйти той же дорогой. По крайней мере, пешком.

Двор перед северными воротами усыпан ядовитыми иглами.

Элис слушает молча.

— От меня воняет, — жалуясь я.

— Пожалуйста, продолжай. Расскажи все, что сможешь.

Боже, *как же я хочу*, чтобы пришел Джо! Всемогущий Господь, Иисус и Дева Мария.

Будда и святой Эмиль Капаун^[26], помогите мне! Если Джо не вернется домой, то и я тоже.

Небесные дары

Из инфантильных, прикованных к своей планете неумех земляне превратились в расу, способную успешно воевать на Марсе. Мы не осилили бы этот путь без гуру — они не только показали нам технологию отработанной материи, но и помогли глубже понять нашу биологию, химию и психологию.

Думаю, гуру знают нас лучше, чем мы себя. Ни я, ни мои знакомые никогда не видели пришельцев, но мне кажется, что они высокие, грациозные и умудренные морщинами, но при этом совсем не неженки — раз смогли преодолеть межзвездное пространство и добраться до Земли.

Они отлично изучили наши границы: политические, биологические, психологические. Гуру открыли землянам формулу космолина — зеленоватого геля, которым нас покрывают перед космическими перелетами. Обмазанные этим желе, мы похожи на фрукты в консервной банке. Космолин не усыпляет космодесантников и не замораживает, но погружает их в забытие, тихую умиротворенность.

Некоторые называют его «теплым сном». Старшее поколение помнит, что изначально словом «космолин» обозначался раствор на основе нефти, предохраняющий винтовки и прочее оружие от ржавчины. Наш космолин — абсолютно другое вещество, но какой-то гений маркетинга перенес на него это название, и оно прижилось.

Формула космолина подвела людей к сотне других медицинских открытий, поэтому в каком-то смысле гуру действительно перековали мечи на орала. Теперь можно лететь в космос без опаски: чудо-гель защитит от ржавчины.

Я уже описывал некоторые из побочных эффектов этого препарата, но есть и другие, гораздо страшнее. В одном случае из ста тысяч космолин провоцирует сложную цепочку реакций распада в организме. Однажды мне довелось увидеть такое. Космо-фрейм доставил на марсианскую орбиту взвод космодесантников, все живы-здоровы, и только одному не повезло. Нам так и не рассказали, когда именно и как умер наш товарищ, да мы особо и не спрашивали. Война — это ад, и мы охрененно рады, что с космолином можно не париться из-за четырехмесячного перелета на Марс.

Отработанная материя тревожит эко-паникеров гораздо сильнее. Гуру научились высасывать жизнь или, точнее, вытягивать энергию из всех элементов тяжелее углерода и кальция. Если пробиться к внутренней электронной оболочке и нарушить квантовые связи, произойдет огромный выплеск неядерной энергии. Никаких нейтронов, никакой радиации. Чудовищный поток энергии в чистом виде. Но после этого материя становится выхолощенной, *отработанной* — и очень токсичной. Как зомби: снаружи такая же, как раньше, а внутри мертвая.

Отработанную материю полагается утилизировать в специальном месте на орбите, ее нельзя оставлять ни на Земле, ни на Марсе, нельзя выкидывать как попало в космос.

Ходят слухи, что материя, из которой высосали всю энергию, опасна с точки зрения не только химии, но и физики. Якобы, если она попадет на Солнце или на другую звезду, то спровоцирует цепную реакцию, которая замедлит термоядерный синтез и погасит небесное тело. Понятия не имею, правда ли это. Но я знаю наверняка, что война — это кромешный хаос, и по всему Марсу разбросаны контейнеры с отработанной материей. Думаю, на орбите этого дерьма тоже хоть отбавляй. Поэтому одному богу известно, как нам аукнется

применение гуру-технологий. Будем надеяться, что эко-паникеры волнуются зря, и Солнце не погаснет. Хотя, как показывают последние столетия, эко-паникеры частенько оказываются правы.

Но все-таки создавалось впечатление, что гуру помогают нам бороться с невежеством и жадностью... Прокладывают дорогу в безбрежное светлое будущее.

Пока они не рассказали про антагов и не втянули нас в войну. Пока их война не превратилась в нашу.

Не сдвинуться с места

Я думал, что смогу перескочить к простой и приятной части рассказа: про новые технологии и прочее дерьмо, но не выходит.

Надо перетерпеть эту боль.

У меня перед глазами все еще стоят северные ворота, двор, окруженный гигантской рукой из застывшей лавы, и ребята Джо, умирающие в пыли. Космодесантники, отпихивающие друг друга, лишь бы укрыться от летящих с небес, *ищущих жертву* смертоносных игл. В жизни не видел ничего ужаснее.

Страх — наркотик, помогающий выжить. Если бы не он, мы умерли бы гораздо быстрее. Так умудренные опытом старики говорят неоперившимся юнцам, которым не терпится вылететь из гнезда. Страх — твой друг, в разумных дозах, но если он захлестывает тебя с головой — пиши пропало. Паника убивает быстрее, чем пули. Превращает тебя в обреченного зверя.

Там, в каменных объятиях тонущего великана, мы все ударились в панику: и те, кто лежал в укрытии, и те, кто стоял посреди двора. Готовы были прикончить друг друга, лишь бы спастись от чертовых игл. Ярость нарастает, пожирает меня изнутри. Я потерял право называться человеком, но не потому что видел, как корчась подымают мои товарищи, а потому что *хотел, чтобы умерли они*, а не я. Как я тогда ликовал! Иглы обошли меня стороной, я буду жить, буду трахаться! Может, даже отымею кого-нибудь из их подружек: «Добрый день, мэм, примите мои соболезнования, он уже не вернется, но я могу вас утешить...»

Да пошло все к черту! Меня разрывает от злости на самого себя, на антагов, на то, каким я стал: бесстрашный герой-космодесантник, сопляк, ублюдок недоделанный, прошел столько битв, а как прижало по-настоящему — размяк, распустил нюни, запаниковал. И вот господь погрозил мне большим каменным пальцем, и ядовитая игла намертво засела в руке и хочет ужалить. Тебе от нее не избавиться, урод, трус паршивый! Она прикончит тебя и сожрет, ты распухнешь и лопнешь, а перед этим будешь кидаться на всех как зверь, пока не получишь от своих же товарищей пулю в лоб.

Тем временем в каменном гараже...

«Пик»-«пик»-«пик». Нет на свете таких ругательств, чтобы описать мою ярость. Невозможно выразить словами, кто я и что чувствую. Представьте бездонную кричащую тишину, освещенную багровыми вспышками... Нет, не багровыми! И не ярость это вовсе, а глубокое, святое, животное отчаяние, какое испытывает газель в пасти льва, или динозавр, слышащий хруст своих сухожилий и костей в зубах тирекса. Ты поддаешься панике, а потом умираешь, и другого не дано.

Я живая мертвечина: сломленный, гниющий, разлагающийся ходячий труп. Пытаюсь описать все как было, но у меня не выходит.

Недостовечно как-то получается.

Я умер.

Но до сих пор жив.

Я пытаюсь рассказывать только про главное, про штольню, но то и дело сбиваюсь на исторические сводки или описание техники. Наука для «чайников» — простые слова, которые даже космодесантник в состоянии усвоить. По лицу Элис — грустному,

застывшему, но без тени сочувствия, — видно, что она не понимает меня, что я не могу донести до нее свои мысли. Элис меняет тему:

— Ты хотел рассказать про пещеры, — говорит она, глядя в окно. — Про кристаллы и кремниевую отраву. Про Церковь.

Она уже знает про Церковь.

Как все, оказывается, просто. Элис рассчитывает, что воспоминания о красивой, таинственной и пугающей пещере отодвинут на задний план панику и злость.

Мой гнев, юркий как кролик, превращается в смех. Я хохочу во все горло, Элис удивленно таращится на меня, но я не могу остановиться — она *такая смешная!* Хочет получить сладкий орешек, не раскусив скорлупу. Перейти сразу к главному, пропустив все дерьмо, которое калечит, царапает и обжигает, и дает повод усомниться в собственной адекватности и заставляет меня чувствовать себя, выглядеть и пахнуть как... В самом деле, как кто?

Кто я сейчас — всего лишь уцелевший в бою космодесантник с выжженной дырой на месте души?

А вот и нет.

Теперь я совсем другой. Рассказ про отравленные иглы растревожил гнездо змей, притаившихся у меня в голове. Злобных шипящих змей с чешуей из битого стекла.

Крепкий чай. Выражение, придуманное Диджеем.

Зеленый чай.

Чай с ледяного марсианского спутника.

Я стал таким же, как Тил, только в первом поколении. Никто об этом не знает. Я искуплю вину, если сдамся. Но останусь ли я *собой*?

Неожиданно для нас обоих я выдаю:

— Разговор окончен. Ты не та, с кем можно откровенничать.

Элис поворачивается ко мне и хмурится.

— Прости. Чем я могу тебе...

— Разговор окончен — и точка. Без объяснений.

— Но ты должен рассказать нам все, что знаешь, — требует Элис, краснея от негодования.

— Тогда приведи кого-нибудь, кто побывал там. Кого-то, кто не держит меня за сумасшедшего. И тогда я расскажу. Может быть.

— Но я вовсе не считаю тебя психом. Честно!

— Почему они послали тебя одну? Где весь остальной комитет?

— Какой комитет?

— Который хочет сломать систему и выстроить новую. Вам нужно знать обо всем, что я видел на Марсе. Вы устроите переворот с нашей помощью, а потом избавитесь от нас как от кронштадтских матросов. Пуля в затылок, и нет проблем.

Полный звездац! Какого черта я приплел сюда еще и *матросов*?

— Ничего не понимаю, — медленно говорит Элис, — ты же знаешь, что я пришла сюда по просьбе Джо.

— Назови его погоняло. В смысле, кличку.

— Санка. Правда, Тил сказала бы, что это не погоняло, а прозвище.

Гнев немного стихает, змеи отползают. Будь что будет, все равно я не в силах ничего изменить. Я не знаю, что думать, что чувствовать.

— Тебе известно, где сейчас Джо, — говорю я, но без особой уверенности.

— К моему большому сожалению, это не так. Я получила от него только одно сообщение, и то с опозданием. И нет никакого комитета — по крайней мере, пока — только смутное ощущение, что я могу что-то изменить. Мы можем что-то изменить.

— Комитета не существует?

— Куда нам! Мы слишком невежественные и тупые.

Элис говорит искренне. Она действительно бесится от того, что не может действовать эффективно.

— Ну извини, — отвечаю я, все еще избегая ее взгляда.

Мне по-прежнему хочется, чтобы Элис ушла и оставила меня наедине с моим креслом, темнотой и бесконечной вереницей паромов и грузовых кораблей за окном. Это за них мы сражаемся на Марсе.

— Я тоже хочу, чтобы здесь был Джо, — мягко говорит Элис, — или другой космодесантник, который поймет, через что ты прошел. Потому что для меня это непосильная задача, я знаю. *И я ни за что на свете не согласилась бы очутиться в твоей шкуре.*

Вполне честно. Я постепенно успокаиваюсь. Змеинный клубок не исчез, но немногос притих.

Что касается *другого*...

Мои новые воспоминания одновременно и самые старые. Мне это нравится. Может, эти грандиозные, охватывающие все больше событий воспоминания принесут покой моей изломанной душе.

Элис не отрывает от меня глаз. Я ловлю себя на том, что это даже приятно. Мне нравится сидеть в кресле посреди роскошной серо-голубой квартиры, купленной на заработанные войной деньги, нравится, что взгляд этой красивой сексуальной женщины впивается в меня и держит под прицелом. У Элис есть внутренний стержень, и она вовсе не такая высокомерная, как кажется на первый взгляд.

А самое лучшее — она не пытается понять, что я чувствую.

Отлично. Превосходно.

Но я по-прежнему молчу. Будто меня заморозили.

— Я могу прийти позже, — предлагает Элис после минутной паузы, — когда здесь будет Джо. Или вообще не приходить. Оставить тебя в покое.

Не знаю, какие чувства отразились на моем лице, но Элис испуганно вскакивает с дивана. Я наклоняюсь к ней, в моем голосе прорезаются визгливые нотки:

— Здесь, на Земле, творится что-то неладное, так? Это связано с гуру, антагами и нашей войной на Марсе.

— Да, черт возьми! — отвечает Элис, сверкая глазами. — Неужели до тебя только сейчас дошло?

— Иногда одно без другого не поймешь. Но я почти у цели.

Повисает тишина. Мы смотрим друг на друга, ястреб и мышь, мышь и ястреб.

— Помоги и мне добраться до цели, пожалуйста. Возьми меня с собой. Может, тогда мы распутаем клубок и выясним, в какую игру нас втянули. *А после* на самом деле создадим комитет, в который войдешь и ты.

Я сжимаю зубы и мотаю головой.

— Никаких к'митетов. Мне выйти отсюда надо. По ул'це пог'лять.

Элис щурится, заслышав маскианский акцент.

— Как скажешь.

Она поднимается и хочет идти к двери, но я остаюсь на диване.

— Вчера меня подвозила бабулька на голубом электромобиле. Она сказала, что ее сын пал смертью храбрых на Титане. Ты ничего про это не слышала?

Элис отрицательно качает головой, но по ее лицу пробегает тень недовольства. Что-то здесь не так.

— Откуда она узнала, кто ей рассказал? — спрашиваю я. — Она говорила, что работает секретаршей у какого-то полковника на КЛУ. Может, он проболтался — пожалел старушку и нарушил правила.

Элис неопределенно разводит руками.

— Титан — это же где-то рядом с Сатурном, так? — продолжаю я. — Возле колец и всей остальной фигни, за полтора миллиарда километров от Земли. У Сатурна куча спутников, и все покрыты толстым слоем льда, а под ним, глубоко внизу, вода... Верно?

Элис делает глубокий вдох.

— Кажется, нам обоим нужен перерыв. Если ты не против, я куплю продуктов и соображу что-нибудь поужинать.

— Еды здесь кот наплакал, и почти вся уже испортилась, — соглашаюсь я.

В комнате стало как будто светлее и свежее. Может, я прихожу в себя, и может, нам действительно стоит отложить на пару часов разговоры о всяких ужасах, от которых кровь стынет в жилах.

— Так мне идти за продуктами, мастер-сержант Венн? — осторожно спрашивает она.

— Да. Я подожду тебя здесь.

— Нет, Винни, ты отправишься на рынок вместе со мной. Составишь мне компанию, — настаивает Элис.

Я делаю вид, что обдумываю ее предложение. Я знаю, что веду себя по-детски, но иначе никак: чтобы рассказать все и жить дальше полноценным человеком, мне придется на время стать ребенком. Звучит диковато, но так надо. Все космодесантники — дети: до, в преддверии и *во время* конца. Так нам рассказывали те, кто нюхнул порошу — инструкторы и ветераны.

— Я уже ходил на рынок. Сразу после приземления, — говорю я.

— Что же ты купил?

— Сельдерей.

— И судя по всему, больше ничего. Ну что... пошли?

Я люблю ходить на рынок, правда-правда. Там полно других детей, и бронзовая свинья около входа, и игрушки. Пончики и печенье. Вяленое мясо, и фрукты, и конфеты. И мне действительно не повредит размять ноги и пожевать сельдерея.

Почему именно сельдерей? Традиция такая. Я просто обожал его в детстве. Всякий раз как мама делала салат, она угощала меня пучком хрустящих стеблей с ярко-оранжевым сырным соусом. И улыбалась мне, своему сыночку, своей кровиночке. Она любила меня — просто, безоговорочно и беззаветно. Потому что я был ее сыном, а она моей мамой.

Добро пожаловать домой.

Не хочу больше плакать и копаться в себе.

Я поднимаюсь с дивана. Элис осторожно поддерживает меня за локоть.

— Пойдем пешком туда и обратно, — говорит она, — тут всего-то пару километров.

Надеюсь, ноги тебя не подведут.

И снова вперед

Ноги меня не подводят.

Мне нравится быть на свежем воздухе, идти по улице, спускаться с холма к рынку, а потом подниматься в горку — даже несмотря на трясущиеся колени. Нравится быть рядом с Элис — она одолела подъем без малейшего усилия, даже не запыхавшись — истинная землянка. Очень спортивная и подтянутая — даже несмотря на пышные формы.

Гулять — здорово. Гулять вместе с ней — еще лучше.

Никто не обращает на нас внимания.

Я снова начинаю различать запахи.

Мы останавливаемся возле прилавка с рыбой, где парни и девушки сверкают голыми бицепсами и перекидывают друг другу тушки лосося. Элис покупает вареного краба, моллюсков, треску и морского окуня, мы идем дальше и заглядываем в маленькую крытую лавку. Элис разглядывает тянущиеся вдоль стен деревянные полки и выбирает несколько видов специй и трав. Продавец зачерпывает их из стеклянных банок и расфасовывает по целлофановым пакетикам. Элис уверена, что у нас дома нет таких приправ (и это действительно так), а без них не обойтись, потому что она хочет приготовить рагу из рыбы — чиоппино, — если, конечно, я люблю морепродукты. Понятия не имею, что ей ответить. Люблю, наверное. Я уже сто лет не ел домашней еды.

Обратная дорога дается мне легче. Я несу сумку с продуктами.

Все просто замечательно.

Но я по-прежнему не доверяю ей. И хотел бы, да не могу. Слишком опасно выпускать на волю то, что таится у меня внутри.

Примостившись на высоком табурете возле кухонной стойки, я наблюдаю, как Элис готовит ужин.

— В этой квартире настолько шикарная кухня, — говорит она, — что вы просто обязаны готовить нормальную еду, а не разогревать в микроволновке замороженную пиццу.

— Мы здесь почти не бываем, — отвечаю я, — так, отсиживаемся пару дней после возвращения. А когда проходит вонь и боль в ногах, выползаем наружу.

— Охотиться? — пренебрежительно бросает Элис.

— Ага. Или просто смотреть. Космолин убивает все желания, по крайней мере, на время. Один из минусов космического перелета. Или один из плюсов — если ты монах.

— Типа избавляет вас от необходимости вести себя как нормальные люди? — В этом вопросе проскальзывает какая-то эмоция, но мне не удается ее расшифровать.

Элис нарезает сельдерей и помидоры, складывает в кастрюлю и ставит ее на медленный огонь. Обоняние почти вернулось. Если ты снова чувствуешь запахи, значит, ты уже на полпути домой. Теперь я слышу не только аромат духов Элис, но и естественный запах ее тела. Он не возбуждает меня — пока еще нет, — но мне приятно его ощущать — словно кто-то приоткрыл завесу тайны.

— Первые пару дней наше общество не доставляет удовольствия, — резюмирую я, — скоро сама убедишься.

— Не сомневаюсь, — отвечает Элис, резковато, но без осуждения.

Она приподнимает крышку кастрюли и кидает внутрь еще лука и сельдерея. С хрустом

отламывает от пучка несколько стеблей и протягивает их мне. Я верчу сельдерей в руках, разглядываю его. Стебли, хоть и разорванные, остаются свежими и хрустящими, полными жизненных соков. На Марсе такого не найдешь. Уверен, Тил ни разу в жизни не ела сельдерей. Колонисты десятки лет обходились без земных овощей — если вообще их когда-нибудь получали. Сколько же нужно мужества, чтобы бросить все, к чему привык, и улететь на Красную планету лишь затем, чтобы увидеть что-то неизведанное, испытать то, чего никто до тебя не испытывал.

— Когда к нам приходили гости, — говорит Элис ни с того ни с сего, — мама всегда угощала их сельдереем с сырным соусом.

От ее слов в моей голове вспыхивают теплые искорки, их нежное и ласковое мерцание разгоняет темноту вокруг, словно кто-то зажег тысячу ночников.

— Правда?

— Правдивей не придумаешь, — улыбается Элис и продолжает кидать в кастрюлю всякую всячину.

Лук, чеснок, оливковое масло, всевозможные виды трав и перца: черный, белый... невероятно.

Она приглушает огонь и поворачивается ко мне, на приоткрытых губах играет улыбка.

Я пытаюсь ткнуть ее пучком сельдерей как рапирой, она защищается деревянной ложкой, купленной на рынке вместе с овощами. Победа остается за Элис. Я складываю, а точнее, съедаю свое оружие.

— Придется немного подождать, — говорит Элис, опуская ложку, — но оно того стоит. Обещаю, ты пальчики оближешь.

Она выуживает из холщовой сумки бутылку белого вина — настоящий виноград, а не какая-нибудь генномодифицированная дрянь. Недешевое. Элис вливает в кастрюлю щедрую порцию и спрашивает, кивая на бутылку:

— Будешь?

Меня уже не воротит от алкоголя.

— У нас нет бокалов, только стаканы для сока.

— Бедняжки, — хмыкает Элис.

За окном смеркается. Вот и еще один сол прошел. Нет, не сол — день. Звучит как-то *нереалистично*. По квартире разносится волшебный запах. Я больше не потею, не тряусь, ноги пришли в норму, и даже воспоминания ранят уже не так сильно.

Я мог бы сказать себе, что худшее мы уже пережили, но не хочу обманываться. Худшее еще впереди. Я пытаюсь продолжить свой рассказ — говорю урывками и то и дело замолкаю, но хотя бы голос не дрожит. По крайней мере, пока.

Элис разливает вино по стаканам. Мы пьем за Землю и за Марс, за мертвых и за живых, и за все бессмысленное и незавершенное. Слова излишни — тишина говорит сама за себя. Вино на вкус просто божественное — терпкое и зеленое словно холмы, омытые весенним дождем. Элис откидывает содержимое кастрюли на дуршлаг, затем выбирает из него кости и сморщенные рыбки головы. Меня коробит при виде этих отбросов — они напоминают месиво, в которое превращаются космодесантники после попадания бактериальной иглы.

Слив воду, Элис возвращает рагу в кастрюлю, добавляет еще овощей и подливает вина.

— Лишним не будет, — бормочет она, — рыбу и краба закинем через пару минут, а моллюсков положим в последнюю очередь — они еще живые...

При этих словах Элис осекается — боится, как бы сваренные заживо моллюски не

навели меня опять на мрачные мысли, но я в порядке.

— Просто объедение, — говорю я.

Мы возвращаемся к дивану и креслу.

— Как ноги? Болят? — спрашивает Элис.

— Нормально.

Она закидывает ногу на ногу и осушает свой стакан. В его стеклянных стенках, зажатых у Элис между пальцами, отражаются городские огни. Мне удастся рассказать еще немного, потом еще. Воспоминания уже не так мучительны, как прежде. Элис возвращается к плите, закидывает в кастрюлю еще рыбы и краба. Через пару минут рагу готово. Восхитительный, волшебный вкус! Я съедаю четыре тарелки. Из окна видно, как черепаха-и-двойное-яйцо пролетает над заливом Пьюджет-Саунд. Космодесантники возвращаются с Марса в КЛУ. Я отодвигаю тарелку и сдерживаю отрыжку — впервые за долгое время.

— Могу продолжить, — говорю я.

Элис внимательно слушает.

О чем хотят рассказать большие мальчики

В гараже нас тридцать два человека, считая Диджея, который еще не спустился из своей будки управления, и Тека, который старается держаться подальше от всех вновь прибывших, включая и меня — в наших гермоскафах могли застрять иглы. До того как с небес пролился смертоносный дождь и северные ворота закрылись навсегда, мы успели завести внутрь две трети личного состава, три «скелла» и две средних «тонки». Маскианский багги и несколько маленьких автомобилей остались снаружи, возле великаньей руки. Если, конечно, антаги не разнесли их в пух и прах.

Мы понятия не имеем, сколько машин и тяжелых орудий наши товарищи сумели доставить к южным воротам.

Джо приказывает Теку осмотреть наши гермоскафы, но руками не трогать. Один из новичков, тот самый, кто подал Джо мешочек для игл, выуживает из штанов и держит наготове еще несколько таких же пакетов. Тек проверяет нас с головы до ног, мы поворачиваемся перед ним, поднимаем руки, ноги, показываем подошвы. Наконец, он заключает: все гермоскафы в порядке, ни дыр, ни застрявших дротиков.

Диджей спускается из будки управления.

— Есть вода и новые фильтры? — спрашивает Джо.

— Сейчас погляжу, — отвечает Диджей.

Вид у него грустный и виноватый. Он проталкивается сквозь толпу наших товарищей — ошалелых, дрожащих, с безумными глазами — залезает в «скелл», прочесывает все контейнеры и ящики и возвращается с уловом — пачкой свежих фильтров. Потом Диджей переходит к «тонке», сливает чистую воду из системы обогрева и передает канистру товарищам.

Одна из пополнивших наши ряды сестер — капрал Вита Берингер, совсем молоденькая, сущий ребенок с виду — находится в шоке и упорно пытается стянуть с себя гермоскаф. Джо бьет ее по рукам и застегивает разошедшийся шов — раздеваться рановато. Мы не знаем наверняка, могут ли форы выборочно перекрыть кислород в отдельных частях штольни — задушить нас — но я вижу, что Джо побаивается этого, хоть и не высказывает опасений вслух. Он знает, когда надо прикрикнуть на бойцов, а когда проявить мягкость. Этого у Джо не отнимешь.

Диджей отводит меня в сторону и говорит, что ворота долго не продержатся. Тоже мне новость.

— Ворота проржавели насквозь, — шепчет он, — почему антаги их еще не выломали?

— Они терпеливые, вряд ли пойдут на штурм, — отвечаю я.

У антагов свои резоны, запросто могут махнуть рукой, проскочить мимо и отправиться куда-нибудь еще. Как туристы, переезжающие с одного острова на другой. Думаю, штольня — самый близкий марсианский аналог острова.

К нам подходит Джо. Он машет Теку рукой, и мы заходим за «тонку», чтобы поговорить без посторонних ушей. У Джо с Теком за плечами три или четыре совместных броски и офицерские курсы в Макгилле. Мы сбиваемся в кучу точно мальчишки, играющие в шарики, и рассказываем Джо то немногое, что нам удалось разведать о штольне.

— Спасибо, что приютили, — говорит он, — в этом броске все перемешалось черт знает как. Братья, сестры, фреймы, взводы. Хрен разберешься.

— De nada, сэръ^[27], — отвечает Тек, — не только у вас такая беда.

— Какая тут глубина? — тычет пальцем вниз Джо.

— Километра полтора, а может, и намного больше, — пожимаю плечами я, — в нижних шахтах рудокопы нарвались на хобо — что-то вроде блуждающей подземной реки. Эта пещера простояла затопленной двадцать лет — земных лет, — а сейчас вода отступила и можно продолжать работы. Но мы не спускались очень глубоко, так что все на уровне догадок.

— Как далеко вы заходили? — спрашивает Джо.

— Диджей прошелся пару раз до южных ворот и обратно, а Тил показала мне несколько боковых коридоров. Плюс пара смотровых башен и пунктов наблюдения. Они наверху, в голове у великана... то есть внутри холма. Западные ворота заварены, а насчет восточных непонятно — по идее, тоже должны быть закрыты, но есть подозрение, что через них в шахту проникла вторая группа форов.

— Мы не уверены, но предполагаем, что было именно так, — добавляет Тек.

— У поселенцев осталось тут оборудование? Припасы?

— Принтер в одной из боковых комнат. На вид исправен.

— А «чернила» есть?

— Несколько бочек. Может, больше.

— Надо узнать точно. Мы должны захватить полный контроль над здешними ресурсами. Хорошо, что Диджей ориентируется в пещере.

— И он может открыть южные ворота, — напоминаю я.

По сути мы вернулись к тому, с чего начинали с Бойцовым Петухом, но выбора особо нет. Будем надеяться, во второй раз все пройдет более гладко.

— Первым делом пошлем людей к южным воротам. И нужно валить отсюда — пока антаги не надрали нам задницу.

Тек подзывает к нам Диджея и еще троих выживших космодесантников: высоченного майора по имени Джек Акерли, не менее высокого и худосочного уорент-офицера Джорджа Брома и низкорослую сестру по имени Шелби Симка. Троица с грехом пополам вытягивается по стойке смирно. Джо хочет поднять экран шлема и почесать переносицу, но Симка останавливает его:

— Не забывайте про пыль, сэръ. У нас ведь не было времени отряхнуться.

— Верно. Спасибо, — отвечает Джо, — вы трое пойдете с капралом Джонсоном — Диджеем — к южным воротам и впустите внутрь всех наших товарищей и столько машин, сколько сможете. Выставьте часовых, проведите разведку. Помечайте дорогу хлебными крошками. А потом кто-то один вернется и обо всем доложит. Мы тем временем пойдём вам навстречу.

— Есть, сэръ, — отвечает Симка, и все трое удаляются.

Диджей наверняка придет в восторг от общества.

Джо продолжает раздавать приказы: построиться, проверить оружие, зарядить болтометы, осмотреть еще раз «скеллы» и «тонку» на предмет припасов. Одним словом, готовиться к выступлению.

— Рано еще вслед за товарищами, — подбадривает Джо своих бойцов.

Мысль о раздутых трупах, валяющихся по ту сторону ворот, — лучшая мотивация, чтобы работать в темпе. После пережитых ужасов бойцы хотят покинуть гараж как можно скорее.

Джо возвращается за «тонку».

— Что, черт возьми, с вами приключилось? Винни пытался мне объяснить, пока мы убегали, но я прослушал — не до того было. Повторите-ка еще раз, помедленнее.

Тек пытается в двух словах описать наши злоключения:

— Месяц назад Космические вооруженные силы сбросили в Красную пустыню батальон из Евразии. Задача была подготовить фонтаны и оружейные склады. Защитить их от противника. Создать базу для последующих бросков.

— Встретились с ними? — спрашивает Джо.

— С некоторыми. Сначала мы видели только трупы, потом нашли палатки, одна была заражена бактериальными иглами, но две другие целые и невредимые. Фонтанов поблизости не было. Позже нас разыскали подполковник Руст и корейский генерал. Отвезли на «скелле» в лагерь, который выжившие — в основном евразийское начальство — разбили вокруг сломанного фонтана. У них там был командный шатер, но ресурсов не хватало. Почти все — с ранениями, некоторые — с тяжелыми. Мы пытались починить фонтан, да запчастей не хватило. А потом приехала маскианка на багги...

— Подружка нашего Винни, — перебивает Джо.

— Девушка, которую прогнали из Зеленого лагеря, — объясняю я, пропуская подколку мимо ушей, — ее зовут Тил. Мы подошли бы в пустыне, если бы не она. Из командиров не выжил никто, кроме генерал-майора Квака. Тил подобрала нас всех — Бойцового Петуха, Квака, Тека, Казаха, Диджея, Ними, Ви-Дефа, Мишлена, — поделилась фильтрами, воздухом и водой и привезла сюда. Она называет это место восточной штольней.

— А чуть погодя сюда заявили сестры во главе с капитаном Койл. Остатки еще одного неудачного броска, как я полагаю. По дороге они взяли в плен агрессивно настроенных поселенцев — форов, которые тоже направлялись в сторону штольни, очевидно с целью захватить Тил.

— Форов — это которые фортрекеры? — спрашивает Джо, и я уже второй раз замечаю в его глазах странный огонек.

Очевидно, встреча с форами не стала для него такой уж неожиданностью.

— Да. Пока мы с Теком были на разведке снаружи, внутри что-то произошло, все кроме Диджея куда-то исчезли. Диджей ничего не видел и не слышал — он был у южных ворот, пытался поймать связь со спутником.

— Винни думает, другая группа форов зашла через западные ворота и захватила наших товарищей врасплох, — поясняет Тек, — но тот вход должен быть заперт. Черт его знает, что случилось на самом деле.

Джо опускает глаза, проводит рукой по полу, растирает зеленую пыль между пальцами. Большая часть крупинок осыпается вниз.

— Как вышло, что мы проморгали скопление антагов на Солнечной орбите и не заметили, как муравьишки взяли курс на Марс?

— Как вышло, что мы проморгали кометы? — добавляю я.

— Дурдом какой-то, — резюмирует Джо, — отсутствие координации и бездарная разведка. Если вернемся на Землю, первым делом подам рапорт.

Мы рассказываем ему про злобный характер форов и делимся опасениями, что придется воевать на два фронта.

— Форы нас ненавидят, это я усек, но не станут же они подставляться, лишь бы нам навредить?

— Как знать, — отвечаю я, — глава общины, де Грут, строит из себя черт-те что, но с

его сыном, Рейфом, еще можно договориться. Остальные... потеряли голову от горя. Комета уничтожила их поселение и, возможно, убила всех их родичей.

Джо распахивает глаза:

— Форы хотят воевать на стороне антагов?

В его взгляде — дикий, беспросветный страх. Неужели Джо и в самом деле теряет остатки надежды? Потому что, честно говоря, нам чертовски нужен кто-то, кто готов поделиться глотком оптимизма.

— Вряд ли. Они терпеть не могут, когда ими командуют.

— Прямо как папашка мой, — протяжно говорит Джо, — тот еще сукин сын. У него была своя водопроводная компания в Мемфисе, так он всех обманывал — и клиентов, и баб, да еще налоги скрывал. Но уж задницу никому не лизал.

Мы с Теком вяло улыбаемся в ответ. Джо постоянно рассказывает про папашку, и всякий раз по-новому. Он никогда не видел своего отца.

— Кто тут у вас всем рулит? — спрашивает Джо, прикрывая ладонью дубовый листок.

— Бойцовый Петух.

— Хоть бы раз оказался на месте, когда нужен. Хватайте барахло, и погнали отсюда.

Тут, в подкрепление его слов, по пещере разносится гул, будто кто-то швырнул в ворота пригоршню камней. Мы быстро собираем пожитки и уходим из северного гаража.

Голова и яйца есть — к бою готов

Разведгруппа посылает к нам Акерли. Мы успеваем пройти около трети пути и встречаемся с ним на том самом месте, где мы с Тил свернули в боковой коридор по дороге к первой смотровой башне.

— Возле южных ворот все чисто, — докладывает Акерли.

Диджей открыл шлюз и впустил всех, кому удалось обогнуть великанье плечо целыми и невредимыми.

— Ребят накрыло второй волной игл до того, как они успели добежать до ворот. Мы потеряли все «тонки» кроме двух, а также «трандл» — он не поместился в шлюз. «Чести» мы затащили-таки в гараж, но его здорово потрепало.

— Сколько бойцов спаслось? — спрашивает Джо.

Акерли опускает глаза.

— Тринадцать.

Джо беззвучно шевелит губами. Поворачивается к нам с Теком.

— Нужно посчитать, сколько наших еще могут держать в руках оружие, и привести в порядок огневые расчеты, — говорит он, — а потом поищем капитана Койл и форов.

Акерли приводит нас к южным воротам. Тринадцать спасшихся космодесантников представляют самые разные расы, религии и слои общества, но все до единого вымотаны, доведены до предела. И все до единого прекрасны. Шесть капралов, три сержанта, уорент-офицер пятого ранга с орлиными глазами, окруженными сеткой морщин, еще один майор, сурового вида первый сержант и капитан, до того избитый и пришибленный, что от него вряд ли будет толк.

Кроме того, мы заполучили две «газонокосилки», шесть тяжелых болтометов, кассеты с отработанной материей — целых восемь ящиков, — и кинетические снаряды всех сортов. Плюс «Чести», он же «генерал Пуллер», — длинная и узкая платформа буро-красного цвета, водруженная на восемь высоких колес и оборудованная четырьмя пушками «Эгида-7» и стреляющей болтами трехрельсовой баллистой. Последняя — весьма грозное оружие, но заряжена лишь на десять процентов.

Джо спрашивает, у кого из бойцов кислорода и воды хватит больше чем на несколько минут. Руку поднимают только двое. Мы раздаем фильтры и канистры, найденные в машинах, в том числе в автобусах форов. Спасенные космодесантники не говорят ни слова — пытаются прийти в себя от потрясения. После боя на нас частенько нападает ступор. Во время битвы думать некогда, адреналин и тому подобное дерьмище гонит нас вперед, и мы несемся как оголтелые, доказывая себе, что мы по-прежнему космодесантники с железными яйцами, а не порченный товар.

Привести нас в чувство — та еще задача. Джо подзывает уорент-офицера Вильгельмину Бродски — она стреляный воробей, а ее лицо словно вырезано из тика — и приказывает ей разделить нас на две огневых команды. Тек помогает раздавать оружие. На всех не хватает, но ничего, перебьемся как-нибудь.

— Будем обороняться тем, что есть, — говорит Джо, — большая часть отряда останется тут. Отдохнем, почистим фильтры.

Он поворачивается к Теку:

— Выставь троих часовых возле северного гаража. Рация тут внизу работает через пень

колоду, так что бери тех, кто пошустрее. Винни, возьми еще троих. Проверь эту хрень насчет восточных ворот.

Диджей заявляет, что он научился ориентироваться в системе коридоров. Я интересуюсь, каким образом.

— Панель управления в смотровой башне разболтала мне пару секретов, — отвечает он. В той самой смотровой, где мы с Тил впервые заметили форов.

— Убивал время, пока вы резвились снаружи. Какой-то мертвый чувак оставил зашифрованную карту, ну я и разглядывал картинки.

— Передал на спутник?

— Не-а. Просто смотрел. Я же говорил: со спутниковой связью засада.

— Значит, ангел записал их?

— Сколько успел. А потом панель сдохла — экраны разом погасли. Все картинки сохранены вот здесь, — Диджей стучит пальцем по макушке, но имеет в виду не ангела, а свой мозг.

Помнится, Тил сболтнула при мне, что раскопки велись и после того, как хобо вырвался на свободу и штольню закрыли. Наверное, не стоит говорить про это Диджею. Зачем морочить людям головы рассказами о том, чего я не видел своими глазами и чего не понимаю сам?

— Так восточные ворота открыты? Приняли гостей? — спрашиваю я.

— Может, форы с алжирцами и заварили двери, но в компьютере такой инфы нет, — отвечает Диджей. — Карта говорит, что надо идти полкилометра в ту сторону, — он машет рукой вправо, — и спуститься на пятьдесят метров. Там, на нижних уровнях, велись основные работы. Очевидно, тот вход предназначался для тяжелой техники. А может, для вывоза руды.

— Кто-нибудь входил или выходил через эти ворота?

— Я спрашивал у панели управления. Как только не формулировал запросы. Но она молчит.

— По пути к воротам нет препятствий? Затопленных коридоров или завалов?

— Наверное, нет.

— Если антаги ворвутся в пещеру через северные ворота, компьютер доложит об этом?

Диджей пожимает плечами.

— Не факт. Он очень старый, на ладан дышит.

— Часовые, — напоминаю я.

Бродски все еще занята делением нас на огневые команды. Тек помогает ей раздавать новое оружие.

— Да, — говорит Джо, — Диджей, объясни ребятам, как дойти до северных ворот.

Диджей старается изо всех сил.

Джо посылает в северный гараж Берингера, Стенвика и еще не оправившегося от шока капитана Виктора Галлегоса, потом прислоняется к стене и закуривает воображаемую сигарету. Эта нелепая пантомима продолжается несколько минут, затем он выпрямляется и гасит невидимый бычок о камень. Я и не знал, что он курит.

— Ну, Винни... пойдём глянем, что к чему?

Я веду Джо в южную башню. Как и докладывал Диджей, панель управления не подает признаков жизни, поэтому мы достаем перископ. Картина ясна. Антаги остановились за километр от штольни, окружив ее плотным кольцом, черные головы их «гусениц»

поблескивают во тьме словно гигантские бусины, за ними виднеются темно-серые платформы, озаряемые время от времени тусклыми вспышками света. Они заряжены, огневые расчеты готовы к бою. Целая дивизия, насколько мы разбираемся в боевом порядке антагов. По меньшей мере пять пехотных бригад и больше сотни «гусениц», шесть передвижных оружейных батальонов — и это только ближнее кольцо.

Они не стали выставлять посты у ворот, а рассредоточились по всему периметру. Не стреляют. Ждут. Сотрут нас в порошок в первой же попытке выйти из окружения.

Не прячутся. Уверены в своем превосходстве.

Самодовольные ублюдки.

Джо корчит кислую мину и водворяет перископ на место.

— Антаги могли бы взять шахту за час, — бормочет он, — чего ждут, уроды долбаные?

— Приказа? — предполагаю я. — Нам без тактических установок даже чихнуть нельзя, может, у них та же беда?

— Нет, они играют с нами в кошки-мышки.

Джо нервно сцепляет пальцы. Вполне возможно, он не спал с самого приземления.

— Возьми Диджея, Брома и Акерли и разведай обстановку у восточных ворот, — говорит Джо, — проверь, цел ли замок и нет ли следов второго отряда форов — машин, припасов и так далее. Смотри по ситуации. Разведывай местность, хватай все ценное, дополняй карту Диджея и возвращайся поскорее.

— А если наткнемся на форов, что делать?

— Постараться, чтобы тебя не убили. — Веки Джо тяжелеют. — Скажи им правду — если мы не объединимся, то погибнем здесь.

Мы возвращаемся к южным воротам. Тек замечает состояние Джо, обнимает его за плечи, косится на меня и уводит его.

— Вам нужно отдохнуть, сэр. Хоть пять минут.

Жесть.

— Акерли, Бром, Диджей, ко мне! — команду я.

Муравьиная ферма

Ребенком я обожал сказки про муравьиные фермы — истории про то, как кучка ничем не примечательных людей оказывалась оторванной от мира — на необитаемом острове, перевернувшемся океанском лайнере или космическом корабле. Неважно где. Оказавшись взаперти, люди начинали вести себя как муравьи на ферме — рыли ходы от одной стеклянной стенки до другой, разыгрывали свои маленькие драмы, бегали по протоптанным дорожкам, врезались друг в друга и тому подобное. Меня приводило в восторг, как быстро все они теряли интерес к внешнему миру. Большинство обитателей фермы, чем бы она ни была, хоть детской игрушкой, не могли и не хотели подняться над ситуацией, увидеть картину в целом. Непосильная задача. Выше их понимания. Они просто делали то, что получается у нас, людей, лучше всего — заводили друзей и любовников, прихорашивались, хвастались, дрались, болтали и сплетничали. Муравьиная ферма — наша жизнь в миниатюре. Мы понятия не имеем, зачем пришли в этот мир и что нужно делать. Но мы *есть*, и мы стараемся изо всех сил.

Еще одна причина, почему я не хочу называть антагов муравьишками. Ведь тогда получается, что им удалось каким-то образом улизнуть с фермы, сбежать от своих стеклянных стен, долететь до звезд. И теперь они следят за Солнечной системой, следят за *нами*, намертво застрявшими в марсианской штольне.

Интересно, что они думают о человечестве? Наверное, жалеют нас, таких отсталых и ограниченных?

ВШПОЗ.

Сколько раз говорил себе: не думай, выполняй приказы, делай как учили. Это стеклянные стены, защищающие космодесантников.

Диджей снова ведет нас за собой, доходит до развилки и уверенно поворачивает направо.

— Сюда! — командует он.

Бром и Акерли глядят на меня, а наш проводник беспечно насвистывает. По пещере разносится зловещее эхо. Тоже мне, Том Сойер. Люблю его. Выносит мне мозг.

Через пару минут мы приходим к огороженной перилами шахте, метров семь в ширину. В ее каменных стенах выдолблены крутые ступени, спускающиеся по спирали вниз. Напоминают мне винтовую лестницу, на которой фехтовали Бэзил Рэтбоун и Эррол Флинн^[28].

Первая шахта такого типа, встретившаяся нам на пути, и далеко не самая плохая.

Мы спускаемся все ниже, на сотню метров, а может, и глубже. С каждым шагом все заметнее металлические переливы на стенах, отражающие свет наших фонариков. Большие такие кристаллы, вылетело из головы, как называются... Формировались веками, по мере того как остывали осколки спутника...

— Видманштеттова структура, — говорит Элис Харпер, — кристаллы из никеля и железа. Какого они были размера?

Я развожу руки на полметра или около того. Охрененно бугристые, но отполированы до блеска, точно экспонаты на выставке.

— Боже мой, ты видел ядро древнего марсианского спутника! Ты шел прямо через него!

— Ага.

Голова раскалывается от боли, шея затекла, я устал рассказывать и нарочно тяну время:

— Мне надо выпить таблетки.

— Пей, — пожимает плечами Элис.

Она поглядывает на телефон, словно ждет звонка.

Для смягчения отходняка после космолина нам полагаются особые биодобавки. Я специально не принимал эти таблетки последние несколько часов, потому что иногда от них здорово проносит. Гламурная сторона жизни космонавтов. Я стою в ванной и плююсь в большое зеркало. Глаза застилает туман, такое чувство, что моя голова оторвалась от тела и парит в воздухе сама по себе. Человек, которого я вижу в зеркале, не вызывает ни симпатии, ни уважения.

Опираюсь руками на раковину. В комнате пиликает телефон. Не мой. Дверь в ванную открыта, и я слышу, как Элис отвечает на звонок и говорит с кем-то тихим голосом. Сжимаю в руке горсть таблеток. Время решать: стать опять человеком, есть как следует, общаться с людьми и обрести постепенно твердую почву под ногами или сдать на милость космоса у меня в голове.

Что-то происходит. Элис говорит по мобильному очень оживленно, но слов не разобрать. Я глотаю витамины и запиваю их водой из-под крана. Выхожу из ванной. Еда наполняет мой желудок приятной тяжестью, боль в ногах стихает, зрение проясняется. Я чувствую прилив сил.

Элис стоит на ступеньке, ведущей в холл, и как-то странно улыбается.

— Это был Джо. Надо уезжать отсюда.

— Куда?

— Он не сказал, думаю, узнаем в свое время. Собирайся.

— Куда мы поедем?

— Не знаю. Честно.

— А отказаться можно?

Элис, та самая Элис, с которой мы гуляли по рынку, которая приготовила чиоппино и слушала мои рассказы с таким сочувствием и пониманием, смотрит на меня не допускающим возражений взглядом.

— Это ведь Джо.

— А почему он сам не пришел?

— Я не спрашивала! Идем!

Она кидает пузырьки с таблетками в пакет и набирает бутылку воды из-под крана.

У меня закончились вопросы.

— Продолжай рассказывать, — говорит Элис, когда мы заходим в лифт. — Сосредоточься. Нельзя упускать ни одной подробности.

Мы спускаемся по спиральной лестнице и попадаем в комнату, из которой берут начало три туннеля, расходясь в разные стороны точно спицы в колесе. Лампочки не горят. Я делаю знак, чтобы ребята отошли к простенкам — посреди зала мы были бы отличными мишенями.

Но вокруг лишь безмолвие и темнота.

На поверхности ты все время слышишь завывания ветра — призрачно-тихие в ясную погоду и оглушительные во время песчаной бури, но тут, внизу, тишина нарушается лишь едва уловимым звуком нашего дыхания и шарканьем подошв по каменному полу...

Мы включаем фонари на шлемах. Все три туннеля усыпаны зеленой пылью, но только один хранит отпечатки чьих-то ног, в остальных двух зеленый покров не нарушен, не считая нескольких пятнышек и крапинок. Не стану даже ломать голову, откуда они взялись, и так мозги закипают.

Диджей чертит на полу карту. Подносит указательный палец к губам, точно собирается попробовать пыль на вкус, ловит на себе мой взгляд и объясняет:

— Пещера уходит вниз на шестнадцать уровней и заканчивается в районе великаньего пояса. Уровни соединены двадцатью одной шахтой. Большинство этажей было затоплено еще до ухода форов, но сейчас везде сухо. Вода сохранилась только в самом низу, там, где гидроэлектростанция.

Акерли сидит на корточках и разглядывает следы в пыли:

— Нельзя идти туда. Форы наверняка поджидают нас в засаде.

На лице Диджея появляется странное выражение.

— *Этот* туннель не ведет к воротам. Он начинается вот здесь, — Диджей тычет в середину карты и проводит несколько линий параллельно оси штольни, — и плавно спускается вниз до пересечения с кольцом. И где-то через полкруга соединяется с шахтами, ведущими к большой пещере. Мы сейчас в районе шеи...

— Чего-чего? — переспрашивает Бром.

— Эта скала напоминает плывущего великана, да, мастер-сержант?

Я киваю.

— И сейчас мы спустились в его шею, — продолжает Диджей.

— Ни хрена не понятно, — перебивает Акерли.

— А ты включи фантазию, хоть раз в жизни, — советует Бром.

Акерли морщит лоб.

— А как он плывет? На спине или кролем?

— Над водой только макушка, предплечья и часть шеи, — объясняет Диджей, — так что на спине, наверное. Одну руку он выбросил вперед — тут северные ворота, а вторую откинул назад — там южные. Да, на спине.

— Черт, и правда как будто рука: локоть оттопырен, а ладонь под водой. Тогда вопрос: а что внизу, в животе?

— Большая пещера. На карте она обозначена как Церковь.

— Церковь — здесь? Какого хрена?

— У форов спроси. Она где-то в желудке.

— А мы не сбились с пути? — спрашиваю я. — Посмотри на пол, тут сто лет никого не

было. Не знаю, откуда взялись следы, может, щебенка с потолка обвалилась или еще что, но это явно не отпечатки человеческих ног.

Диджей принимает аргумент, но стоит на своем:

— Провалиться мне на месте, если этот туннель не ведет к воротам.

— На той карте, что ты видел наверху, коридоры были выделены синим и красным? — спрашиваю я.

— Да. Чем глубже, тем меньше синего. А вокруг Церкви вообще красным-красно.

— В желудке, значит, — уточняет Бром.

— Марсианские кишки, — вздыхает Акерли. — Все, приехали. Ребята, мы увязли в дерьме по самые гланды.

— Тил приняла разноцветные пометки за доказательство того, что раскопки не прекращались даже после закрытия штольни, — говорю я.

— Какая-токая Тил? — интересуется Бром.

— Фермерская женушка, которая вытащила нас из дерьма, — объясняет Диджей.

Через миг до него доходит:

— Работы продолжались под водой? Кто ж на такое способен? Или *что*?

Бром и Акерли глядят на нас с недоумением. Этот разговор за гранью их понимания.

— Пойдем к восточным воротам, — распоряжаюсь я. — Первым делом надо понять, как форы пробрались в штольню и насколько хорошо верхние этажи защищены от антагов.

Диджей пожимает плечами и уверенно сворачивает в коридор, который, как он думает — или знает — ведет напрямиком в восточный гараж.

— Эти туннели *очень старые*, — бросает он через плечо.

Как ни странно, шарканье ног не заглушает его слова — у Диджея от природы довольно высокий и пронзительный голос.

— С чего ты так решил? — удивляется Бром.

— Посмотри на выемки в стенах. Когда я бегал туда-сюда между воротами, то понял, что некоторые коридоры появились тут задолго до форов.

— Это ж за сколько?

Лицо Диджея выражает странное ликование.

— За миллионы лет. Взгляните на края желобов, — провозглашает он, хлопая перчаткой по стене, — они стертые. Потому что хобо, подземная река, отполировала их. На такое уйдет не один миллион лет, верно? Особенно учитывая, что вода бывает здесь не постоянно — то поднимется, то отступит.

Диджей машет рукой вправо, и по его команде мы сворачиваем в боковой туннель.

— Этот вырыт позднее. Края еще острые.

Не знаю, что и думать. Выемки на стенах действительно отличаются друг от друга. Но ведь форы могли использовать разные машины, разную технику...

— Голова и шея и плечи, — бурчит Бром, — под ними живот. А под животом что? На какую глубину этот засранец ушел в землю?

— Километров на двадцать-тридцать, если верить картам, — отзывается Диджей.

«Он не потрудился сообщить об этом раньше», — отмечаю я.

— Эта пещера... что, черт возьми, она из себя представляет? — спрашивает Акерли.

— Шоколадный батончик, — говорю я, — боженька уронил его здесь, потому что очень спешил на Землю. А в серединке сладкая нуга.

На несколько секунд Акерли впадает в ступор.

— Правда? — спрашивает он наконец.

Святая простота. Ну как такое можно не любить?

Туннель поворачивает, идет в гору, и через пару минут перед нами открывается восточный гараж. Лампочки не горят, фонари на наших шлемах одиноко мерцают в холодном и свежем воздухе. Наши ботинки оставляют первые отпечатки на пыльном полу.

Мы обходим пещеру. Ни багги, ни автобусов, ни других машин. Я освещаю дверь шлюза фонариком и осматриваю ее сверху донизу. Размерами она не уступает южным воротам. Дверь заварена, заколочена балками крест-накрест и вдобавок завалена кучей булыжников — скорее всего, пустой породой.

Нога человека не ступала сюда уже много лет.

Акерли чихает и ковыряется в носу. Потом рассматривает свой зеленый палец.

— Эта хрень — не марсианская пыль, — заключает он, вытирая руку о гермоскаф. — Но забивается повсюду, даже в легкие. Что это?

— Водоросли? — предполагает Диджей.

— А если у меня аллергия? — возмущается Акерли.

— Даже будку управления уничтожили. — Диджей указывает рукой на проржавевший железный каркас. — Спорим, что снаружи они тоже приперли вход камнями — чтобы его вообще никто не заметил? Больные на всю голову, но котелок у них варит, да?

— Форов тут не было, — заключает Бром, освещая по очереди все стены. — Но если им никто не помогал, как они смогли одолеть сестер?

Луч моего фонарика скользит по туннелю, из которого мы пришли, и отражает какой-то свет. Всего на долю секунды, потом огонек вздрагивает и исчезает, словно кто-то прикрыл заслонку.

— Видели? — Я отступаю в центр гаража.

— Что? — спрашивает Диджей.

— Чей-то глаз, — сдавленно произносит Бром. — Мигнул и потом исчез.

Акерли прижимается к нам, и мы вчетвером стоим посередине зала — спина к спине, пистолеты на изготовку.

— Я вот ничего не видел, — упрямо замечает Акерли. — Назад пойдем тем же путем?

— Отсюда только один выход, — говорит Диджей.

Проходит несколько минут, пока мои измотанные, доведенные до отчаяния товарищи находят в себе силы поглядеть правде в глаза: возвращаться придется той же дорогой, по своим следам. Я как замороженный пялюсь на отпечатки наших ног — должен же быть способ понять, где мы и что происходит. Что мы видим на самом деле, а что нам только кажется.

Диджей возглавляет наш отряд. Я замыкающий. Мы крадемся как мыши, стараясь не выдать себя ни единым звуком, стараясь не дышать.

И тут Бром тихо хрюкает.

— Смотрите, — говорит он, нагибаясь и направляя свой фонарик в пол.

Мы видим в пыли свежий отпечаток ботинка, ведущий по направлению к гаражу. Принадлежит кому-то из нашего отряда. А поперек — еще один след, более отчетливый. Кто-то или что-то оставило его всего пару минут назад.

И ни одной отметины кругом.

— Муравьишки! — Бром почти срывается на крик. — Они внутри! Нам конец!

— Это вряд ли.

Мысли проносятся у меня в голове со скоростью света: «Не паниковать! Делай что угодно, но не дай им удариться в панику».

— Мы же знаем, как выглядят следы антагов — двойной круг и полосы по бокам. И они намного больше, чем наши.

— Тогда муравьишки отпадают, — признает Диджей.

— Успокойтесь, — говорю я. — Первым делом мы должны выполнить приказ — доложить Джо об увиденном.

Мы возвращаемся к спиральной лестнице и расходящимся веером туннелям. Никто не встретился нам на пути.

— Какая-то штука с блестящим глазом, — задумчиво говорит Бром. — Если это не муравьишки, то кто?

— Давайте прочедем этот уровень и узнаем, — предлагаю я.

Мы проходим пару сотен метров, и тут выясняется, что Диджей не понимает, где мы.

— Далековато забрались. Я потерял ориентацию, — признается он.

— Заблудился? — спрашивает Бром.

— Да нет, просто потерял ориентацию. Если меня развернут в правильном направлении, я найду дорогу. И потом, всегда можно вернуться по своим следам.

Мы свернули не в тот туннель — лампочки не горят, зарубки на стенах сделаны недавно. Диджей молча идет вперед, потом останавливается и оборачивается к нам.

— Этих коридоров на карте не было. Мы забрели не туда.

— Так пошли обратно, — говорит Акерли.

— Будем ориентироваться по зеленой пыли, — подхватывает Бром.

— Которой нет, — показываю на пол я.

— Вот черт, — возмущается Бром, — это дерьмо повсюду, забивается в нос словно табак, а когда оно нам нужно — сразу исчезает? Что за хрень?

— Как назло, — поддакивает Диджей.

Слабовато объяснение. Мы вплотную обступаем Диджея, словно собираемся выдавить из него разумный ответ. Мы ему, разумеется, не угрожаем — космодесантники никогда не грозят друг другу. Скорее ведем себя как курильщики при никотиновой ломке, прослышавшие, что у Диджея заныкана пачка сигарет.

— Чего напираете, дайте продохнуть, — огрызается Диджей, но в свете умирающих фонариков мы замечаем, что голова у него опущена, а глаза бегают.

Фонарики тускнеют, зато воздух стал свежее, я даже ощущаю легкий ветерок.

— В ста метрах сзади остался боковой туннель, проверим его, — заявляет Диджей, проталкиваясь мимо нас.

— Не помню никакого туннеля, — хмурится Акерли. — А ты, Бром?

Выясняется, что боковой коридор видел один Диджей.

— Только я думал, что нам туда не надо. Ошибочка вышла. Бывает.

Я ничего не имею против капрала Дена Джонсона, честно. Он толковый инженер, всей душой предан космодесанту и порой даже сносно шутит. Но расстаться с жизнью из-за того, что Диджей возомнил, будто у него феноменальная память — это уже чересчур. Акерли и Бром стойчески переносят закидоны Диджея — они смирились с худшим, когда убегали от антагов в облаке пыли, и теперь воспринимают все происходящее лишь как прелюдию к неизбежному.

Я шевелю мозгами — почему в коридорах нет пыли? И выемки на стенах совсем

свежие... Туннели вырыты недавно?

После того как вода отступила?

Неужели в эту странную игру замешана третья сторона, кто-то, о чьей природе и происхождении мы даже не догадываемся?

И у кого есть камера.

— Чего ржешь? — злится Диджей. — Ни хрена не смешно.

— Не огрызайся. Ищи туннель.

— Есть, сэр. Но что, если его не будет на прежнем месте?

— Ищи.

Через десять шагов Диджей оборачивается и направляет свой фонарик прямо на нас. Указывает вправо (для нас влево) и радостно кричит:

— Нашел!

Диджей с трудом протискивается в узкий коридор, а через миг вылетает оттуда, как пробка, и бешено машет руками. К его шлему и плечам прилипли куски странной полупрозрачной паутины, похожие на эластичные стеклянные полоски или на фунчозу — китайскую лапшу. Диджей остервенело хрюкает, срывает с себя «стеклянные» нити и швыряет их на пол. Мы с Бромом и Акерли осторожно отходим назад. Кто знает, во что вляпался Диджей? Наконец ему удается избавиться от всех клочков, за исключением самых мелких.

— Хватит, не трать энергию. Дай посмотрю, — говорю я.

Диджей застывает, подбородок задран, руки опущены.

— Иглы, да? — пищит он.

— Вряд ли. Не ерзай.

Я осторожно беру одну нить и осматриваю ее с разных сторон. Двадцать сантиметров в длину, два в диаметре, напоминает лапшу из китайского супа, но менее эластичная. Я легонько сгибаю ее, она поддается на миг, а потом распрямляется и затвердевает. Странный материал.

Диджей стоит в куче прозрачных ошметков, но его гермоскаф, кажется, не пострадал.

— Долбанные пауки, — негодует Бром.

— Нет! — вопит Диджей. — И думать не смей про чертовых пауков!

— Ладно, — соглашается Бром.

— Нет так нет, — пожимает плечами Акерли.

Все ждут моего вердикта. Я наклоняюсь и свечу фонариком в туннель, который — если верить Диджею — должен был стать нашим спасением и защитой.

— Там внутри — ловушка! — предполагает Бром и тут же получает затрещину от Акерли.

Я заинтригован до глубины души. Страх нет, только странное любопытство с примесью горечи, как будто мне — или какой-то части меня — заранее известно, что я обнаружу. Часть меня чует в этой находке что-то...

Нечеловеческое?

— Эта штука не двигается, — кричу я через плечо.

Я продираюсь сквозь ломкие волокна, и моим глазам предстает сотворившее их существо. Оно похоже на поделку безумного стеклодува: одноглазое, сине-зеленое и полупрозрачное, с цилиндрической головой и коротенькой шеей, а из спины торчит клубок «стеклянных» конечностей, каждая толщиной с запястье. Очевидно, когда-то они были

гибкими и прочными, а теперь засохли и пошли трещинами, ткни пальцем — рассыпятся.

— Это не антаг, — кричу я товарищам, — и оно лежит неподвижно. Такое древнее, что того гляди развалится.

Таинственное существо заползло в эту нору и погибло в ней. Или вышло из строя. Что мне напоминает этот комок из стеклянных волокон?

Бром сует голову в проход и светит фонариком мне в спину.

— Тупик, — констатирует он, — что у тебя там, ископаемое?

— Не знаю. Но вряд ли оно приползло снаружи. Это создание обитало здесь, внизу.

— Вылезай, и пошли отсюда, — просит Диджей слегка дрожащим голосом.

Но любопытство берет свое, я опускаюсь на колени, очень осторожно, чтобы не порезаться об осколки, и ощупываю ботинки, лапы, ступни, одним словом, то, чем заканчиваются нижние конечности существа — если, конечно, передо мной одно существо, а не несколько, и если это название вообще к нему применимо. Пытаюсь поднять его лапу. Тяжелая! Она отламывается, и меня окутывает облако белой пыли. Пора вылезать, нам ведь надо искать дорогу, а этот туннель никуда не ведет. Да и тесновато здесь.

Я выбираюсь из узкого прохода. Бром и Акерли освещают фонариками мою добычу, Диджей тоже придвигается ближе. Лапа весит примерно полкило, снизу твердая и зазубренная. Напоминает вращающийся резак горнопроходческого комбайна.

— Камнерез! — ахает Диджей.

Его любопытство наконец пересиливает страх. Мы встречаемся взглядами. Диджей, как и я, догадывается, что именно мы нашли. Я отворачиваюсь прежде, чем он успевает кивнуть мне, прежде чем мы становимся членами очень странного клуба.

— Вот кто прорыл новые туннели, — говорит Бром. — Чертов кобельд!

— Ты это слово прямо сейчас придумал? — спрашивает Диджей.

— Нет, дружище, кобельды — духи погибших шахтеров. Типа гремлинов, только живут под землей.

— Нам пора, — напоминаю я, сжимая лапу-камнерез.

Надо показать ее Джо. Ситуация настолько вышла из-под контроля, что я потерял логическую нить.

Потому что в заброшенном гараже мы с Бромом видели отнюдь не ископаемое животное. То существо было оснащено похожей на глаз камерой, и оно *двигалось*.

Туннели выкопаны совсем недавно.

Трудяги-кобельды продолжают работать.

Диджей не может сосредоточиться. Слишком растерян, слишком вымотан. Он идет впереди и бормочет себе под нос, надеется, наверное, обнаружить еще одну пропущенную шахту или боковой туннель. Бром рассказывает, как в детстве играл с друзьями в кобельдов. Так называются кровожадные привидения, обитающие под землей, духи умерших шахтеров. Они пробивают тебе череп киркой и ловят своими пеликаньими клювами брызжущую кровь, а потом разрывают твой труп на части и сжирают его вместе с костями.

Эти байки напрягают нас не меньше, чем бурчание Диджея, и в конце концов Акерли просит Брома заткнуться.

— Ладно. Простите, ребята.

В этот раз честь обнаружить новый туннель выпадает мне. Я свечу фонариком на стены слева, все как обычно: металлические кристаллы, черный базальт, и тут мой луч натывается

на широкий прямой проход, идущий вниз с десятиградусным уклоном.

Диджей озадачен:

— Не помню, чтобы на карте был туннель под таким углом.

— Да ты вообще *ни хрена* не помнишь, — огрызается Акерли.

Мы сворачиваем в коридор. К моей радости, он постепенно расширяется. Диджей по-прежнему рвется идти первым. Я не спорю — он имеет хоть какое-то представление о нашем местоположении, все остальные — нет. Диджей больше не бубнит под нос, Бром и Акерли тоже молчат. Тишина давит на нервы.

Через десять минут Бром сдается:

— Может, *посвистишь*, а, Диджей?

— Не, во рту пересохло.

Нам всем не помешало бы как следует подзарядить гермоскафы — они работают автономно уже много часов кряду. В идеале наши костюмы могут продержаться без подпитки два-три дня, но последний раз мы заряжали их полностью еще перед броском, и сейчас это чувствуется. Не помрем, конечно, но ощущения не из приятных.

— В какой части тела мы сейчас? — спрашивает Акерли.

— В районе грудной клетки, — отвечает Диджей.

— Рядом с желудком?

— Ближе к сердцу. Примерно под восточным гаражом.

Внезапно Диджей замирает, горбится и издает стон. Мы пришли в круглый зал, очевидно, старый — на стенах ржавчина, пол влажный. Диджей отступает на шаг, и луч его фонарика выхватывает из темноты лежащий на полу труп.

Человеческий.

Мы обступаем мертвеца и направляем на него тускло-оранжевые лучи наших угасающих фонариков. Картина омерзительная: тело мужчины разорвано пополам, а уходящие во тьму стены покрыты странными спиралевидными отметинами.

— «Газонокосилка», — констатирует Бром.

Я направляю фонарик на лицо убитого.

— Это фор? — спрашивает Диджей.

— Да. Его звали Хендриком.

Бром осматривает еще один примыкающий к залу коридор, тоже идущий под наклоном, но не вниз, а вверх. Через шесть метров от входа он обнаруживает второй труп.

— Какого черта?!

— Наверное, тут была перестрелка, — предполагает Диджей.

Оба убитых — фора, оба порезаны на кусочки при попытке к бегству. Кто-то вслепую палил из «газонокосилки» по всему коридору — лишь для того, чтобы расправиться с двумя колонистами.

Меня пронзает ужасная, пугающая догадка.

— Надо возвращаться. *Немедленно!* — говорю я.

Но наши открытия на этом не заканчиваются. Вслед за Диджеем мы проходим мимо второго трупа и поднимаемся вверх по коридору, и через пару десятков метров попадаем в круглую комнату, из которой берут начало четыре туннеля. Там лежат еще три фора — их поставили к стенке и пустили им пулю в затылок. Самая настоящая казнь. Я не узнаю никого из них. Очевидно, Хендрик и его товарищ попытались сбежать от палачей.

— Это просто хрень! — вопит Диджей.

— Какой урод устроил эту бойню? — спрашивает Бром.

Бойцовый Петух тут ни при чем, я уверен. Надо еще раз проанализировать всю информацию. Восточные ворота закрыты, значит, подмога к форам не пришла. Если бы антаги проникли в штольню, они расправились бы с нами в два счета, но мы целы и невредимы, да и в пещере заметных разрушений нет. Этот вариант отмечаем.

Значит, убийства на совести Койл и ее команды. Девушки словно с цепи сорвались — без всякой видимой причины. Но почему они ушли от южных ворот? Зачем покинули оба гаража одновременно? Мы в любом случае поддержали бы их, неважно, что они натворили. Ведь они наши сестры.

Какие приказы получила Койл? Она знает что-то, о чем мы не догадываемся?

И знает ли про это Джо?

Мы разбредаемся в разные стороны. Диджей исследует самый широкий туннель. Не успевает он отойти на двадцать метров, как до нас доносится его вопль:

— Твою мать! Да это настоящее кладбище! Они повсюду!

Нехотя мы идем на крик и оказываемся в огромном зале со стенами из темного камня — метров шестьдесят в диаметре, стены опоясаны полкой из дымчато-серебристого металла.

Я ожидаю увидеть тела форов и космодесантников — жертв разыгравшегося здесь побоища.

Ничего подобного.

— Кобольды! — шепчет Бром.

Сотни и тысячи этих странных существ громоздятся возле стен точно поваленные деревья на берегу реки. Они спутались в единый комок, из которого хаотично торчат трубообразные конечности, лапы, продолговатые головы и выпученные глаза-камеры. Все еще гибкие, но беззвучные и неподвижные. Даже не представляю, на что был похож этот клубок, когда в нем кипела жизнь и работа.

Может, кобольды собрались вместе — как «Тинкер Той», детский конструктор из палочек, — чтобы стать единым организмом и синхронно вгрызаться в лаву и металл сотнями когтистых лап...

Посреди зала лужа — Диджей шлепает прямо по ней, вода достает ему до лодыжек. Похоже, пещеру расширили несколько дней или недель назад. Вода все еще стояла в нижних туннелях, и кобольды могли работать там, а потом они пробили дорогу к сухим отрезкам пещеры, и вода ушла из нижних коридоров. Но кобольды погибли не от этого. Они ведь передвигаются и по суше — я сам видел. Может, даже роют туннели на суше.

Этот горнопроходческий комбайн работал с размахом...

Пока кто-то, Койл или де Гузман, не схватил «газонокосилку» и не принялся крушить все без разбору. Отработанная материя оставила спиралевидные подпалины на стенах и расколола нагромождение кобольдов от пола до потолка. «Газонокосилка» по сути своей оружие избыточного поражения, а если еще и переборщить с ним... Кромешное безумие.

Сестры могли испугаться, что форы готовят атаку. Может, на них действительно напали. Но мы не видели ни крови, ни трупов — за исключением казненных поселенцев.

Акерли, Бром и Диджей стоят в центре зала, ошеломленные.

— Это *наше* дерьмище, — тихо говорит Акерли.

Он изо всех сил старается найти оправдание, причину.

— Что, если чертовы кобольды — радиоуправляемые шпионы антагов? Дроны или

вроде того. Шлындают по пещере, вынюхивают, высматривают... Конечно, сестрам пришлось порубить их в капусту!

— Это не дроны, — еле слышно шепчет Бром.

Я согласен с ним. Кобольды не похожи ни на одно виденное нами устройство, у них нет оружия, они не угрожали нам и не причиняли вреда.

— Может, кобольдам смерть нипочем, — рассуждает Акерли. — Может, они сейчас как прыгнут на нас да как схватят... Типа ожившие мертвецы!

— Закрой пасть! — Диджей трясется от ярости.

Все трое выжидающе поглядывают на меня. Когда космодесантники получают пищу для размышлений, это не сулит ничего хорошего.

— Надо вернуться к Санке, — решаю я.

Спихнуть с себя ответственность — вот и весь мой план. Найти Джо и доложить ему обо всем, что мы узнали: восточные ворота закрыты, антагов в штольне нет...

Зато есть чертовы кобольды...

Мы идем вслед за Диджеем, тихонько переговариваемся и сворачиваем по команде то вправо, то влево. Двигаемся в темпе. От резких перепадов давления начинает болеть голова.

В одном месте туннель расширяется, и мы видим вмурованную в пол крышку люка — два метра в поперечнике, не шлюз, но воду пропускать не должна.

— Эта шахта уходит вниз на пятьдесят метров, — говорит Диджей. — Никто кроме форов не забирался еще так глубоко. Можем спуститься — если удастся открыть люк, конечно.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я.

— Оттуда! — радостно орет Диджей. — Панель управления, помнишь? Все картинки у меня вот здесь! — И он стучит пальцем по лбу.

Меня охватывает буйная, безудержная ярость. Хочется вмазать Диджею или треснуть кулаком по стене. Сплошной бред! Господи, ну почему ты не можешь послать нам хоть капельку логики и здравого смысла?

Вместо этого я спрашиваю:

— Шахта ведет к южному гаражу?

Диджей на миг задумывается.

— Нет, — отвечает он, — она ведет к огромной пещере, а что мы найдем внутри — понятия не имею.

Диджей опускается на колени и пытается приподнять крышку люка.

— Смотри-ка, открыто.

Крышка довольно легкая — сразу видно, не из железа. Скорее всего, полимерная, напечатана на принтере.

— Там внизу может спрятаться большой отряд?

— Еще как! Пещера здоровенная.

— Не стрелять! — женский крик долетает до нас из глубины туннеля. — Седьмой батальон морской пехоты, ко мне!

Голос принадлежит капитану Койл.

— Вот черт! — цедит сквозь зубы Бром.

Из коридора выходит понурый Ви-Деф, подгоняемый сзади лейтенантом Музой. Я ловлю его предостерегающий взгляд. Между Ви-Дефом и сестрами явно нет идиллии.

— Твою мать! — устало выдыхает он и тут же получает по шее рукояткой пистолета.

Ви-Деф теряет равновесие и падает на колени.

Мы с Акерли, Бромом и Диджеем сбиваемся в кучу и хватаемся за пистолеты.

— Сам напросился! — заявляет Муза, но протягивает Ви-Дефу руку.

Из темноты туннеля выходит Койл в сопровождении еще четырех сестер. Они невозмутимо обступают нас и деловито обыскивают, проверяют, заряжено ли наше оружие. Деликатные, как пинок под зад. Как мартышки, выбирающие блох.

Голова гудит, адреналин зашкаливает.

Ви-Деф не принимает помощь Музы, поднимается сам. Взгляд тяжелый, в нем читается не только боль, но и злоба. Нас предали!

— Что тут, черт возьми, произошло? — спрашиваю я у Койл.

Не глядя мне в глаза, она размеренно и тихо рассказывает, как двенадцать вооруженных до зубов форов ворвались в штольню через восточные ворота и напали на сестер. Голос бесцветный, лишенный эмоций, словно она под наркотиком.

— Форы сбежали на нижние уровни, — сообщает Койл, расхаживая вокруг люка.

Диджей наклоняется и пытается отвинтить крышку, но осекается, поймав на себе тяжелый взгляд Музы.

— Пришлось отбиваться. Мы застрелили двух форов. Двое наших убиты снарядами. В конце концов мы усмирили оставшихся. Но потом они сбежали на нижние ярусы. Мы пустились в погоню, и они повторно напали на нас из засады.

— Что с подполковником Рустом?

— Погиб во время первой атаки.

Койл поднимает голову и с вызовом смотрит мне в глаза: мол, только посмей назвать меня лгуней. Но она врет, и все это понимают.

Пистолеты у девушек заряжены. Де Гузман сжимает «газонокосилку» с таким видом, словно готова пустить ее в ход.

«Тогда она разнесет в клочья не только нас, но и половину своей команды», — лениво отмечаю я.

— Дамы, дамы, — примирительно говорит Акерли, поднимая руки.

Диджей обливается потом, и вид у него рассеянный.

— Где Тил? — спрашиваю я.

— Не знаю. Да и какая разница, — пожимает плечами Койл.

Сестры ослабляют кольцо вокруг нас, но не бдительность.

— Послушайте, — голос Койл звенит так, словно она произносит речь перед целым взводом. — Мы получили новые приказы. Антаги хотят занять эту шахту, наша цель — помешать им. Поэтому мы соберем столько отработанной материи и взрывчатки, сколько сможем. Активируем заряды одновременно и обрушим верхние этажи.

Бром и Акерли недоверчиво качают головами.

Диджей скорчился, точно его сейчас вырвет, и не сводит глаз с люка.

— А не лучше ли просто держать оборону? — вклинивается Бром.

Как будто разумные доводы до сих пор что-то значат!

Акерли пихает его в бок, но Бром как ни в чем не бывало продолжает:

— Вы же сами сказали: оружие есть, зарядов достаточно...

Койл не удостоивает его ответом и поворачивается ко мне:

— Где вы были?

— Около восточных ворот.

— Форов нашли? — спрашивает она в лоб.

— Капитан, мы по-прежнему одна команда, — отвечаю я. — Делайте что приказано, а мы отступим к южным воротам и будем ждать вас там. А потом уйдем из штольни все вместе.

— Я должна быть уверена, что вы подчиняетесь только мне, и никому больше, — заявляет Койл, но ее взгляд кричит об обратном: «Я всего лишь маленькая девочка, не бейте меня!»

Становится ясно: грядет что-то страшное. Приказы не обсуждаются — хочешь не хочешь, а выполнять надо. Капитану Койл не по душе приказы, которые она получила. Но она образцовая космодесантница.

ВШПОЗ.

— Зачем вы водили нас за нос, капитан? Почему не рассказали все сразу? — сонно бормочет Диджей и потирает шею.

Я замечаю зеленые пятна у него на щеках, наверное, хватался руками за лицо.

— Что это с ним? — удивляется де Гузман.

— Устал, — пожимаю плечами я. — Мы все устали.

— Всему свое время, — отвечает Койл. — В любом случае, теперь вы знаете правду. Наши детонаторы слабоваты, поэтому придется заложить дополнительные заряды внизу, у Церкви. Потом мы присоединимся к вам у южных ворот. Приношу извинения, мастер-сержант. Младший капрал Медведев останется с вами.

Значит, и она в курсе про Церковь.

Девушки одна за другой скрываются в люке, до последнего удерживая нас на прицеле. Де Гузман замыкающая. Сестры исчезают так же стремительно, как и появились, словно в страшном сне.

— Не слушайте их, — предупреждает Ви-Деф. — Они погубят нас всех. Это же самоубийственная миссия.

— Крепкий чаек, да? — говорит Диджей.

Слабое утешение

Во дворе нас уже поджидает минивэн. Я выбираю сиденье в заднем ряду, подальше от водителя. Он отделен от нас пластиковой перегородкой и скорее всего не слушает, но все-таки... Я шепотом продолжаю рассказ и поглядываю в окно. Снаружи очень светло, хоть и облачно. Гадаю, куда мы едем, но по большому счету мне плевать.

Я чувствую себя очень странно, и виной тому не космолин и не адаптация организма к земной атмосфере и притяжению. В голове проносятся хоровод мыслей, образов, каких-то призрачных картин. Они не имеют отношения ни к тому, что происходило со мной в реальности, ни к тому, что я видел или читал, не связаны с моими органами чувств. Словно кто-то передает информацию прямоком мне на подкорку, словно в моей голове зарождается — или просыпается — еще один ангел. Это причиняет боль, но приятную, похожую на то, как ноют мышцы после спортзала.

И тут настроение резко портится. Как бы история ни начиналась, закончится она плохо — это суровая правда войны. Все, чего мы *хотим*, оборачивается бедой. Нет, я вовсе не на седьмом небе от счастья: все внутри — и желудок и мозг — сжимается от спазмов.

— Меня сейчас вырвет, — говорю я.

— Вряд ли, — возражает Элис.

— Но мне *правда* тошно.

— Не преувеличивай.

Она говорит так, словно знает какой-то секрет, но не собирается открывать его мне — не здесь и не сейчас. «Ну и пусть», — внезапно соглашаюсь я. Побуду покладистым для разнообразия. Я действительно чувствую себя странно, но доверяю Элис. Что, конечно, махровая глупость, даже несмотря на то, что Элис хорошенькая, вкусно готовит и умеет настоять на своем.

Она накормила меня чиоппино — рыба, моллюски, краб и овощи. Обьеденье.

— Ты подмешала в еду наркотик?

— Нет, — твердо отвечает она, похлопывает меня по колену, отстегивает ремень безопасности и пересаживается вперед, чтобы поговорить с водителем.

Потом возвращается на заднее сиденье и спрашивает:

— Джо послал тебя на Землю с чужими документами, но в суматохе никто этого не заметил, верно?

— Нас особо не проверяли. Задача была вернуть домой всех.

— Джо говорил, начальству понадобится несколько дней, чтобы увязать ваши истории друг с другом. Но потом они непременно захотят найти вас и изолировать. Вот почему он советовал остерегаться СНЗВ.

— Верно.

— Поэтому Джо и не пришел сам. Только дурак складывает все яйца в одну корзину. Он прислал меня. И — нет, я не подсыпала тебе наркотиков. Но ты принял полную дозу биодобавок и витаминов.

— Значит, меня тошнит от них?

— Да не тошнит тебя! — раздражается Элис.

Я испытываю ее терпение, растягиваю его как резинку. Оно оказывается таким тонким, что аж просвечивает. Я тоже могу быть терпеливым или нетерпеливым — по ситуации.

Черт, я в самом деле под кайфом, парю, как в невесомости...

Но спустя миг дурман проходит.

Мой разум чист как стекло.

— Что, черт возьми, тут произошло?

— Вот ты мне и расскажешь. Но позже. Мы будем у цели всего через час.

— А куда мы едем?

— В тихое, безопасное и уединенное место. Джо постарается успеть туда раньше нас.

— Мы с ним оба спаслись. Оба улетели с Марса.

— Я знаю.

— А они хотели перебить нас — всех до единого.

— Так и есть.

— Но ты не откроешь мне правду прямо сейчас, да? Будешь ждать, пока сам не догадаюсь или кто-то мне не расскажет?

— Потерпи. Уже скоро, Винни, — кивает она.

Перед тем как нас намазали космолином, орбитальное командование пообещало тем, кто участвовал в кампании, медали с эмблемой нашей роты. Но то, что творится сейчас у меня в голове — и у других тоже, у Диджея, например, — отодвигает все посулы на второй план.

Меня увозит куда-то красивая, эффектная женщина, которая отменно разбирается в кулинарии и биодобавках, заявляет, что знакома с Джо... и знает, что для меня хорошо, а что плохо.

— И последнее, — говорю я.

— Последнее, — соглашается Элис, наклоняясь вперед и пристально глядя на меня.

Я шепчу очень тихо, чтобы не услышал водитель:

— Я — ценная фигура в этой игре, да?

— Не просто ценная — незаменимая.

Мы шаг за шагом поднимаемся вверх и удаляемся от зала с мертвыми кобольдами, люка и скрывшейся в нем Койл. Боже, у меня сейчас мозг взорвется. Надо отвлечься от мыслей о капитане, ее сестрах и орбитальном командовании.

Подумаю-ка я лучше о кобольдах. Зачем они копают? Может, просто потому, что это их предназначение. Как термиты уничтожают все на своем пути, так и кобольды не успокоятся, пока не превратят штольню в каменную труху.

Мы сворачиваем то влево, то вправо, но неизменно движемся вверх. Проходит около часа, и тут мы замечаем на металлическом потолке и стенах отблески света.

— Это же Мишлен! И Ними! — орет Диджей.

Несмотря на тесноту коридора, мы сбиваемся в кучу и светим друг другу в лицо фонариками. Наши друзья выглядят так, словно их пропустили через мясорубку: от гермоскафов остались одни лохмотья, шлемы пробиты, экраны оторваны. Мишлен прижимает к груди сломанную руку.

Акерли пытается помочь ему, но Мишлен шарахается в сторону и закатывает глаза как испуганная лошадь.

— Где остальные? — спрашиваю я.

Мишлен описывает круг уцелевшей рукой — вверх, вниз, по сторонам — и говорит:

— Дерьмо падало с такой высоты, что мы его даже не учуяли.

— Не приставай к нему, — кривится Ними, — спрашивай лучше меня, пока я соображаю.

— Как жаль, что я не соображаю... — затягивает Мишлен.

Ними мягко прикрывает другу рот ладонью, Мишлен сползает по стенке и опускает голову.

— Расскажи про Койл, — прошу я.

— Перед смертью этот корейский генерал, Квак, дал ей последние указания. Я думаю, затем они все сюда и пришли.

— Долбанные генералы, — бормочет Мишлен.

— Какие указания?

— У сестер в рюкзаках до хрена кассет с отработанной материей. Видать, на Земле решили, что эта шахта должна взлететь на воздух. Так мне кажется. И Бойцовому Петуху... то есть подполковнику Русту тоже. Поэтому Койл и напала на форов. У несчастных ублюдков не было ни единого шанса.

— Сестры убили их всех?

— Попытались, но некоторые улизнули.

— А что с Тил? Фермерской женошкой?

Ними качает головой.

— Мы с Мишленом вырвались оттуда, и Бойцовый Петух, наверное, тоже. Но самый ужас в другом: внизу разгуливают какие-то существа! Похожи на клубки из соломинок, но бегают очень шустро.

— Мы их тоже видели. Это кобольды, — объясняет Бром.

— Они заполонили весь туннель, как раз когда Койл поставила форов к стенке — казнила их, чувак! Садистка чертова...

— Койл вроде как приказ такой получила, — вклинивается Мишлен, — но выражение лица у нее было охренеть какое странное...

— И де Гузман, значит, со своей «газонокосилкой»... — Ними пытается сглотнуть, но у него ничего не выходит.

Он поглаживает шею рукой, словно пытаясь протолкнуть слюну вниз. Чудо, что Ними вообще в состоянии говорить.

— А потом нас снова затолкали в большой зал, и туда нагрянули эти странные существа из соломинок, стекались буквально со всех сторон, клянусь, это правда...

— Чистая правда, — поддакивает Мишлен, поднимая глаза.

— Сестры убрали «газонокосилку» и повели нас в другой коридор, в котором полно огромных сверкающих кристаллов, и начали минировать его, вытаскивали взрывчатку из рюкзаков как герл-скауты печенье... И тут кристаллы как почернеют! Стены будто превратились в черное *стекло*, и на них выросли шипы. И эти шипы схватили Магсайсай и Сенизу, порвали им гермоскафы и... боже мой!

— Помогите встать, — просит Мишлен.

— Они обе стали черными и блестящими, как статуи, — заканчивает Ними.

Диджей переглядывается со мной, и мы поднимаем Мишлена на ноги.

— Проклятие медузы. — Я жалею о своих словах, едва они успевают сорваться с языка.

У Акерли и Брома такой вид, словно они готовы бежать куда глаза глядят.

— Мы не видели, чем все кончилось, — говорит Ними, — но шипы намертво пригвоздили сестер к стенам...

— Твердые и блестящие, а внутри светлячки! — подхватывает Мишлен. — Они типа так защищаются!

— Кто защищается? От кого? — недоумевает Бром.

Пора вернуться к насущным проблемам.

— Где они сейчас? — спрашиваю я.

— До всей этой неразберихи Койл собиралась спуститься в самый низ шахты. Старик фор назвал это место Церковью. Сестры пытали его. Он отказывался говорить, но Рейф...

Мишлен в ужасе закатывает глаза и со всей дури молотит здоровой рукой о стену, того и гляди заработает второй перелом.

— Держи его, Бром, — приказываю я.

— Он ранен, дружище. Мы должны вывести его на поверхность, прочь от этой пещеры. — В глазах Брома застыла мольба.

— Снаружи нас кое-кто поджидает, забыл, что ли? — холодно одергивает его Акерли. — Сестры до сих пор держат в плену хороших космодесантников?

— Я уже запутался, кто хороший, а кто плохой, — отвечает Ними. — Мы испугались и убежали, а Казах с Ви-Дефом остались помогать Бойцовому Петуху — Койл на нем живого места не оставила. Избила до полусмерти за то, что он усомнился в приказах Квака. А потом кореец умер — *испустил дух*. До последнего нес всякую ахиною про древние спутники и пыль... Помяни мое слово, нам уже не спастись! *Никому* из нас!

— Кто здесь главный? — истерит Мишлен. — Я не буду подчиняться психу, нет уж, увольте!

— Диджей, отведи нас к Санке. Немедленно, — прошу я, и Диджей тут же приободряется.

— Хорошо! — он поворачивается к остальным. — Ребята, за мной! К южным воротам!

Пакуем чемоданы и отправляемся домой.

Мне не хочется спорить. Отправляемся или нет — это еще большой вопрос, но звучит ободряюще.

Диджей шагает впереди куда увереннее и веселее, чем прежде, и не забывает попутно изучать выемки на стенах, считывать с них информацию. Пыль и сглаженные углы говорят о том, что мы идем по старым туннелям, и в этом есть что-то успокаивающее. Наши ботинки добавляют новые отпечатки к запутанной веренице следов на полу.

Диджей оборачивается ко мне и шепчет:

— Эта пыль здорово дает по мозгам... Крепкий чаек, да? У меня от нее глюки начинаются, а у тебя?

Я отмалчиваюсь. Нервы натянуты как струна. Лучше умереть в Красной пустыне, чем увидеть космодесантников-предателей или черные шипы. Сейчас я не в состоянии ничего анализировать... Но в моей голове действительно рождается *что-то новое*...

Свежее и неизведанное.

И тут — я едва не помираю со страху! — впереди словно призрак вырастает Такахаши Фуджимори.

Свет наших тускнеющих фонариков кидает оранжевые отблески на его лицо. С ним Бродски и Берингер. Поверьте, космодесантники умеют визжать как девчонки.

А потом мы замолкаем, пытаемся отдышаться и прийти в себя. Мы чуть было не переубивали друг друга!

— Где вы были, ребята? — спрашивает Тек.

— Мы организованно отступаем к южным воротам, — докладывает Акерли. — Уносим ноги из этой вонючей дыры, мастер-сержант.

— За мной! — командует Тек. — Я приведу вас к Санке. Видели где-нибудь следы Койл и ее отряда?

— Сестры спустились на нижние уровни, — отвечаю я. — Хотят взорвать пещеру к чертям собачьим. Тек, мы понятия не имеем, что происходит!

— Ага. Нас послали за тобой. А потом нужно найти Койл и сестер, выяснить, что они на хрен, задумали, и сделать им последнее предупреждение: мол, мы собираемся в южном гараже, берем машины и оружие и идем на прорыв, — Тек выбрасывает руки вперед, мысленно пробиваясь сквозь боевые порядки антагов. — Снаружи разыгралась сильная буря.

— Я видел ее из смотровой башни, — подхватывает Берингер. — Буря нам на руку. Прикроет нас.

— Блестящая идея, — Ними сердито теребит обрывки гермоскафа. — Сунуться наверх вслепую и в одних пижамах.

— Ну, на орбите тоже не дураки сидят. Будем надеяться, они придумают, как отвлечь врага.

— *Надеяться?* — переспрашивает Бром.

— Дурдом какой-то, — вздыхает Берингер.

— Да что ты говоришь? — язвит Мишлен.

Спустя десять минут мы оказываемся на небольшой площадке возле входа в южный гараж, где сидят на корточках Джо и сын де Грута, Рейф. Юный фор остался без гермоскафа, а его лицо разукрашено синяками, но в остальном он в порядке.

Джо поднимается и с кислой миной ведет нас в гараж. Де Грут и еще два фора грузят Бойцового Петуха на носилки и затаскивают его в «Чести».

— Руст уже не жилец, — говорит Джо, так чтобы подполковник не услышал. — Какие у тебя новости?

Я докладываю ему обо всем, что узнал. Когда я заканчиваю рассказ, из транспортного шлюза возвращается Казах. Он приветствует нас с Теком, мы обнимаемся и хлопаем друг друга по спине. Спустя миг с сантиментами покончено. Поразительно: Казах пережил не меньше нашего, а с виду свежий как огурчик.

Погрузив Бойцового Петуха в машину, Рейф возвращается к отцу. Оба смотрят на нас с усталостью и отвращением. Де Грут выглядит так, словно его крысы пожевали, лицо опухло до неузнаваемости, но спина по-прежнему прямая, а взгляд дерзкий.

Джо подводит итоги:

— Койл и ее команда исполняют особые приказы. Форов придется взять с собой.

— Кто-то наврал с три короба. Интересно, кто? — спрашиваю я.

Джо пропускает вопрос мимо ушей.

— Кто-нибудь видел остатки нашего отряда?

— Нет.

— А фермерскую женушку?

— Не-а, — отвечаю я.

— Она теперь на стороне штольни, — говорит Рейф, но прежде чем мы успеваем спросить, что он имеет в виду, пол начинает ходить ходуном.

Стены трясутся, с потолка осыпается пыль.

— Снизу? — спрашивает Казах.

— Сверху, — отвечает Тек. — Нас бомбят.

— Антаги готовятся к штурму.

— Штурма не будет, — вмешивается де Грут. — Вы что, ослепли? Не видите, кто у вас за спиной?

Джо велит Казаху осмотреть гараж и подготовить все для прорыва. Потом выбирает еще четверых и дает им особое задание.

— Диджей, ты помнишь карту?

— Думаю, да.

— Веди нас обратно к люку. Найдем Койл и попытаемся уговорить ее уйти вместе с нами.

Потом Джо добавляет шепотом, чтобы Рейф и де Грут не слышали:

— Мутная какая-то история про кобольдов. Могло быть так, что форы запустили в пещеру муравьишек, а потом сами же за это и поплатились?

— Вряд ли, — качаю головой я.

Джо обдумывает мой ответ.

— Тогда выходит, что колонисты говорят правду. Про Койл, ее особые приказы и Квака.

— Я уже ничему не удивляюсь, — хочу сказать я, но тут в гараж вбегает запыхавшийся Диджей.

— Нашел! — докладывает он. — Под люком шахта, звездац какая узкая, явно не рассчитана на людей. И как только сестры туда протиснулись?

Рейф выходит вперед:

— Она для Церкви, не для нас.

Джо кивком благодарит его за пояснение и дает сигнал выступить.

Диджей ведет меня и еще пятерых к люку и снимает крышку.

Да тут и правда тесно! Шахта от силы два метра шириной, а ступени узкие и очень крутые. Придется ползти по-змеиному.

— Если сидеть там внизу много лет, можно превратиться в Голлума. Помните, какой он был сальный и склизкий? И глаза как плоски.

Я как раз трогаю монету у себя в кармане, но после слов Диджея отдергиваю руку.

Джо по горло сыт его нервной болтовней.

— Закрой хлебальник! — рявкает он. — Спускаемся, находим Койл, наших ребят, Тил и выживших форов. На этом все!

Мы один за другим ныряем в шахту. Я вызываюсь идти первым.

— Разработай для нас эту дырочку, — гогочет Диджей.

Сверху доносятся разговоры и возня, четверо космодесантников следуют за мной, двое остаются прикрывать нас с тыла и ждать сигнала, что спуск прошел успешно.

Лучи фонариков мигают и дрожат.

Краем глаза я замечаю ухмыляющееся лицо Тека. В этом освещении оно похоже на раскрашенную деревянную маску.

Дойти до самого дна

Спуститься еще на пару метров. Нервы и так на взводе, а эта узкая нора — последняя капля. Добывает меня.

В Хоторне мы проводили учения в горной шахте — начальство предвидело, что нам, возможно, придется погрузиться в недра Красной планеты. Старый рудник, в котором добывали серебро и бирюзу, вызывал у нас благоговение — аж до мурашек пробирало. Мы были там вдесятером, спустились под землю почти на полкилометра, а инструктор — пятидесятилетний мужик по фамилии Маркес — учил нас сохранять спокойствие под этой чудовищной толщей камня.

— Над вами сейчас целая гора, мать ее растак, — любезно сообщал он. — Посмотрите на эти подпорки и *крепы*. Как вы думаете, в Неваде водятся термиты? Разумеется! Жрут дерево, только давай. И до этих крепей они, скорее всего, тоже добрались. Да еще вскрыша постоянно проседает... Плюс сейсмическая активность... Ну как ощущения?

Мы пробирались вперед согнувшись в три погибели или ползком, а Маркес тем временем объяснял, как вести огонь в замкнутом пространстве — он научился этому у парня, который научился у парня, который выкуривал вьетконговцев из «паучьих нор», а тот перенял опыт у парня, который занимался тем же в Корее, а тот у парня, который прочесывал со своим доберманом пещеры на Окинаве.

Как же меня воротит от этой чертовой дыры.

Не хочу даже вспоминать, каково нам пришлось тогда, мне сейчас и так хреново: фильтры забиты, пот льет в три ручья и капает с кромки шлема, да еще и нога Джо то и дело срывается и бьет меня по шее. Того и гляди разорвет гермоскаф. Представляю картину: мы наконец-то свалили из этой долбаной штольни, и стоя на поверхности Марса, я слышу, как воздух с шипением вырывается из моего костюма.

Кстати, откуда здесь воздух? Кто установил диффузоры, распределяющие его по всей пещере? Форы? Скорее уж кобальды, они больше смыслят в инженерии. Черт, опять на ум приходит серебряный рудник в Хоторне. Ходили слухи, что из горы поднимаются ядовитые серные испарения, и если спуститься слишком глубоко, то есть риск задохнуться — так, по крайней мере, утверждал наш инструктор — мудозвон, садюга вонючий! — якобы это закрытая зона, но кто знает, может, мы уже пересекли черту?

— Ну что, ребятки, слышите знакомый запахок? — интересовался он. — Когда вы пердите, небось так же воняет?

Маркес делал все, чтобы мы завалили тренинг, но обещанная прибавка к жалованью в конце концов перевесила клаустрофобию и вонь пердящей горы.

Мы с Джо и еще восемью ребятами к тому времени уже прошли семь кругов ада. Только двое из наших облажались, порадовав тем самым инструктора. Не справились с тренировкой в бассейне, моделирующей условия невесомости. Оказалось, что Маркес раздал всем дырявые гермоскафы. Помню, мы тогда бурчали: «Что за глупость, откуда на Марсе столько воды?» Смешно, несправедливо! Но тем не менее я выстоял в шахте и не ударился в панику, когда тонул в бассейне, и Джо с шестью другими космодесантниками тоже. Как, кстати, их свали? Память совсем ни к черту стала, может, мне все-таки не хватает кислорода?

— Закрытая зона, — доносится до меня сверху.

Джо так и не извинился за пинки по шее, и я зол на него, хотя мои собственные ноги

тоже то и дело соскальзывают с этих нечеловеческих ступеней.

— Чертова закрытая зона, — соглашаюсь я и тут же бьюсь коленом о камень.

Одной потенциальной дырой в костюме больше. Надо будет хорошенько осмотреть свой гермоскаф, надеюсь, у кого-нибудь из ребят найдутся подходящие заплатки.

— Даже не заикайся про тот проклятый рудник, — заявляет Джо.

Забавно, как сходятся наши мысли.

— Я его просто ненавидел. А ты?

Я пытаюсь дотянуться мыском до очередной ступени, но подо мной лишь пустота.

— А я обожал. Гора выталкивает тебя наружу как гигантская каменная вагина — это ж прямо второе рождение! И здесь то же самое.

Джо фыркает. Ничего, будет знать, как дубасить меня ногами. Спуск продолжается. Если у люка сверху сейчас окажется антаг, пары болтов хватит, чтобы поджарить нас как...

Что-то чуть слышно пружинит и трещит у меня под ногой — камень или пластик, не металл. Знакомый звук — я даже догадываюсь, что может его издавать. Направляю фонарик вниз, между ног, его свет отражается в чем-то, похожем на стеклянный объектив. Не глаз, живой и влажный, а камера, круглая и блестящая.

Я задерживаю дыхание.

Они следят за нами.

А потом странное существо исчезает. Винтовая лестница подо мной просматривается на несколько метров, и она абсолютно пуста, но я застываю как вкопанный. Над моей головой нависают скрюченные ноги Джо, он матерится.

— Что такое? — орет он.

— Передай Диджею, я только что наступил на Голлума!

Мой мозг все еще переваривает информацию. Надеюсь, ангел все записал, и я смогу прокрутить ребятам видео, когда мы закончим спуск. Внизу — черная пустота, нога ищет очередную ступеньку, но не находит опоры.

— Кажется, мы достигли дна, — говорю я.

— Ну так шевели булками, — отзывается Джо.

Я следую его совету и оказываюсь посреди необъятного мрака. Вокруг — благословенная безбрежная тьма. Я зажигаю фонарик на шлеме.

— Вперед, — командует Джо.

Я с радостью подчиняюсь. Какое облегчение — выбраться из тесной шахты! Но у меня в голове снова возникает это странное новое ощущение. Все хорошо, все так, как должно быть, и теперь я легко отыщу дорогу. Проблема в том, что я все меньше и меньше понимаю, кто я и с кем пришел сюда. Я пытаюсь сосредоточиться, вслушиваюсь в шаги друзей у меня за спиной. Бесполезно. Их больше нет рядом. Может, они пошли в другую сторону.

Да и пожалуйста.

Крепкий чайк.

Вокруг меня непроглядная тьма, но я выключаю фонарик на шлеме и ощупью продвигаюсь по пещере. Мои пальцы исследуют выемки на стенах, обшаривают все вмятины и выпуклости и находят в них своеобразный ритм.

Я ухожу все дальше. Может, я теряю связь с реальностью, может, зеленая пыль разъедает мне мозг и я спускаюсь по спирали в такие глубины, где меня никто никогда не найдет. Успокаивающая мысль. Здесь внизу по-настоящему хорошо, а кроме того, мне не придется иметь дело с сестрами и Койл. Пусть Джо сам с ними разбирается. Но с другой

стороны, это значит, что я никогда больше не увижу Джо, Тека, Казаха и остальных и не смогу обсудить свои впечатления с Диджеем, единственным космодесантником, на которого чай действует так же сильно, как и на меня.

Я вообще не вкуриваю, что происходит.

Но все отлично.

Я исследую грудную клетку гигантского гомункула под названием «штольня». Через пару часов я осознаю, что ухожу *все глубже*.

Воздух теплеет, становится насыщенным, влажным, наэлектризованным. Я снова чую живую, пульсирующую планету. Стены покрыты испариной. Я ползу на четвереньках и время от времени ощупываю выемки на стенах, пытаюсь соотнести шум в моей голове с тем, где я и *кто* я — ответы на эти вопросы все менее и менее очевидны.

Впереди слышны какие-то звуки. Здесь, на глубине, в самом сердце штольни, запросто можно наткнуться на кобольдов, но мысль о них меня совсем не пугает, хотя должна бы.

Кобольды такие клевые.

Инстинкт самосохранения опять подает голос: нельзя сдаваться на милость крепкого чая, надо взять себя в руки, подумать о чем-то отвлеченном.

Прочитал недавно в журнале интересную статью про кошатниц.

Они, между прочим, и близко не похожи на Женщину-кошку, хотя слова и созвучные. Забавно получается.

Нет в этом ничего забавного, придурок! Соберись!

Кошатница — вовсе не соблазнительная девица в маске с милыми ушками, а женщина, которая держит дома кучу котов. В статье говорилось, что большинство из этих дамочек заражены содержащимися в кошачьем дерьме паразитами — токси-чем-то-там. Эти паразиты *рассчитаны* на крыс — подавляют у них чувство страха, а самое главное — заставляют балдеть от запаха кошачьей мочи. И когда кошатницы подхватывают эту заразу, они перестают чистить лотки, тащат в дом все больше котов и млеют от аромата их какашек.

ВШПОЗ.

Наверное, это зеленый порошок влечет нас с Диджеем в глубину шахты, туда, где стоит непроглядная тьма. Заставляет искать какую-то таинственную вещь. Черт, надеюсь, у меня не возникнет непреодолимого желания копать? Чтобы сохранить свою человеческую сущность, я напеваю разные попсовые мелодии, но каким-то образом сбиваюсь на композицию Грига «В пещере горного короля». «Там-там-там-там-там-та-та, там-та-та, там-та-та...» Наконец привязчивый мотив отпускает меня. Ноги гудят от усталости, нос забит пылью, я то и дело чихаю.

Я словно вижу сон наяву — не то чтобы неприятный, но при других обстоятельствах я счел бы его сущим кошмаром. Занятно выходит. Все страннее и страннее.

Ох и крепкий же чаек.

Я плаваю в мутной воде, и надо мной нависают перевернутые ледяные холмы, синезеленые и белые, украшенные гирляндами светящихся цветов. С холмов стекают вниз струйки соленой воды, холодные и блестящие. Не знаю, *на кого похож* я сам, наверное, на краба или трилобита, или на червя с колючками, но явно не на человека. Людям в таких условиях не выжить.

Морская вода на вкус противная — слишком много минералов, то ли дело светящиеся цветы — и еда, и ориентир во тьме, и когда я встречаюсь на дне океанской впадины с себе

подобными — у нас у всех интересная и довольно приятная внешность (*панцири, сочленения и причудливые выемки — уродство непередаваемое, плюс колыхающиеся на волнах конечности и прочее дерьмо, которое я даже описать не берусь, а вдобавок на каждом из нас восседает тощий наукообразный паразит с множеством глаз — он мой лучший друг и защитник, предупреждает меня об опасности, и я очень люблю его...*)

Мы довольно большого размера — четыре или пять метров в длину, и когда мы собираемся вместе, то с гордостью и восторгом взираем на прекрасный плод наших трудов — величественную колонну, устремляющуюся с морского дна вверх, к перевернутому куполу из темного льда.

Под нами твердое ядро из камня и металла, сердце нашего мира, обогреваемое радиацией изнутри и приливными трениями снаружи, а ледяной потолок надежно защищает нас от внешнего мира, позволяя неспешно расти и развиваться на протяжении миллиарда лет.

Бог мой, какая же толщина у этого льда?

Сотня километров.

И только в последнее тысячелетие мы смогли прорыть ход наружу и оглядеться. Мы словно вылупились из огромного замерзшего яйца, источника нашего невежества и нашей гибели, и мы уже догадываемся, что нас ждет...

Падение метеорита.

Мы узнаем о грядущей беде по изменениям в приливе и отливе. Привычный нам устойчивый и мерный ритм нарушается, и вместе с ним рушится наш мир...

Мы выбиты из своей среды обитания, вокруг становится все холоднее, и мы медленно вымираем, но все же не сидим сложа руки: строим, зашифровываем, консервируем, пытаемся сберечь.

Готовимся.

Стены башни сложены из крошечных кристалликов, которые выделяют вещество, похожее на слизь — переливающуюся, густую, элегантную слизь, внутри которой извиваются прозрачные трубки. Соединяющиеся, распадающиеся, образующие причудливые каскады.

Колонна работает.

И колонна готова.

Грядет страшное, но мы встречаем катаклизм во всеоружии.

Эта вторая жизнь, этот навеянный зеленой пылью морок затягивает меня целиком, и я едва осознаю, что столкнулся с кем-то в темноте. Ощупью включаю фонарик на шлеме. Его тусклый оранжевый луч почти не дает света, но мне все же удастся кое-как разглядеть стоящую напротив фигуру.

Ни клешней, ни панциря — высокая и худощавая. Это женщина. Из глубин моей человеческой памяти всплывает ее имя — Тил. Сокращенное от Тилулла.

В ее широко раскрытых глазах читается спокойствие. Она ничуть не удивлена встретить меня здесь. По щекам у Тил размазана зеленая пыль, как и у Диджея. Не последовать ли и мне их примеру? Хуже точно не станет.

Тил смотрит мне через плечо.

Я оборачиваюсь. За моей спиной стоят Джо, Диджей, Тек, Берингер и Бродски. Они все время шли за мной по пятам. Наверное, я принял их за гигантских крабов.

Сказать, что я ошеломлен — ничего не сказать.

— Не хотел мешать тебе, Винни, — Джо говорит со мной как с ребенком. — Ты так уверенно шел по этим зарубкам на стенах. И привел нас куда надо.

— Точно, — восхищенно соглашается Диджей.

Тил окидывает их беглым взглядом и снова переключает внимание на меня.

— Идем со мной, — говорит она, — увидеть ее долж'н — п'ка не исчезла.

— Как ты ускользнула от форов? — спрашиваю я.

Тил молча качает головой.

— Многие из них мертвы, — продолжаю я.

— Знаю. Среди них и н'реченный мой. Но он не чу'ст'вал ее. Не пр'никся другой жизнью. Я не х'тела в мужья его — с ним древнюю истину не п'знаешь...

Как ни затуманен мой мозг, я все равно поражаюсь: еще одна версия ее истории? Какой из них я должен верить?

— Другую жизнь?

Тил берет меня за руку.

Боже! Ее прикосновение проходит по моему телу как электрический разряд. Тил наклоняется к моему уху и шепчет:

— Ты был там, чу'ст'вал ее, ведь правда?

— Да. Наверное.

Краем глаза я замечаю Джо, но остальные исчезли из поля зрения.

Откуда-то издалека доносится команда Джо:

— Давай вперед. Мы пойдем следом.

Может, пойдут, а может, и нет.

Тил держится рядом со мной. Вместе мы вступаем в Церковь — самый большой зал штольни. Связки лампочек-звезд подсвечивают внешнюю стену пещеры, так что можно разглядеть одну из сторон гигантского уходящего на сотни метров вверх цилиндра. Кто-то водрузил девять или десять широких световых панелей на штативы и подсоединил их через кабель к генератору. Тил по очереди включает рубильники, и теперь я могу разглядеть цепочку галерей, высеченных в металлических стенах и простирающихся от пола до потолка.

Вавилонская башня, вывернутая наизнанку.

Наиболее поразительную деталь зала я замечаю последней, словно я видел ее миллионы раз и уже перестал воспринимать как диковину. Что, разумеется, не может быть правдой.

Посередине пещеры стоит сверкающая кристалльная башня — не такая огромная, как помнится мне по моим «чайным» снам, но все равно очень большая. Покрытая трещинами колонна поддерживается каменными распорками и свисающими сетями из переплетенных друг с другом прозрачных труб, похожих на те, из которых состоят кобольды, только толще.

Главные элементы конструктора.

Эта башня — центр и средоточие всех ведущихся в штольне работ. Алмазная колонна, сверкающий небоскреб, стремящийся вырваться из каменного гнета, стряхнуть с себя ненавистную оболочку из лавы и металла.

Все связано. Я начинаю видеть общую картину.

Эта колонна, как и та, о которой я грезил в своих «чайных» снах, выделяет студенистое вещество. Блестящая слизь стекает с одного уровня на другой, капает с распорок и лужами разливается возле основания башни, там, где лениво копошатся и образуют новые соединения наполовину готовые кобольды.

Большинство кобольдов просто ползают туда-сюда, но некоторые целенаправленно

карабкаются по распоркам вверх, медленно и мучительно, пытаются образовать кольцо вокруг колонны и вдохнуть жизнь в окружающие ее галереи, заполнить пустоты в сердце — или в разуме — штольни. Сделать кристальную башню такой, какой она была в древности, скрытая подо льдом.

Зеленая пыль устилает все вокруг, даже озеро из слизи покрыто зеленой пеной. Может быть, пыль появилась как раз из слизи.

На какой-то безумный миг меня захлестывает паника. Моя паранойя, моя искалеченная войной психика — удел любого космодесантника — будто обрушивает на меня шквал из острых ножей, и в голове пульсирует одна-единственная мысль: антаги нас отравили. А может, командование подсыпало нам что-то в космолин, и какой-то неведомый новый враг (может статься, мы сами) проник в штольню и создал пятую колонну — в буквальном смысле слова! — грозную и разрушительную. И если эта злая сила приведет свой план в исполнение, то всему, за что мы боремся, настанет конец.

Глупости.

Я запутался во взаимоисключающих теориях, в противоречивой информации. Я падаю на колени, прикрываю глаза ладонью от слепящего света и всматриваюсь в высь пещеры, пытаюсь вновь ощутить другую жизнь.

Жизнь, наполненную некогда величием и смыслом, но утраченную теперь.

— Т'кая древняя, — говорит Тил, опускаясь на колени рядом со мной. — Спутник упал на Марс и на к'ски распался, давно очень. Это один из осколков был. Алжирцы и форы тут руду доб'вали, но не знали нич'го пон'чалу. Потом форы Церковь н'шли, но хобо на волю вырвался, и сбежали они. А у старых кристаллов было времени и воды достаточно, чтобы слуги их форму обрели. Чтобы проб'дились.

— Кобольды, — киваю я.

— Форы из штольни ушли, а слуги все к'пали да искали.

— Отсюда красные и синие пометки на карте.

— Верно. Все залы старые были пылью усып'ны, и отец вдыхал ее. И со временем другой жизнью пр'никся и обо всем дог'дался.

— И рассказал тебе?

— В том нужды не б'ло. Он первое пок'ление был, вдыхал пыль з'леную, как и ост'льные, но жизнь древнего спутника лишь см'тно видел. А потом форы его жену первую в пустыню пр'гнали, и он в З'ленный лагерь ушел — какие б ни были, а все лучше форов. А после я род'лась, и то, что он лишь слабо ощущал, в моих генах проросло... и окрепло.

Но молва шла, и пр'дателей во всех лагерях н'мало было. Вот п'чему форы в Зеленый лагерь явились и торговать меня х'тели. К тому времени их доктора сказали, если у просветленных мужчины и женщины ребенок родится, третьим поколением станет, вырастет и б'льшую историю з'кончит.

У де Грута т'ко сыновья были... и он сказ'вал, что вину свою з'гладить хочет, и меня торговал... Хотел разгадать штольню, р'ботать в ней, использовать ее... Думал, т'гда он власть над Землей и над иными с дальних звезд заполучит... Но штольня защищаться умеет...

Провода от заложенной сестрами взрывчатки опоясывают зал по периметру, обвиваются вокруг колонны, свисают с распорок и труб. Десятки зарядов отработанной материи, готовых сработать одновременно и спровоцировать чудовищный выплеск энергии. Зрелище обещает быть незабываемым.

Так вот что лежало в рюкзаках у сестер, когда они приехали сюда с пленными форами. А те, сами того не ведая, привели команду Койл прямо к цели.

Все подстроено.

— А капитан Койл? — спрашиваю я.

Джо и Диджей стоят чуть позади и слушают. Мое внимание приковано к Тил, но я не забываю об их присутствии.

— Форы их остановить х'тели. Т'гда ваши женщины стрелять стали и многих убили.

Сестры получили спецзадание, и мы не должны были знать об их миссии. Койл не собиралась оставлять нас в живых.

Тил идет вперед по каменным мосткам, которые образуют что-то вроде лабиринта над сверкающим озером слизи, где барахтаются полусформированные кобольды, а на дне — так помнится мне по моим грезам — растут красные и синие светящиеся цветы, служившие нам едой и путеводителем.

Древний спутник пытается возродиться.

Пытается *вспомнить*.

Провода от взрывчатки тянутся по мосткам к задней стороне колонны. Там тоже все заминировано. Стоит лишь нажать на кнопку — голова и плечи великана тут же обрушатся вниз и погребут под собой пещеру вместе со всеми шахтами.

Зачем разрушать это место, кладезь сырья и ресурсов?

— Зачем уничтожать знание? — спрашивает Джо.

Внезапно я понимаю: знание таит в себе угрозу, перевешивающую любые богатства.

— И что еще нелепее — зачем убивать *нас*?

Краем глаза я замечаю расплывчатую фигуру Диджея.

— Мы отведали крепкого чая, а это не входило в *их* планы, — говорит он.

— Кто-то не хочет, чтоб у вас знание б'ло, — подтверждает Тил.

— Кто именно? — недоумевает Джо.

Диджей идет по мосткам вперед, но Тил просит его вернуться и показывает на темный блестящий выступ в нижней части колонны. Не камень, но и не металл. Мы не видели этот материал раньше, зато наслышаны про него. Выступ усеян острыми шипами: серебристо-черные, полупрозрачные, густые, как трава, зловещие и прекрасные одновременно.

И эти шипы *растут*.

— Они п'стоять за себя умеют, — уверенно заявляет Тил, но по ее глазам я вижу: она понятия не имеет, что представляют из себя шипы, знает только, что они опасны.

Тил загоразивает нам проход, но Диджей уже далеко впереди, рассматривает зловещие колючки.

— Черт возьми! Черт возьми! — кричит он. — Это надо видеть!

Несмотря на протесты Тил, мы с Джо осторожно пробираемся по мосткам, тщательно обходя все острые выступы. Шипы растут, с тихим перезвоном пронзают воздух и студенистую массу озера. Проткнутые ими кобольды тоже чернеют и затвердевают.

— Похоже на кремний, — замечает Джо.

Нам угрожает смертельная опасность, а он выглядит заинтригованным. Весьма странно. Может, зеленая пыль проникла и в его мысли. Может, крепкий чай действует на нас всех.

Мы становимся первым поколением.

И тут из-за уступа доносится чей-то слабый и тонкий голосок, точно маленькая девочка зовет на помощь.

Еще несколько шагов.

Перед нами капитан Даниэлла Койл. Очевидно, она устанавливала детонаторы и взрывчатку возле башни, но поскользнулась и упала прямоком на шипы. Или колючки сами до нее дотянулись...

Койл лежит на каменном полукружии возле колонны, ее рюкзак — рядом. Капитан безуспешно пытается ухватить его за ляжки, не дать ему свалиться в клокочущую слизь. Тело Койл ниже пояса — гермоскаф, мышцы, кости, даже пистолет — почернело, стало твердым и блестящим. Кремниевая отравка поднимается вверх по ее туловищу, парализует единственную свободную руку, скрючивает тянущиеся к рюкзаку пальцы. Хотя голова и грудь Койл пока не онемели, дышит она с трудом. В глазах сестры застыл страх. Не похоже, что ей больно, но она едва шевелит губами.

— Помогите, — шепчет Койл, — освободите меня.

Рюкзак тоже постепенно темнеет. Одному богу известно, что случится, когда кремниевая чернота доберется до взрывчатки.

Диджей опускается на колени и хочет положить руку на плечо Койл, но шипы пробиваются сквозь ткань ее гермоскафа и угрожающе целятся в руку Диджея. Тогда он отдергивает ладонь и яростно качает головой. Матерь божья, да он плачет!

— Ничего не поделать, капитан, — говорит Диджей, тихо и благоговейно, словно читая молитву.

Так и есть. В эту минуту он — воин, молящийся за своего смертельно раненого товарища.

Никогда бы не подумал, что Диджей способен на такое, но он утешает и баюкает Койл, провожает ее за неведомую черту так, как мы с Джо никогда не смогли бы — глупо, нелепо, повинувшись какому-то дурацкому и вместе с тем божественному наитию.

— Это не в наших силах, — говорит Диджей, глядя ей в глаза.

Койл пристально всматривается в его лицо, словно новорожденный, разглядывающий таинственную фигуру отца. Это последнее человеческое лицо, которое ей суждено увидеть.

— Ты очень храбрая, капитан Койл. Прости, что не могу пойти с тобой. Не сейчас. Но скоро. Нам всем недолго осталось. Не борись, не надо, иди туда. Иди к ним. Передай им, что мы о них помним.

И в самом конце, тихо и ласково:

— *Semper fi.*

Возле места, где шип проткнул Койл, в темной глубине зарождаются золотистые огоньки, они расцветают, вспыхивают все ярче, завораживающе красивые и пугающие, точно тысячи светлячков, сияющих в бесконечной ночи.

По Церкви разносится предсмертный крик Койл — пронзительный, жалобный, детский:

— Мама, мамочка! Не надо, я не готова, мама, подожди! Мамочка!

Все космодесантники — дети: до, в преддверии и *во время* конца.

Губы Койл застывают.

Огоньки движутся вверх, к шее и голове Койл, делая ее похожей на полупрозрачную светящуюся изнутри скульптуру. Слетаются к глазницам, и те вспыхивают зеленоватым огнем. После этого светлячки покидают застывшее тело капитана и возвращаются в усеянный шипами отросток колонны.

Глаза Койл темнеют.

В пещере повисает тишина, прерываемая лишь мягким плеском волн и едва слышным

звоном растущих шипов.

Диджей поднимается с колен, выпускает дрожащий вздох, проталкивается мимо нас и вытирает глаза. Слезы оставляют на его щеках зеленые полосы. Диджей становится рядом с нами и вытягивает руки по швам, словно примерный ребенок в церкви. Очень древней Церкви.

И тут сверху на пещеру обрушивается страшный удар, словно великан со всей силы топнул ногой.

Колонна вибрирует, опорки гнутся и трещат. Частилки кристаллов откальваются от башни, бьются о верхние галереи, плюхаются в озеро, разлетаются по каменным мосткам.

— Нам тут больше делать нечего, — говорит Джо.

И это действительно так. Мы уходим.

Перспектива событий

— Оказаться посреди Красной пустыни во время бури, в окружении антагов, да еще в одной пижаме... И все-таки выжить. Охренеть можно, — удивляется Элис.

— Ага, — поддакиваю я, все еще во власти воспоминаний о Койл.

Мы едем в северном направлении, по широким новым мостам, мимо ферм, лесопилок, казино и торговых центров. Все здания построены десятилетия назад, поэтому футуристического в них мало, напротив, они выглядят чертовски обыденно и старомодно.

— Знаешь, я уже готова поверить во что угодно. Например, в то, что вы с Тил поженитесь и наплодите кучу маленьких лобстеров.

— Отвратительно.

— Разве? — Элис испытующе смотрит на меня.

— Так не выйдет.

— Откуда ты знаешь?

— Они мертвы. Погибли миллиарды лет назад... и не могут вернуться вот так запросто.

— Как ты чувствуешь себя сейчас? Тебя все еще посещают видения?

Возможно, этот разговор не принесет пользы ни мне, ни ей. Ума не приложу, почему Элис так со мной носится. Понимает ли она хоть что-то из моих косноязычных объяснений?

— Нет, — отвечаю я, — по крайней мере, не такие, как раньше. Но состояние какое-то странное. Слово я не до конца осознаю, где я и *кто* я.

— Что такого особенного в третьем поколении? На что они рассчитывали?

— Прозрение. Мудрость. Не знаю наверняка.

— А если кто-то знает, но противится этому плану? Не хочет, чтобы мы расширили поле зрения и поумнели?

Я пристально смотрю на нее.

— Мы едем не к Джо, так?

— Именно к нему, — настаивает Элис.

— Но мы движемся в сторону Канады. Будь добра, останови тачку и дай мне выйти, — мой голос звучит холодно и спокойно.

Я ведь знал, чувствовал, *подозревал* неладное, но не был уверен. Я словно застрял на стыке нескольких миров.

— Джо в Канаде.

— Канада не участвует в войне.

— Резонное замечание.

Водитель, отделенный от нас пластиковой перегородкой, оборачивается — проверяет, все ли в порядке. Держу ли я себя в руках.

Держу — пока. Один бог знает, как мне это удастся.

— Что он делает в Канаде?

— Скрывается от неприятностей. Интересная все-таки штука этот космолин. Засыпаешь там... пробуждаешься здесь. Но я даже не представляю, каково это — ощущать себя уродливым членистоногим, в панцире, да еще под слоем льда из расколовшегося спутника. Клево. А что происходит, когда зеленая пыль тебя отпускает? Все исчезает?

Мной все больше овладевает чувство, что я не имею права продолжать рассказ. Я думаю о капитане Койл, о сестрах из ее команды. Только две из них вернулись домой вместе с

нами, вместе со мной, хоть и на другом космо-фрейме.

Джо, Диджей, Тек, Казах и Ви-Деф — тоже на другом фрейме.

Мишлен, и Бром, и Акерли, и многие другие...

— Мы будем в Блейне через полчаса, — сообщает Элис. — Канадские власти встретят нас там, если, конечно, они не рассекретили твою личность. Если никто не предупредил американских пограничников. И если ты последуешь за мной. Хочешь, я расскажу тебе, что случится дальше?

— Я уйду из космодесанта?

— Твоя жизнь уже не будет прежней. Но ты и сам это понимаешь, ты же умный парень.

— Капитан Койл и ее особые приказы... Она готова была убить и себя, и нас. Почему?

— До того как стать медработником, я тренировалась вместе со спецназом, — отвечает Элис. — Я хорошо помню Койл, классная была космодесантница, может, лучшая из всех, кто мне встречался. В какой-то момент я была готова поступить как она, выполнить те же приказы... А потом появился Джо и вырвал меня из клешней заблуждений. Фигурально выражаясь. Я, кстати, ничего не имею против клешней, панцирей, моллюсков или с чем ты там себя теперь ассоциируешь.

Она что, играет со мной, эта непредсказуемая женщина, ставшая в один момент грубой и насмешливой? Проверяет меня? Хочет убедиться, что я контролирую собственные мысли?

И что в моей голове есть *хоть какие-то* мысли?

— Один в'прос з'дать надо, — сказала Тил тогда в южном гараже, я до сих пор помню ее задумчивое, сочувствующее и в то же время отстраненное выражение лица. — Каким образом этот крепкий чай, как вы его з'вете, до людей д'бирается? Как в наши ткани, в наши гены пр'никает?

— Расскажи мне, — бормочу я.

— Нет уж, ты первый, — возражает Элис Харпер. — Расставь все точки над «i», и тогда я открою тебе остальное. То, что я узнала от Джо и до чего дошла своим умом. Нужно увидеть перспективу событий, и ты можешь мне в этом помочь.

Прощания, приветы и сладкая печаль

В южном гараже Мишлен и Казах заканчивают последние приготовления к прорыву. Еще не оправившиеся от шока Муза и Сулейма — остатки команды Койл — тоже присоединились к нашему отряду. Их приняли — отчасти потому, что никто не знает всей правды про их подвиги, отчасти потому, что так или иначе они — наши сестры.

Сыграло роль и то, что девушки изо всех сил старались загладить вину — придя в себя, они вызвались осмотреть «гавань» перед северными воротами и оценить состояние брошенных снаружи машин. Сестры соорудили из мотка старой проволоки что-то вроде веника и расчистили двор от игл. Справились сами, без посторонней помощи. Так нам сказали Ними и Бродски.

После того как сестры вернулись, Ними и Берингер вышли во двор и попытались установить связь со спутником. Безуспешно. Мы по-прежнему отрезаны от своих.

Картина ясна. Северные ворота подверглись мощной бомбардировке и наглухо завалены камнями. Все «дьюсы», оставленные перед южными воротами, уничтожены. «Трандл» поврежден, но один из установленных на нем расщепителей, возможно, еще работает. Джип «скелл» должен быть на ходу, две «тонки» целы и невредимы и не задеты бактериальными иглами. Пыльная буря по-прежнему затягивает рассветное небо темной пеленой и скрывает от наших глаз брошенные перед «гаванью» машины.

Мы успели загнать в гараж «тонку» с двумя исправными расщепителями и задней мультикалиберной пушкой, «Чести» с четырьмя пушками «Эгида-7» и джип «скелл», оснащенный по минимуму — только кинетические ружья.

Джо и собравшийся с силами Бойцовый Петух обсуждают, как переставить расщепитель и его блок питания с «трандла» на «генерала Пуллера». «Чести» хоть и создан прежде всего для боя, но оборудован складным подъемным краном и может буксировать, переставлять с места на место, а иногда и чинить военную технику.

Герасимов и Ви-Деф обсуждают, как лучше снять трехрельсовую пушку-болтомет с «дьюса» и установить ее на...

Смысл разговора ускользает от меня. Все болтают без умолку, я слушаю, но ровным счетом ничего не понимаю. Тек и Казах трудятся не покладая рук, а я просто стою и *бью баклуши*.

Ко мне подходит Джо.

— Ясно как день, что мы подохнем здесь, но не волнуйся, тебе будет из чего пострелять напоследок. Уж об этом я позабочусь.

— Превосходно, — отзываюсь я.

Тил слушает наш разговор со странным, завораживающим спокойствием. Она второе поколение и к тому же много дней подряд вдыхала крепкий чай. Чай с ледяного марсианского спутника. Где теперь ее дом? В переносном смысле, конечно. Но и в прямом тоже — куда она подастся, если останется в живых?

Всех раненых — форов и космодесантников — включая Бойцового Петуха, укладывают в «Чести». Джо, Ви-Деф и Рейф делают финальную разведку в западной башне и докладывают, что пыль не рассеялась, а ветер достигает двухсот узлов.

Тек в третий раз инспектирует каменную «гавань» перед воротами.

Форы сидят тише воды ниже травы.

Тил, по-прежнему невозмутимо спокойная, стоит посреди гаража рядом со мной и Диджеем. Какая-то часть моего сознания отрешилась от происходящего, не видит и не слышит ничего вокруг. Я осознаю лишь то, что толку от меня никакого, что Тил рядом, и Диджей жметесь поближе к нам. Мы втроем стоим на отшибе точно прокаженные, точно заклеянные зеленой пылью. После рассказа о смерти Койл товарищи сторонятся нас. Им не по себе в нашем присутствии. Возможно, они боятся, что мы переметнулись на другую сторону.

— Я скучаю по своему паразиту, — признается Диджей, глядя на меня с ухмылкой. — Который сидел вот здесь.

Он похлопывает себя по шее.

— А ты?

Я тоже скучаю. Наверное.

Де Грут и Рейф пытаются помочь Бойцовому Петуху, но Руст угасает на глазах. По его лицу я вижу, что он все понимает. Смертельно раненому космодесантнику не позволят занять место в летящем на Землю корабле, даже если на орбите нас и правда ждет фрейм. Космолин бессилён против серьезных повреждений, а больниц на орбите нет.

На Земле врачи помогают всем раненым без исключения. Здесь, на Марсе, другие правила. И мы от них не в восторге.

Считая Бойцового Петуха, у нас в отряде четверо обреченных, но мы не бросим их до последнего. Таков наш долг.

Колонисты, разумеется, тоже остаются на Марсе. Даже если бы мы предложили форам лететь с нами — а мы, разумеется, не станем — орбитальная команда не пустила бы их в космо-фрейм.

Джо распорядился вернуть колонистам их машины. Не все автобусы на ходу, но и форов осталось немного, так что поместятся. Поедут, наверное, искать лагерь или поселение, которое согласится их принять. Де Грут, Рейф и остальные трудятся в поте лица: перетаскивают в машины оружие и ухаживают за ранеными.

ВШПОЗ.

План предельно прост. Мы понятия не имеем, что произойдет, когда мы прорвем оцепление. Будем переть напролом и убивать всех антагов на своем пути. Форы поедут следом.

Джо приближается к нашей маленькой группе.

— Де Грут обещал позаботиться о Тил. Нам не разрешат взять ее с собой на Землю, поэтому ей придется ехать с форами. Рейф надеется, что они найдут убежище в Амазонском лагере. Если тот уцелел, конечно. И если форам хватит сил до него добраться.

Тил оставляет его реплику без ответа, и Джо уходит — надо еще подлатать гермоскафы до выхода, благо у форов есть ремонтные наборы.

Тил поднимает глаза на меня:

— Вернись, если смо'шь.

— Ко мне это тоже относится? — с надеждой спрашивает Диджей.

— Ко всем вам... Если др'гую жизнь чу'ст'вать стан'те.

Не в силах вынести этот *странный*, сбивающий с толку разговор, я разворачиваюсь и иду за Джо, а Тил молча смотрит мне вслед, красивая и непостижимо спокойная.

«Пусть де Грут ее забирает», — думаю я, но все внутри противится этой мысли. Как жить дальше без ее прикосновений — без этой неземной связи с чем-то прекрасным и

диковинным?

Тил.

Чай с ледяного марсианского спутника.

— Да не расстраивайся ты так, мы один хрен не выживем, — утешает меня Диджей по дороге к «скеллу». — Как думаешь, куда мы попадем после смерти? В обычный рай или крабий?

Вся команда в сборе. Расходимся по машинам.

Ними возвращается в гараж через малый шлюз. Он и не думает отряхиваться от пыли, но кому какое дело? Ведь мы уезжаем.

И тут Ними орет:

— Я засек спутник! Точнее, кучу новых спутников! Наших! Диспозиция и тактика пока неясна, но они там, наверху! Хотите посмотреть, что я получил?

И он делится информацией с теми немногими, кто еще в состоянии ее принять. У большинства из нас гермоскафы разряжены или критически повреждены, а некоторым и вовсе пришлось забрать шлемы у мертвых форов...

— Выступаем! — приказывает Джо.

Ви-Деф откроет шлюз, а потом догонит нас.

Тил вслед за Рейфом забирается в маскианский автобус.

Больше я ее не увижу.

Я сажусь в «тонку». Джо, как и обещал, выделил мне мультикалиберную пушку. Вторая досталась Диджею. Мишлен за рулем. Плюс восемь пассажиров, считая Берингера, Бродски, Музу и Сулейму.

Ви-Деф открывает ворота, и створки шлюза разъезжаются в разные стороны — наружу и внутрь. Воздух с львиным рычанием уносится из гаража. На несколько секунд мы словно оказываемся в эпицентре урагана, ткань моего гермоскафа полощется на ветру, машины раскачиваются и кренятся. Разреженный воздух поглощает звуки, и тарактенье двигателей едва слышно, но наши задницы отчетливо ощущают рев заведенной «тонки».

И вот мы уже снаружи — вслепую пробираемся через марсианский шторм. Муза хватается за руку, я торможу Мишлена, тот жмет на тормоз. Ви-Деф выныривает из непроглядной тьмы, заскакивает в машину и протискивается между Музой и Берингером.

«Чести» палит из пушек направо и налево, никто уже не заморачивается с передвижением орудий по платформе, потому что антаги всюду ведут ответный огонь. В нас летят болты и снаряды, луч слабопольного расщепителя крошит камень за нашими спинами, поднимается, как кобра в боевой стойке, и сбивает у «тонки» половину заднего колеса, которое тут же вязнет в грязи.

Машина дает крен, Мишлен жмет на кнопку, и поврежденное колесо отлетает в сторону. Ничего, протянем и с пятью покрышками. Даже с четырьмя еще можно ехать, только хвост будет заносить.

Но если останутся три — пиши пропало, заглохнем.

И снова сиреневые молнии расцвечивают пыльную завесу, глухие тяжелые удары подкидывают нас на сиденьях, и что-то ярко-зеленое и оставляющее в небе закрученные полосы плазмы визжит над нашими головами как адский фейерверк и пикирует вниз. Наша «тонка» цела и невредима, но болт попадает в «скелл» справа, и тот разлетается фонтаном пылающих обломков и окровавленных тел.

«Тонка» идет намеченным курсом, мы с Диджеем вслепую палим из пушек, а

марсианский ветер хлещет нас наотмашь, точно злобный призрак.

Я предельно собран. Я на Красной планете, здесь и сейчас, в боевом режиме, пленник своего слишком смертного и оцепеневшего от ужаса тела, вцепившийся в сиденье и мультикалиберную пушку. Все против меня — колдобистая равнина, и ветер, и взрывы. Голова Мишлена в водительском кресле дергается из стороны в сторону. Он оглядывается через плечо и не верит своим глазам.

Еще живы!

Мы отъехали от штольни на целый километр. Автобус форов едва виден впереди. В такую бурю вообще ни черта не разглядеть...

И тут камни, воздух, пыль становятся на дыбы за нашими спинами, накрывают нас своей тенью. Четыре взрыва следуют один за другим, метровые обломки скал разлетаются в разные стороны, нас осыпает дождем из крошеного базальта и песка. Прямо перед нами откуда ни возмись падает и переворачивается вражеская «гусеница». Освещенная отблесками взрывов, она раскалывается пополам, и из нее вываливаются нелепые куклы с торчащими в разные стороны конечностями, такое чувство, что руки и ноги растут у них отовсюду... Антаги!

Мишлен проворно лавирует между обломков и искореженных тел. Можно подумать, что для него это обычное дело.

— Антаги на девять часов! — кричит Джо по рации. — Пистолеты на изготовку! Это пехота... они приближаются... и быстро!

Наконец-то нам выдался шанс рассмотреть врага вблизи, жаль, что никто об этом не узнает.

Нам уже не доведется рассказать о том, *что мы видели*.

— На кого они похожи? — спрашивает Элис.

Мы застреваем в пробке, не дотянув до границы километров двадцать. Вокруг царит радостное оживление. Многие американцы уезжают из страны на выходные. Отказ Канады участвовать в войне никак не сказался на ее экономике. Наши инопланетные покровители не стали наказывать канадцев и отбирать у них свои дары. Чтобы успешно воевать с антагами в космосе, гуру нужна политическая стабильность на Земле.

— На птиц, — отвечаю я. — У них очень толстые скафандры. Вытянутые шеи, широкие шлемы и здоровенные носы. Мощные туловища и длинные, сильные руки, к которым снизу крепятся кожные мешки.

— Как перья к крыльям, — подсказывает Элис.

— Да, вроде того. А их глаза...

Сквозь тихое жужжание электромобилей пробивается какой-то гул. Машины нового поколения работают почти бесшумно, поэтому если закрыть глаза, можно представить, что ты вовсе не на автостраде, а на лугу, где легкий ветерок колышет зеленую травку.

Но я слышу странный рокот, и он делается все громче.

Элис тоже замечает его, а за ней и водитель.

Шофер оборачивается и кричит нам что-то, но перегородка заглушает слова. Тогда он включает интерком.

— Что мне делать? Можно свернуть с автострады на следующем выезде, там есть...

— Тихо, — обрубает его Элис.

Она в задумчивости потирает подбородок и барабанит по носу своим наманикюренным пальчиком.

Я высовываюсь из окна насколько позволяет ремень и замечаю их первыми. Четыре квадролета. Не военные, гражданские. Мерно покачиваются из стороны в сторону над полями и шоссе. Высматривают кого-то.

— Нас ищут? — спрашивает водитель.

Элис прожигает меня гневным взглядом.

— Кому ты рассказал о своем возвращении?

— Никому, — пожимаю плечами я.

— Квартира чиста, Джо об этом позаботился, — бормочет Элис себе под нос.

Затем снова обращается ко мне:

— Ты из космопорта шел пешком?

— Да. А потом поймал машину...

— Вот дерьмо!

— Никто не предупреждал меня, что надо идти пешком всю дорогу до Сиэтла, — оправдываюсь я.

— Конечно нет, это было бы глупо, — отвечает Элис, не повышая голоса. — Тебя подвез кто-то с базы?

— Старушка, которая работает секретаршей у какого-то полковника.

Элис буравит меня взглядом. Очевидно, она прослушала тогда эту часть истории.

— А потом?

— Ехал на такси.

— Как ты расплачивался?

Я поднимаю вверх палец.

Квадролеты парят в ста метрах от земли по обеим сторонам автострады и медленно движутся на север вместе с потоком машин.

Вне всяких сомнений, они за кем-то охотятся.

Я откидываюсь на сиденье и закрываю глаза.

Прощай, Марс!

Сквозь пыль и завывания ветра доносится крик Мишлена:

— Наши наступают! Обстреливают антагов с орбиты!

Значит, наш удачный прорыв сквозь оцепление — не случайность. Может, командование приказало начать атаку с воздуха, чтобы прикрыть наше отступление, а может, и с другой целью, но факт остается фактом — в рядах неприятеля царят хаос и неразбериха.

Мы одолели уже четыре километра. Впереди тянется длинная цепочка взрывов, и вражеская пехота остановлена, по крайней мере, на время. Может, все антаги попрятались в окопы, и мы едем сейчас буквально над их головами. Мне кажется, я могу различить впереди очертания врытого в землю фонтана и мельтешащие в рассветной мгле фигурки врагов, освещенные фиолетовыми сполохами. Бульжники по-прежнему падают сверху дождем и ricochetят от марсианской равнины. Справа несется маскианский автобус, то исчезая в клубах пыли и дыма, то появляясь вновь. Антаги выскакивают перед нами словно картонные мишени в тире, а может, мне только так кажется, ведь все трясется от взрывов. Мишлен крутит штурвал как сумасшедший, петляя вправо и влево, и не то орет что-то, не то распевает песни во всю глотку.

Муза и Сулейма цепляются друг за друга, Ви-Деф сворачивается калачиком и закрывает голову руками. Мы с Мишленом прекращаем огонь, слишком велик риск попасть по машинам наших товарищей, несущимся прочь от штольни в вихре камней и пыли.

Пять километров!

Господи! Еще чуть-чуть — и прорвемся!

И тут что-то огромное и черное преграждает путь автобусу форов, «Чести» и «тонке». Словно каменная стена вырастает из-под земли... нет, не так! Она *падает сверху!* Ударная волна подкидывает нас в воздух на несколько метров и с силой швыряет оземь. Муза и Сулейма вываливаются из машины. Удерживающие меня ремни безопасности рвутся, я хватаюсь за раскаленный ствол пушки, но тот обжигает даже сквозь перчатки, и мои руки разжимаются. Я падаю за борт, приземляюсь на ноги и пытаюсь справиться со сдавливающими грудь спазмами.

Сометровая фигура каменного пловца уничтожена взрывом, ее гигантские обломки валяются перед нами, и я чувствую, как обрывается все внутри, и эйфория — мы спасемся, мы будем жить! — сменяется отчаянием...

Миллиарды лет упорного труда пошли прахом, уничтожены, стерты в порошок!

Не знаю, сколько времени я простоял так, растерянный и напуганный, но крик Ви-Дефа — вот кто не утратил присутствия духа! — возвращает меня к реальности:

— Готовьте оружие, дамы!

Два космодесантника выпрыгивают из упавшего на бок «Чести», преследуемые целой волной оправившихся от шока антагов. Пыльная буря стихает словно по волшебству. Я опускаюсь на одно колено и целюсь во врагов. Надеюсь, глаза меня не подводят, и мои мишени — антаги, а не братья-космодесантники в запыленных гермоскафах.

Враги ведут ответный огонь и наступают на нас. Мы вот-вот схлестнемся в ближнем бою.

В шлеме тишина. Мы целимся и стреляем — без лишних слов. Я поворачиваюсь влево и

вижу, как летит с плеч голова Ви-Дефа, а оторвавший ее болт с шипением врезается в «тонку». Из обезглавленного туловища хлещет кровь, как в кино. Тело Ви-Дефа медленно оседает на землю.

Я выпускаю болты один за другим, и тут, когда антаг маячит всего в паре метров от меня, пистолет разряжается... Иначе и быть не могло...

Переключаюсь на пули, но их тоже мало, — черт, закончились! — и я устал ждать, пока антаг соберется с духом и ринется в атаку... Почему он не стреляет?

Может, выронил пистолет в бою, а может, у антагов считается особой доблестью сойтись с врагом в рукопашной. Наконец, противник обрушивается на меня. Силен, черт! Враг молотит меня своими длинными руками, трехпалая ладонь хватает меня за грудки и поднимает в воздух. Краем глаза я замечаю, что какой-то антаг забрался на перевернутую «тонку» и палит сверху в Мишлена, а тот отстреливается, и антаг падает, и я скребу пальцами по шлему противника, пытаюсь уцепиться за что-нибудь, разорвать ткань, и лицо антага совсем близко — выпуклый экран шлема, нос, точнее, клюв, и четыре глаза — усталились на меня в упор, — и я слышу, как трещат мои ребра.

Я смотрю ему прямо в глаза, два внутренних похожи на блестящие красные бусинки, два внешних — огромные как плоски и тарачатся на меня без всякого выражения. Я выхватываю пистолет и молочу по вражескому шлему рукояткой. Антаг разжимает хватку — я пробил трещину в его экране, и ему уже не до меня.

Из-за «тонки» выходят двое космодесантников, Тек и Джо. Тек сжимает в руках здоровенный энергоблок — центнера под два, не меньше, — а Джо тащит выломанную из «Чести» рельсовую пушку. Эта парочка поливает шквальным огнем пятак вокруг рухнувшей скалы — та придавила, должно быть, целый батальон антагов — и расчищает нам дорогу. Ребята подхватывают меня, Музу и еще нескольких выживших — Сулеймы не видно, зато Мишлен с нами. Мы обегаем вокруг шипящей, трескающейся, крошащейся каменной глыбы, заброшенной сюда чудовищной силой взрыва, и оказываемся посреди марсианской равнины. Знакомая картина — пыль и лава простираются до самого горизонта, а воздух чист и прозрачен, словно никакой бури и в помине не было.

Мы несемся вперед без оглядки. Кто-то присоединяется к нам, может, Казах, но я не вижу наверняка, потому что мы вшестером бежим плечом к плечу.

А потом останавливаемся. И летим кувырком.

Прямо в ров. Довольно мелкий, его глубины едва хватает, чтобы укрыться в нем.

Я машинально перекатываюсь на живот и проверяю, не порван ли гермоскаф, сначала у себя, потом у ближайшего товарища — им оказывается Казах. Затем перехожу к Джо, но тот отталкивает меня и орет:

— Хватит ерзать! Задолбал!

Я не обращаю на его протесты ни малейшего внимания, деликатный, как пинок под зад. Как маргашка, выбирающая блох.

Джо хватает меня за плечо.

— Держись, Винни!

— А как же! — ору я в ответ. — Люблю такие замесы, просто обожаю!

Мы все плачем в наших шлемах.

— Что с автобусом форов? — спрашиваю я.

— Он был впереди, когда скала обрушилась, — отвечает Джо. — Проскочил, наверное.

— А вот «Чести» не повезло, — добавляет Казах.

— Как и целой шеренге антагов, — вставляет Тек.

Мы молча сидим друг напротив друга, слишком уставшие, чтобы говорить, смотрим, как над нами неспешно плывут серые и розовые полосы пыли, и синхронно вздрагиваем, когда какой-нибудь одинокий болт прочерчивает в небе сияющую линию. Хорошая новость — наши ангелы постепенно оживают: мигают экраны, трещит рация, слышны чьи-то далекие голоса. Может, они доносятся из таинственного места, куда попадем мы все, когда нам оторвут головы.

Круг замкнулся. Мы пришли к тому, с чего начинали до встречи с Рустом, фермерской женошкой и остальными нашими спасителями. Но от кого ждать помощи теперь?

Ресурсы практически на нуле, гермоскафы разряжены.

Кислорода хватит на десять минут.

Если я успокоюсь и перестану хватать ртом воздух.

Если перестану плакать.

Бесценный

Элис и водитель выходят из минивэна. Я остаюсь на заднем сиденье, даже ремень безопасности не отстегнул, побуду пока тут, в тишине.

Семеро мужчин и женщин выпрыгивают из квадролета и бегут к нам, лавируя между стоящими в пробке машинами и грузовиками. Не копы и не военная полиция. На квадролете нет ни одного опознавательного знака.

Этих семерых явно привлекает наш минивэн.

Пора домой

Джо срывает с меня погоны, хватается за мой шлем и со всей силы бьет по ангелу булыжником. Потом выуживает из рюкзака шлем убитого фора и вручает мне.

— Оденешь его, когда будете подниматься на орбиту, а свой выбросишь. И ради всего святого, держись подальше от СНЗВ.

— Вон подъемник уже подъезжает к нам, — говорит Казах.

Джо цепляет на меня погоны Бойцового Петуха и пришивает к моей груди свой собственный искореженный дубовый листок.

— Ты разве не полетишь с нами? — спрашиваю я.

— Сразу за тобой, на следующем подъемнике. С Диджеем вместе.

— Он выжил?

— Ты же знаешь Диджея — ему все нипочем.

Значит, мне придется лететь домой под чужим именем или вовсе без имени, что, в общем-то, не проблема: нас погрузят в подъемник и доставят на орбиту, а после обмажут космолином и отошлют на Землю. Вот и все.

Я периодически теряю сознание. Неожиданно мои легкие наполняются свежим воздухом. Глаза открываются. Я все еще пытаюсь осмыслить поступок Джо, но надо мной, Теком, Казахом и остальными уже склоняются космодесантники в новеньких свежих гермоскафах.

Какая-то сестра — на ее нашивке написано «лейтенант Ширмерхорн» — спрашивает меня:

— Как вас сюда занесло, подполковник Руст?

— ДНК не совпадает, — говорит техспециалист.

Судя по голосу, совсем еще мальчишка. Он зачем-то подносит био-тестер к уху и трясет его. Интересно, что он рассчитывает услышать?

— Забей, никому и в голову не придет сличать эти бумажки, — успокаивает его Ширмерхорн. — Просто доставим ребят на орбиту, и все.

Так они и делают.

Учитывая, через какое дерьмо нам довелось пройти, я на удивление легко отделался. Пара сломанных ребер, трещина в берцовой кости, контузия и спровоцированный недостатком кислорода ожог легких. Ничего, космолин все исправит. К тому времени как мы вернемся на Землю, буду как новенький.

Рядом со мной лежат Казах, Тек и Джо, без гермоскафов, каждый в отдельной пластиковой палатке.

Джо опускает голову и полушепотом дает мне инструкции:

— Тебя доставят в Сиэтл. Это был родной город Бойцового Петуха.

Джо объясняет мне, как найти квартиру Руста, и заставляет несколько раз повторить адрес.

— Не нарывайся на проблемы. Я приеду как только смогу. Мне нужно тебе про многое рассказать.

— Про что?

— Про то, что все это означает, кретин.

Тек слушает нас, лежа на боку. Казах приподнимается на локте:

— О чем это вы шепчетесь?

— О том, что скоро мы все будем дома, — улыбается Джо.

— Если антаги не захреначат в наш фрейм болтом, — говорит Казах, снова откидываясь назад.

Он никогда не теряет оптимизма.

— Ви-Деф погиб. — Ужасная картина все еще обжигает мне мозг. — Страшная смерть, но хотя бы быстрая.

— Послушай, Винни, — шепчет Джо. — Это очень важно. И все объясняет: мою миссию и миссию Койл, генералов посреди пустыни и преследующих нас антагов. Это как большая мозаика, и ты — ее часть, понимаешь? Ты должен залечь на дно, прийти в себя, а потом мы сядем и обсудим все с глазу на глаз. Нас еще много чего ждет впереди. Я вернусь как только смогу.

— Вернусь в мир, где запрещено материться, — добавляет Тек.

Джо тут же вспоминает смешную шутку на эту тему и развлекает нас, пока мы ждем подъемник. Может, я как-нибудь расскажу вам этот анекдот. Если будет время — и настроение.

А с настроением у меня в последнее время творится что-то неладное.

Элис и водителя отводят на обочину и берут под стражу. Народ высовывается из машин и пялится на нас с явным осуждением. Думают, наверное, что мы контрабандисты.

— Ты привез что-нибудь с Марса, солдат?

Мужчина в гражданском аккуратно помогает мне вылезти из минивэна.

— Кристаллы? Черные, белые, алмазные?

— Нет, сэр, никаких кристаллов.

На меня напяливают какое-то подобие пластикового мешка без рукавов, руками не пошевелить, но при ходьбе не мешает. Странное одеяние снабжено автономным дыхательным аппаратом. Меня со всей осторожностью грузят в квадролет. Пилот оборачивается из кабины, убеждается, что я в порядке и под присмотром, и докладывает:

— Беглец задержан. Ориентировочное время прибытия — двадцать семь минут. Готовьте Мадиган.

Мадиган! Я матерюсь сквозь зубы, и плевать, что это запрещено. Не хочу я, чтобы меня уложили на больничную койку и обкололи иглками только потому, что какой-то идиот возомнил, будто я заразен.

Даже если это в самом деле так.

Джо отправил меня домой под чужим именем. У нас в войсках вечная неразбериха, и Джо надеялся, что пройдет немало времени, прежде чем доктора догадаются, что с Марса вернулся космодесантник, который не должен был выжить. Тот, кого нет в списке. Приговоренный к смерти капитаном Койл и ее сестрами.

Плевать.

У нас и так почти не было шансов.

Странное дело, но в этот раз космолин не усыпил меня как обычно, и я всю дорогу предавался размышлениям.

Я уже не тот тугодум, каким был раньше.

Мой разум обновился, стал гораздо гибче и дружелюбнее.

Четыре пропеллера, расположенные по углам квадролета, со свистом взмывают в воздух тучи пыли, мы отрываемся от земли и летим над фермами, прочь от границы.

Мой пластиковый наряд скрипит при каждом движении.

— Добро пожаловать домой, космодесантник, — говорит мужик, сидящий на соседнем кресле.

Бугай лет за сорок, седеющий, но довольно подтянутый, с пронизывающим взглядом фаталиста. Не удивлюсь, если он сам когда-то был космодесантником.

Я нащупываю в кармане монету, мою Прелесть. Меня еще не обыскали.

У Тил был похожий серебристый диск, ключ от шгольни достался ей в наследство от отца. Может, моя монета — тоже ключ, вполне вероятно, на поверхности Марса есть и другие шгольни.

Ведь тот древний спутник разлетелся на множество осколков.

Ненавижу переходы, границы во времени и пространстве, особенно те из них, что отделяют одно состояние от другого. Они и есть самые опасные. Каждый человек дважды пересекает главную черту — когда рождается и когда умирает. И то и другое дается нам

непросто.

Темнота поджидает с обеих сторон.

Мысли об этом неизменно пугают меня, ведь мне не удастся гармонично перетекать из одного состояния в другое — война и мир, радость и печаль, друзья живые и мертвые. Однажды я видел умирающую кошку. Ее задавил грузовик, сдававший задом у нас во дворе. Испуганный ревом мотора зверек заметался из стороны в сторону и угодил прямоком под колесо. Когда грузовик уехал, я склонился над искореженным тельцем. Заглянул в глаза кошке и прочел в них непередаваемую муку. Потом по ее телу прошла дрожь, а взгляд потух. Та кошка достойно встретила свой конец. Она знала толк в переходах и границах.

Переступила черту без единого звука.

Надеюсь, у меня хватит мужества уйти так же.

Сейчас я нахожусь в Мадигане, охраняемом военном госпитале, из которого мне едва ли удастся вырваться. Впрочем, не все так плохо: тут вполне приличная трехразовая кормежка, вдоволь воздуха и воды, не воняет мочой и не надо носить гермоскаф. Одним словом, я доволен.

Я так и не узнал, что случилось с Элис. Может, ее держат где-то по соседству, в карантине, ведь она провела со мной очень много времени. И я все еще надеюсь, что Джо придет за мной, хоть это и чистой воды безумие.

Впрочем, под это определение можно подвести многое из того, о чем я думал, поднимаясь на орбиту и возвращаясь домой. Но Земля теперь не единственный дом для меня. Мою голову переполняют сумасшедшие идеи и мечты.

Ну что, наверное, настало время поделиться кое-какими выводами.

Слушайте внимательно, потом перескажете Джо. Может, он и так все знает, но вдруг нет?

Порошок, который мы с легкой руки Диджея прозвали крепким чаем, — не споры таинственных бактерий и не инфекция в привычном понимании слова. Это память. Разумные существа с древнего спутника создали кристаллы, которые выделяют зеленую пыль. Этот порошок помогает кобольдам возобновлять работы всякий раз, как вода возвращается в штольню.

Но он действует так же и на людей, проникает в клетки нашего тела, в наш мозг, и мы вспоминаем о событиях, никогда с нами не происходивших. Этому есть только одно объяснение.

Когда спутник врезался в Красную планету, много эонов назад, на безжизненные равнины Марса обрушились триллионы тонн льда — оболочка метеорита — и камней — его ядро. Спутник засеял Красную планету. Дождь и снег превратили ударные впадины в океаны, и Марс ожил — на несколько миллионов лет.

Но осколки от столкновения попали в космос, и некоторым из них удалось преодолеть притяжение Марса и долететь до Земли.

Существа с ледяного спутника засеяли и нашу планету тоже, и мы — по крайней мере, частично — их потомки, наследники древнего знания. Зеленая пыль для нас — открытая книга, главное — расшифровать, воссоздать информацию, которую кобольды пытались сберечь в течение миллионов лет. Секреты альтернативной истории. Выводы, ощущения, оценки — первобытная мудрость.

Зная об этом, гуру распорядились послать на Марс подрывную команду Койл. Они на все готовы, лишь бы остановить нас. Но *зачем?* Ведь гуру прилетели на Землю, чтобы помочь людям. Или нет?

Что, если зеленая пыль может перечеркнуть все их планы?

И они не хотят, чтобы мы учились?

«А может, — размышляю я, — антагов забросило к нам на осколке метеорита, прилетевшего из облака Оорта?» Как *тогда* поменяется расклад?

Антаги наращивают силы, наголову разбивают корейцев, европейцев и русских, уничтожают наш большой бросок, гонятся за взводом Джо, а в промежутках швыряются кометами — и все из страха, что кто-то отведаст зеленого чая?

Кто-то из колонистов или бойцов.

Неужели *все разом* захотели стереть штольню с лица Марса?

Я изложил на бумаге почти все, в том числе и события, про которые рассказывал Элис. Теперь готовлюсь отослать свои записи вместе с монетой. Доктора не горели желанием производить полостной осмотр у заразного пациента, а когда они наконец собрались с духом, было уже поздно. Только не надо расспросов — как и куда. Достаточно сказать, что кое-кто из здешних знаком кое с кем, кто знает Джо, а Джо все еще на свободе.

Он стал настоящей легендой Мадигана.

В понедельник ко мне пришли трое докторов. Разговаривали со мной через окошко в двери. Сказали, что карантин закончится через пару недель, и тогда меня передадут в заботливые руки Эскорта.

Значит, я скоро умру. Или познакомлюсь с гуру. Очень надеюсь, что они не сделают ничего с моими воспоминаниями о другом мире. Если же гуру уничтожат их — или меня, — и останутся только эти записки, то вот самое главное:

Титан. Спутник Сатурна, расположенный в полутора миллиардах километров от Земли. Некоторые из наших уже пали там смертью храбрых. Какие скафандры носят на Титане? Атмосфера из метана и азота с примесью ацетилена и пропана окутывает Титан желто-оранжевой дымкой, в его маслянистых недрах залегают сложные углеводороды, а под ними — лед и глубинные океаны, омывающие неоднородное каменное ядро.

Нетронутый — по крайней мере, пока.

Древний и холодный.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Грег Бир — американский писатель, автор множества фантастических романов, рассказов и повестей, обладатель пяти премий «Небьюла» и двух премий «Хьюго», учредитель Ассоциации художников научной фантастики, с 1988 по 1990 год — президент Ассоциации американских писателей-фантастов. Кроме того, Грег Бир является консультантом и советником в корпорации «Майкрософт» и входит в консультационный совет ЦРУ по делам национальной безопасности.

Стоило землянам заступиться за своих покровителей, инопланетную расу *зуру*, как началась полномасштабная война... И враги — убийцы-*антаги* — уже вышли на орбиту Марса. Майкл Вени, космодесантник, переживший несколько яростных атак, вынужден скрываться на поверхности Красной планеты. Без оружия, без пищи и воды, без малейшей надежды. Зброшенная шахта с разветвленными ходами стала временным убежищем горстки храбрецов, со всех сторон окруженных превосходящими силами противника.

Это конец?

Но Майкл внезапно обретает в шахте знания, которые могут изменить ход войны и заставить землян взглянуть по-новому на инопланетных врагов и друзей.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-086779-0

9 785170 867790

notes

Semper Fidelis — (*лат.*) всегда верен. Девиз корпуса морской пехоты США.

Цитата принадлежит Венделлу Берри (1934), американскому писателю, поэту, культурному критику и фермеру. Согласно Берри, для человека очень важна связь с природой и родными местами.

Льюис Б. Пуллер по прозвищу «Чести» (1898–1971) — генерал-лейтенант корпуса морской пехоты США, герой Корейской войны.

В. Шекспир, песенка шута из «Двенадцатой ночи», пер. М. Лозинского.

«Потерянный патруль» (1990) — Приключенческая компьютерная игра в антураже Вьетнамской войны с элементами «симулятора выживания». Семь уцелевших после крушения вертолета военнослужащих должны выбраться из джунглей к ближайшей американской базе.

Волк (*лат.*)

Кимчи — национальное корейское блюдо, острая закуска из квашеных овощей, основная составляющая — пекинская капуста.

Джеймстаун — первое постоянное английское поселение в Америке. В 1609 году продовольственное судно, направлявшееся в Джеймстаун из Англии, потерпело крушение, и город остался на зиму без продовольствия. Разразился массовый голод, который привел к людоедству.

«Парни что надо» (англ. *The Right Stuff*) (1983) — художественный фильм, описывающий развитие американской космонавтики в период с 1947 по 1963 год и попытки США выйти в космос.

Ахмед Эль-Райсули — главный герой фильма «Ветер и лев» (1975) («*The Wind and the Lion*»), арабский полевой командир, противостоящий вторгшимся в Марокко европейцам.

Кроатон — британская колония на острове Роанок (Северная Каролина, США), бесследно исчезнувшая между 1587 и 1590 годами. Есть множество теорий, касающихся судьбы пропавших колонистов, но ни одна не подтверждена документально.

«Алая буква» (англ. *The Scarlet Letter*) (1850) — роман американского писателя Натаниеля Хоторна, описывающий противостояние пуританского общества и изгнанной из него молодой женщины.

Гесперийская эра — этап геологического развития Марса (3,5 млрд лет назад), когда планета имела постоянную гидросферу.

Фортреккеры — (африк. *Voortrekkers* — пионеры, первопроходцы) — буры (потомки голландских переселенцев в Южную Африку), которые покинули британскую Капскую колонию после 1834 года и мигрировали на внутреннюю возвышенность, к северу от Оранжевой реки. Толчком к переселению стал принятый британцами закон об отмене рабства (1834 г.), который привел к разорению многих буров.

Главное командование союзных сил существовало в период 1942–45 гг. для координации боевых действий войск англо-американской коалиции на Средиземноморском театре военных действий.

Африкаанс — язык, на котором говорят живущие в Южно-Африканской Республике африканеры, или буры (люди белой расы, потомки голландских колонистов, высадившихся в 17 в. на мысе Доброй Надежды), а также «цветные», т. е. люди смешанного бурско-негритянского происхождения. Африкаанс сложился на основе южных диалектов нидерландского языка.

Лидия Эстес Пинкхэм (1819–1883) — американская предпринимательница, организовала производство тонизирующей настойки для лечения женских недугов. Настойка на основе сбора трав и спирта имела крепость 20° и пользовалась огромной популярностью.

Родезия — непризнанное государство, существовавшее с 1965 по 1979 год и располагавшееся в Южной Африке на территории колонии Южная Родезия и современного государства Зимбабве. Получила название в честь английского колониста и бизнесмена Сесилия Джона Родса.

Трекбуры — (африк. *Trekboers*) — буры-кочевники (потомки голландских переселенцев в Южную Африку), начиная с XIX века стали переселяться из окрестностей Кейптауна на территории к востоку от мыса Доброй Надежды, стремясь уйти из-под власти Нидерландской Ост-Индской компании.

Великий трек — (африк. *Die Groot Trek*) (1830–1850-е гг.) — массовый исход буров из Капской колонии в глубь африканского континента. Толчком к переселению стал принятый британцами закон об отмене рабства (1834 г.), который привел к разорению многих буров. Впоследствии этих переселенцев стали называть фортреккерами.

Офир — древняя страна, упоминаемая в Библии. В Офире находились легендарные «Копи царя Соломона», где добывались несметные богатства. Многие исследователи пытались определить географическое положение Офира, но тщетно.

«Грязная дюжина» (англ. *The Dirty Dozen*) (1967) — американский художественный фильм. Во время Второй мировой войны двенадцать преступников получают шанс искупить свои прегрешения, выполнив опасную миссию.

«Удержать замок» (англ. *Castle Keep*) (1969) — американский художественный фильм. Во время Второй мировой войны семеро американских солдат обороняют старинный замок от немецких войск.

«Герои Келли» (англ. *Kelly's Heroes*) (1970) — американский художественный фильм. Во время Второй мировой войны группа американских солдат грабит немецкий банк, в котором хранится солидный запас золота.

Мауна-Кеа — вулкан, расположенный на Гавайских островах в Тихом океане.

Эмиль Капаун — американский военный капеллан, погибший в корейском плену.

Не за что (*исп.*).

Имеется в виду сцена финального сражения из фильма «Приключения Робин Гуда», в котором Бэзил Рэтбоун (1892–1967) сыграл Гая Гисборна, а Эррол Лесли Томсон Флинн (1909–1959) — Робин Гуда.